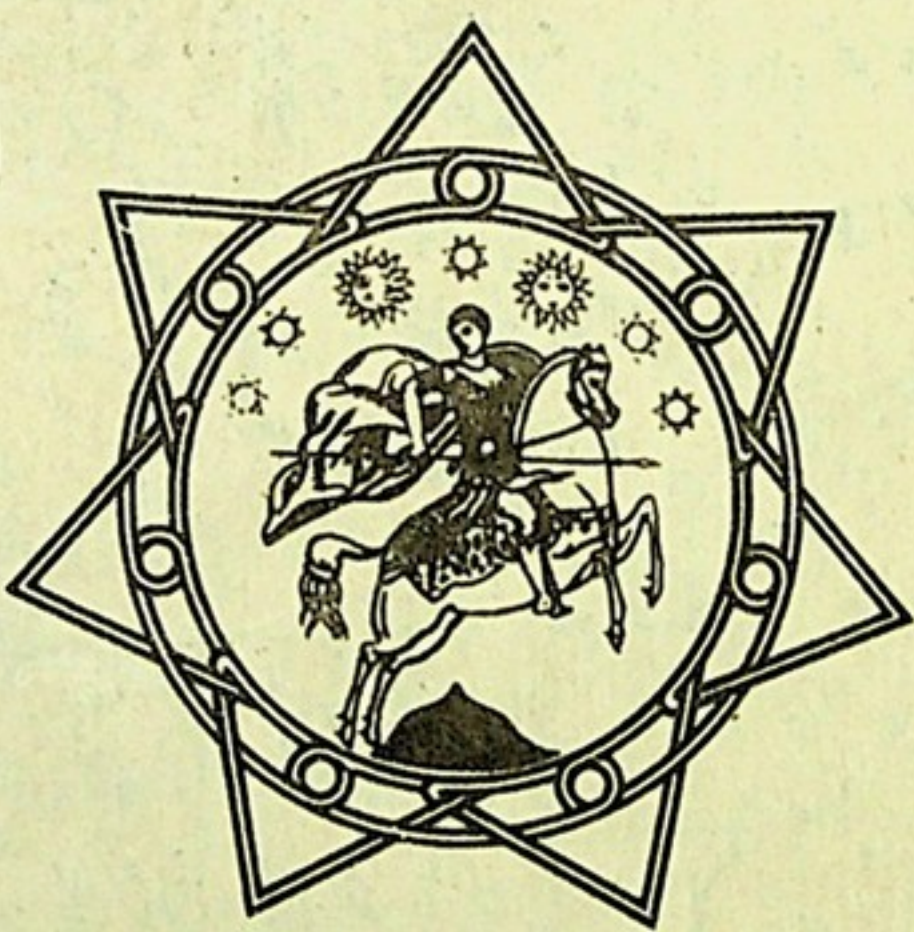

Л

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1991

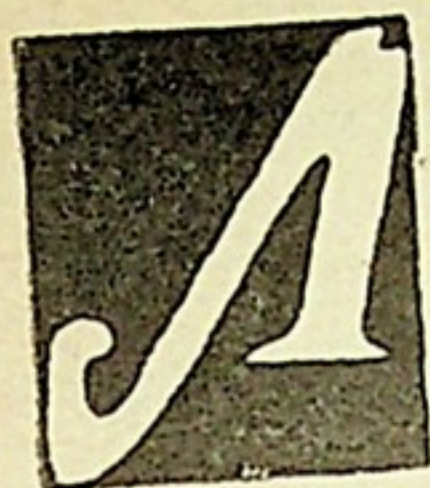
10.835 /
1991 / 4

4

საქართველოს
წიგნების კავშირი

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1991

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- НОДАР ЦУЛЕЙСКИРИ. Гиена. Роман. Перевод Динары Кондахсазовой . . . 3
- ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ. Стихи. Перевод Михаила Синельникова 120
- ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ. Зменная рубашка. Роман. Окончание. Перевод Камиллы Коринтэли 121
- ХАНС БЬЁРКЕГРЕН. Стихи. Перевод Ильи Кутика 183

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГУРАМ БАРНОВ. Повстречались мы с кипчаком 186
- ГУРАМ АСАТИАНИ. Слово о поэте . . . 195

4

Издательство «Самшобло», Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО. Методы изучения и анализа художественного произведения. Сравнительно-исторический метод 198

ИСКУССТВО

АНАТОЛИЙ ФИЛАТОВ. Мастер, несущий радость 216

ХРОНИКА 224

Г И Е Н А

РОМАН

Часть первая

ПОХОРОНЫ ВАРЛАМА АРАВИДЗЕ

Варлам Аравидзе скончался. Распахнули настежь голубые железные врата аравидзевского дома. Я говорю врата, ибо это были не обычные ворота, ничего обычного, похожего на что-либо в округе, в этих владениях не было.

В стороне от всех домов, в заповедной зоне стоял дом-дворец Аравидзе, обнесенный высокой оградой с арочным притвором.

От притвора до лестниц, ведущих к дому, вдоль зеленых беседок, расстелили дорогие ковры, лестницы и просторный балкон украсили цветами, с крыши спустили траурные полотнища и черной лентой обвязали столбы.

Смерть, казалось, оживила память о Варламе Аравидзе, заставила всех вспомнить его — и в городе, и в деревне, во всем крае.

Домочадцы давно уже ждали дня, когда Варлам предстанет перед Богом. Этот день наступил, и появились заботы, связанные с его погребением. Умри Варлам Аравидзе раньше, если не на всей земле, то хотя бы на его родине, в Арави и Аравидзети, был бы объяв-

Сюжет романа «Гиена» лег в основу сценария фильма «Покаяние».

лен всенародный траур, а в самой столице, в Арави, по всему городу были бы развешаны флаги с траурной лентой.

«Но то время ушло», — думал, стоя у изголовья гроба, единственный сын Варлама Абиа (по документам Авель). Лицо его было отмечено печатью глубокой скорби, с чувством собственного достоинства, чинно пожимал он руку соболезнующим, искоса бросая взгляды в сторону ворот и поглядывая на часы.

«Не пришел», — с тревогой отметил он про себя. Глазами поискал среди сидящих у гроба, облаченных в черное женщин, свою жену, Цисмарэ, словно искал в ней поддержку. «Не пришел», — прочел он и в испуганном взоре жены.

А люди все шли и шли. Больше из любопытства, нежели от желания разделить горе с близкими усопшего.

Три дня стоял гроб в зале, Абиа же все не мог назначить официальных дней панихиды и похорон. Решить, в какой день хоронить Варлама, мог только Ивсихи Несторович. Ожидание затянулось. Наконец день похорон был назначен. Было велено с почетом предать земле тело Варлама Аравидзе, но только не в Арави, как хотел того Абиа, а в Аравидзети, где проживал последние годы Варлам.

В газете был напечатан некролог, подписанный группой друзей. По мнению Абиа, друзья писали об отце весьма сдержанно, Варлам Аравидзе был достоин большего.

Так или иначе, некролог был напечатан, Абиа мог похоронить отца, следуя принятым обычаям. Правда, одно дело похороны в городе, другое — в деревне, но коли велено хоронить в деревне, значит, так тому и быть.

Утром Абиа сообщил своим помощникам о дне похорон, а вечером у них было все готово: приглашены музыканты, наняты могильщики, накрыт поминальный стол на пятьсот человек. Во всей округе почитали Абиа, ждали его повышения по службе, страх перед его отцом, Варламом Аравидзе, все еще лежал в душах людей, как старый снег.

Правда, Абиа было далеко до величия и славы отца, но он был все-таки сыном Варлама, а яблоко от

яблони, как известно, недалеко падает. Вот почему знакомые и друзья Абиа старались изо всех сил, выказывая свое рвение. Абиа же беспокоило одно — приедет или нет на похороны Ивсихи Несторович.

Своим настоящим преемником, после ухода на пенсию, Ивсихи Несторович считал Абиа. Об этом Ивсихи заявил как-то во всеуслышание. И Абиа с Цисмарэ с нетерпением ждали дня, когда Ивсихи уйдет на заслуженный покой и его место займет Абиа. Если Ивсихи Несторович не приедет на похороны, это будет воспринято всеми однозначно и ничего хорошего сулить не может. Почему так волновался Абиа, откуда эти сомнения? Они закрались в душу Абиа в тот день, когда скончался Варлам, и Абиа послал нарочного к Ивсихи Несторовичу с сообщением о постигшем его горе. Возвратившись, человек этот поведал, мол, так и так, приняли его весьма любезно, внимательно, сочувственно выслушали, но вместе с тем Ивсихи Несторович что-то темнил, все не мог связать слова, намекал, что сейчас другие времена и надо действовать осмотрительно. Ничего более вразумительного нарочный не сообщил.

Вообще-то Ивсихи Несторовичу следовало самому прислать человека, который взял бы на себя хлопоты по организации похорон Варлама Аравидзе. Но поскольку этого не случилось, Абиа стал тревожиться, и не без основания, — Ивсихи Несторович не собирался приезжать на похороны.

С каждым часом росло число людей, пришедших отдать последний долг Варламу, они стояли на балконе и во дворе, толпились у ворот и за воротами. Приезжали отовсюду — из горных сел, долин, отдаленных деревень и городов.

Не покладая рук хлопотали те, кто взвалил на себя заботу по похоронам и поминкам.

У самых ворот прибывших издалека встречали плакальщицы, горестно покачиваясь, легким движением рук выказывали им благодарность за то, что приехали, уважили покойного. Подвыпившие распорядители приглашали их в зал.

— Тангулиа! Где Тангулиа? — забеспокоился вдруг Абиа и выпрямился — за плакальщицами в зал входили руководящие товарищи.

Люди расступились, пропуская почетных гостей.

Абиа, едва почетные гости из Аравии вошли в ворота, заметил, что среди них нет Ивсихи Несторовича, и скорбное лицо его помрачнело еще больше.

— Куда подевался Тангулиа? Позовите его! — шепнул он женщинам.

Открылась боковая дверь, появился длинноногий, чуть сутулый паренек и тотчас встал рядом с отцом.

Товарищи из Аравии быстрым шагом прошли сквозь живой людской коридор и, предшествоваемые плакальщицами, вошли в зал. Они обычно носили белые костюмы, их так и называли — белокостюмники. В Аравии и Аравидзети немногие могли позволить себе такие костюмы. Аравидзетские крестьяне испокон веку ходили в рубашке да бурке. На теле — рубаха, поверх рубахи — бурка. Сегодня, конечно же, бурку ни на ком не увидишь — кто в американских джинсах, кто — в пестрой африканской рубашке, а у кого и мексиканское сомбре-ро на голове, но такие белые костюмы, что на прибывших из Аравии, были мечтой всей местной молодежи. У белокостюмников был даже свой портной и своя фабрика белого сукна. Такие костюмы носили только они — те, кто работал в системе Варлама Аравидзе, так было заведено, и в аравском крае люди эти были особо почитаемы.

Абиа был в таком же белом костюме, только с черной траурной лентой на правом рукаве.

Белокостюмники вошли в зал, совершили круг почета, кивнули женщинам в черном и поочередно пожали руку Абиа, кое-кто даже обнял его. На глаза Абиа навернулись слезы, сочувствие друзей переполнило болью его сердце.

Один из белокостюмников на мгновение приостановился перед Абиа и шепнул:

— Он болен...

Имелся в виду Ивсихи Несторович. У Абиа полегчало на душе и затеплилась надежда. Он хотел было спросить: «Неужто сам позвонил?», но сдержался, поблагодарил всех за сочувствие, выразил надежду, что когда-нибудь, даст Бог, он отблагодарит их, но уже при радостных событиях — на свадьбах или пирах.

Люди в белых костюмах вышли на балкон, где вполголоса переговаривались прибывшие издалека. При появлении столь почетных гостей они, встав,

поздоровались и, прижимаясь к стене, робко удалились.

Появление белокостюмников означало, что скоро вынесут гроб. Люди стояли группами — по углам, некоторые же собрались у стоящего особняком укрытия в конце сада за домом и летней кухней — железной избушки, как называл его Варлам, — и тихо судачили:

— Вот в этом бункере испустил он дух, — показывает старик бородачу в войлочной шапке укрытие. — Ты видел его единственного внука, Тангулиа? Так вот, Варлам никого не признавал, кроме него. Не доверял сыну с невесткой, боялся, что отравят. Вот и жил в своем бункере. А под конец и вовсе спятил, бедняга...

— Да, слышал я, он умер на руках внука, — подтвердил бородач. — Мальчишка и в самом деле хороший. Такие рождаются по милости Божьей...

Пристанище Варлама Аравидзе было огорожено колючей проволокой, за которой надрывался злой пес на цепи, едва в поле его зрения показывалось живое существо.

Выразив соболезнование родным и близким покойного, многие как бы между прочим, словно прогуливаясь, заворачивали к железной избушке. Сколько всевозможных сплетен можно было услышать тут — о Варламе, о его прошлом, об Абиа с Цисмарэ и даже о Тангулиа.

Подошел час выноса. На миг прервалась скорбная музыка. Чубастый паренек вынес первый венок.

— Подождите! — с этими словами появился на балконе Новэ, главный распорядитель похорон.

Он пробрался через толпу на балконе (белокостюмники к тому времени уже спустились во двор) и подошел к Абиа.

— Батоно Абиа, мы с вами неверующие, да и Варлам не верил в Бога, однако порядок есть порядок, не будем нарушать дедовские обычаи... Выведем всех близких и закроем двери.

— Хорошо, — покорно согласился Абиа, — ты распорядитель, делай, как знаешь.

Новэ велел вывести женщин. Абиа тоже вышел на балкон, искал Зенона, которому было поручено выступить с прощальным словом. Как бы он не спорол глупость, надо заранее выяснить, что именно собирается он говорить.

Зенону, работающему с Абиа, как никому другому, удавалось выступать с подобными речами. Говорил он без шпаргалки. Но Абиа попросил все-таки написать «речь» и показать заблаговременно. Вчетверо сложенный листок с прощальными словами лежал у Зенона в кармане. Увидев на балконе Абиа, Зенон сам направился к нему. Это был рыжеватый, высокий, плотный мужчина, в Арави он ведал промышленностью, и его так и называли — «великий промышленник».

Зенон быстро взбежал по лестнице, на балконе еще более ускорил шаг. Нетрудно было заметить, что этот могучий, словно дэв, мужчина хорошо усвоил, как можно пролезть в игольное ушко, закончил академию лести и подобострастия.

Представ перед Абиа, он достал листок и стал читать:

«Уважаемые товарищи...»

— Дай, я сам, — холодно произнес Абиа и взял у него листок.

Зенон встал рядом и тоже уткнулся в текст. Абиа отвернулся, давая понять, что обойдется без его помощи, но Зенон, подойдя с другого бока, вновь уставился в текст. В это время Абиа позвали, и он вернулся в зал. Там находились одни мужчины. Абиа первый взялся за гроб, на помощь ему пришли двоюродные братья, ближайšie родственники. И Тангулиа тоже. Трижды повернули гроб по кругу, трижды слегка ударили гробом по закрытой двери, и только потом распахнули их настежь. Первым появился Тангулиа. Кто-то из женщин вскрикнул: «Варлам, неужели покидаешь свой дом?» Цисмарэ молчала. Она считала, что обычно причитают и кричат деревенские, культурные же, городские женщины сидят чинно и в последний путь провожают покойника без плача.

Цисмарэ, вся в черном, стояла среди женщин. Нет, вскрикнула не она, а сестра покойного, уже немолодая, седая женщина. Но поскольку никто не поддержал ее, она перешла на причитания.

Когда гроб с телом Варлама вынесли во двор, во всю мощь разлилась окрест скорбная мелодия арии «Злой дух».

Ближайших родственников, несших гроб, заменили

другие. Абиа, сложив руки на груди, опустив голову, неспешно последовал за гробом.

Смерть обезобразила лицо Варлама. Его помнили красивым, представительным, и потому, глядя на него, односельчане с сожалением качали головой:

— Боже, несчастный Варлам, несчастный!.. Как проклятая смерть скосила, изничтожила человека!..

Когда процессия вышла за ворота и двинулась по дороге, Новэ подбежал к Абиа:

— Надо же было упустить такое! Следовало на несколько минут поставить гроб во дворе.

— Почему мы не сделали этого?

— А я о чем беспокоюсь? Об этом должен был позаботиться Зенон!

Новэ поискал глазами Зенона. Тот шел впереди, помогал нести гроб. Новэ отвел его в сторону и, бросив взгляд на Абиа, сказал с упреком, довольно громко, надеясь, что Абиа его услышит:

— Не могу же все делать я! Не забывайте, что кому поручено!

На плечи Новэ и в самом деле была возложена непосильная ноша — все хлопоты по похоронам. Абиа даже не знал, кто доставал продукты для поминок, вплоть до балыка. Новэ был творцом всего, он был режиссером трагедии под названием «Похороны Варлама Аравидзе».

— Как вы несете гроб?! — гневно набросился он на парней, заметив, что гроб накренился. Он тотчас оставил Зенона и поспешил к ним: — Нужны высокие ребята, неужели сами не видите, что все высокие идут с одной стороны! Нельзя же надеяться на то, что кто-то другой подумает за вас! — Новэ снова оглянулся на Абиа.

Конечно же, ничего, требующего столь пристального внимания Новэ, не происходило, все шло чин чинном, однако Новэ лез из кожи, чтоб показать свое рвение. На работе ему некого было поучать — там каждый играл главную роль, вот Новэ изо всех сил и старался здесь, на похоронах. Абиа претило все это, но он терпел. Новэ и в самом деле служил ему верой и правдой, и ничего, что порой перебарщивал.

За воротами, чуть поодаль, стоял катафалк, покрытый черным бархатом и украшенный гвоздиками. Впереди гроба шли задержатели и военные, которые

несли красные подушечки с орденами и медалями. По обочинам людей дожидались автобусы и легковые машины. Здесь распорядился уже Зенон, он стоял среди водителей и что-то разъяснял им, размахивая руками.

Траурная процессия остановилась. Зенон велел поставить гроб на катафалк и продолжить путь к кладбищу. Но тут откуда-то выскочил Новэ:

— Не нужен катафалк! — закричал он. — Варлам Аравидзе заслужил, чтоб гроб его несли на руках до самого кладбища!

Молодым, сильным парням нетрудно было нести гроб, да и кладбище было недалеко. Если идти напрямик и подняться по узенькому переулку, то там же, неподалеку, на краю леса можно было увидеть старую, с обветшалыми стенами белую церковь, близ которой находили упокоение лишь представители рода Аравидзе. И Варламу тоже надлежало лежать здесь.

Траурная процессия растеклась по всему переулку. Машины поехали в объезд, по автомобильной дороге. Вскоре все собрались возле свежеврытой могилы. Поодаль встали музыканты. Гроб поставили у края ямы. На мгновение воцарилась тишина.

— Батонэбо и калбатонэбо! — раздался зычный голос Зенона. — Сегодня мы прощаемся с великим человеком и великим гражданином, достойным сыном нашей земли!

Зенон держал в руках листок, но, конечно же, не заглядывал в него — предпочитал говорить без шпаргалки. Он вообще-то во всем крае славился как блестящий оратор. Стоило ему подняться на трибуну — он мог доказать недоказуемое. Никто лучше Зенона не мог воздать хвалу человеку — в пиру ли или же на похоронах. Так думали все жители Арави, и так было на самом деле.

Мешали его красноречию часто без нужды повторяемые слова «стало быть», хотя они же и нередко помогали ему собраться с мыслями, сосредоточиться. И вот Зенон, из уважения к Абиа держа листок, высокопарно произнес начальную фразу. За первыми словами должны были следовать другие: «Варлам Аравидзе был честным, трудолюбивым человеком». Зенон почему-то забыл эти слова, сознание его затуманилось, и он прибег к помощи спасительных «стало быть»... И речь по-

текла как по маслу: «Прощаемся с деятелем, стало быть, кто прославил Арави и аравцев, стало быть, провозжаем в последний путь рыцаря, стало быть, который покрыл ореолом славы почитаемую фамилию Аравидзе, стало быть...»

Абиа почувствовал неловкость перед белокостюмниками, но не знал, как прервать красноречие Зенона. Новэ, догадавшись, чего он хочет, подошел к Зенону, держа в руках телеграммы, и шепнул:

— Закругляйся...

Зенон понял, что речь его не понравилась, и вконец растерялся. Прибегнув еще несколько раз к спасительным «стало быть», он пожелал, чтоб земля была пухом для покойного, и отошел в сторону. Он должен был прочитать и телеграммы, но Новэ после явного провала Зенона поручил эту почетную миссию преподавателю литературы. Затем над кладбищем разлилась скорбная траурная мелодия.

Подошел час прощания.

Люди толпились возле могилы. В стороне стоял мужчина средних лет. В отличие от остальных, он не подходил к могиле, не прощался с усопшим, и все это время простоял под деревом, не сводя глаз с покойного. У Абиа пестрело в глазах от множества соболезнующих лиц, и он, естественно, не заметил одинокого незнакомца.

Гроб опустили в могилу. Близких и родственников усопшего отвели в сторону, и могильщики принялись за свое дело. Застучали камни и комья земли по крышке гроба.

Когда уводили от могилы родных и родственников Варлама, упустили из виду Тангулиа, и он стоял рядом с Зеноном и Новэ, с ужасом смотрел, как постепенно, с каждой минутой заполняется могила землей, скрывая его любимого дедушку. Более жуткого зрелища он не видел.

— Уходи, сынок, отсюда! Тебе здесь не место, — спохватился Новэ.

Люди не спеша покидали кладбище, рассаживались в ожидавшие их автобусы и автомобили. Всех, кто проводил Варлама в последний путь, приглашали к поминальному столу — это поручение Абиа выполнял Зе-

нон. Цисмарэ и ближайшие родственницы уехали в легковых машинах.

С могильщиками остались Абиа, Новэ и Тангулиа.

Новэ усыпал гвоздиками свежий могильный холм.

В стороне могильщики разложили принесенную специально для них снедь, окропили могилу вином из полных стаканов и выпили за упокой души Варлама Аравидзе.

Абиа, по обычаю, капнул на хлеб несколько капель вина, и Новэ тоже, и Тангулиа...

Солнце уже зашло. Кладбище окутывали вечерние сумерки.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ И ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Поминки затянулись до поздних сумерек. Для бело-костюмников столы были накрыты отдельно, в огромном освещенном зале. Они пребывали там недолго, выпили поминальный тост, тост за близких усопшего, еще раз выразили соболезнование Абиа и попрощались с ним.

Стол был накрыт на пятьсот человек, но сидело за ним человек триста. Мельничным жерновом крутился Новэ, стараясь не ударить лицом в грязь. Тамадой был Зенон.

Иногородние, дальние родственники, друзья и сослуживцы Варлама, а также сослуживцы Абиа и Цисмарэ сидели недолго. Поблагодарив тамаду, пожелав всем встречаться в дальнейшем за радостным застольем или же на свадьбах, они, пожав руки Абиа и Цисмарэ, разъехались по домам.

За столом остались члены семьи, близкие соседи. Устав за долгий и хлопотный день, без маковой росинки во рту, все очень скоро захмелели. Тосты безмерно растянулись, все долго божились и клялись друг другу в любви и верности.

Воспользовавшись уходом первых гостей, Цисмарэ попросила помощниц помочь ей убрать со стола, иначе им не управиться до самого утра.

Огромный двор Варлама Аравидзе был залит светом, повсюду — на балконе, перед всеми дверьми, на

каждом дереве висели лампочки. И в кромешную ночь двор и дом Варлама Аравидзе сверкали всеми огнями. На кухне, в зале, во дворе хлопотали женщины и мужчины в белых халатах.

Гости уже позабыли, по какому поводу они собрались, заметно росло среди них оживление.

Абиа встал из-за стола. Завершив свою миссию, встал и Зенон. Столом завладел Доментиэ, его крикливый голос слышался далеко за пределами аравидзевского двора.

— Кто это? — поинтересовался Зенон, поморщившись.

— Доментиэ, — ответил Новэ, — сосед...

— Если позволите, батано Абиа, я мигом отведу его домой, — шепнул Зенон.

— Я сам займусь им, — сказал Новэ и вошел в зал. За столом уже никого не было. Около тридцати пьяных мужчин собрались в углу и о чем-то рьяно спорили.

— Послушайте! — Новэ поднял стакан с вином и взглянул на Доментиэ: — Тосты кончены, от имени Абиа и Цисмарэ выражаю глубокую благодарность всем, кто почтил память Варлама Аравидзе, а теперь пора... Надо дать хозяевам отдохнуть, поздно уже... — Новэ для большей убедительности посмотрел на часы.

Вмиг воцарилась тишина, и вскоре никого из гостей не осталось.

Помощницы Цисмарэ быстро прибрали со стола и тоже ушли. Последним попрощался с Абиа Новэ.

Затих взбудораженный скорбным событием дом Аравидзе.

Далеко за полночь Абиа, Цисмарэ и Тангулиа наконец легли спать.

Тангулиа, едва коснулся белоснежной постели, тотчас уснул. Недолго бодрствовали и Цисмарэ с Абиа.

Успокоился, замер аравидзевский дом. Полуприбранный зал, летняя кухня, беседки, тутовые деревья, поле позади трифолиатовой изгороди — все было погружено в тишину, которую нарушал порой легкий шорох. Это бродил по двору спущенный с цепи любимый пес Варлама Мгелиа¹. Он и в самом деле был свиреп,

¹ Мгели (груз.) — волк.

как волк. Ходил по двору осторожно, крадучись, и если лаял, стало быть, во двор забрела чья-то собака или же к воротам подошел чужой. Обычно, осмотрев двор, Мгелиа устраивался поудобнее и затихал. Можно было подумать, что он спит, но ничего подобного Мгелиа слышал даже легкий полет сорвавшегося с дерева листочка, тотчас вскакивал и одним прыжком оказывался там, откуда доносился шорох. Убедившись, что это всего лишь упал лист, он, поджав хвост, возвращался на свое место.

Вообще-то аравидзевскому дому не нужен был столь свирепый сторож. Дом был обнесен надежной двухметровой каменной стеной, увенчанной колючей проволокой. Проволока, в свой черед, скрывалась живой колючей изгородью, так что ни одна живая душа не смогла бы взобраться по ней, даже птице не перелететь.

Впереди, там, где двор выходит на дорогу, справа и слева от ворот не было каменной стены, а тянулась трифолиатовая изгородь, она окаймляла двор по кругу и придавала ему особую прелесть. И трифолиатовая изгородь не была похожа на соседские изгороди. Она была выше обычной, густая и плотная. И чтоб изгородь была неприступной, ее почти не стригли. Специально для Варлама Аравидзе были изготовлены голубые железные ворота, вдвое выше обычных. Затейливо закрученные и прочно сваренные двойные ворота, запираемые на ключ, невозможно было пробить даже танком. Мощное железное устройство увенчивалось огромной известковой аркой, потому-то так напоминало оно притвор.

Варлам Аравидзе был человек особенный. И служба у него была особая, и дом особенный, даже пес отличался от других деревенских псов. Все давно смирились с этим и даже не задумывались, почему это было так. Аравидзевский дом с подворьем напоминал заповедник. Абиа не жил в Аравидзети, а Варлам провел здесь только последние годы своей жизни, как считал Абиа, бессмысленно тратя на дом огромные деньги. Тогда-то он и возвел эти стены, поставил ворота и построил в глубине двора железный бункер.

Абиа считал, что не было необходимости строить двухэтажный дом с огромным числом комнат в этой глухомани. Сам Абиа, Цисмарэ и Тангулиа родились в Арави и выросли в Арави. Варлама же на старости лет

потянуло на природу, он почему-то мечтал построить дом у самого леса и построил-таки. Абиа с семьей не смог бы жить в Аравидзети, а у Варлама других наследников не было. Варлам утешал себя тем, что женит Тангулиа, и молодожены будут жить с ним, но жизнь распорядилась иначе — не довелось ему дожить до свадьбы внука.

Абиа предстояло заняться этим домом. Наступит утро, вернут взятые напрокат столы, стулья, утварь и столовую посуду, уберут в доме и во дворе, оставят кому-нибудь из соседей Мгелиа, запрут дом, летнюю кухню, свинарник и курятник (Варлам никогда не держал кур или свиней, но свинарник, курятник и марани заказали-таки мастерам из Арави), повесят на железные ворота огромный замок, и отправится семейство Абиа в город.

И как дачу этот дом не использовать—у Аравидзе есть и дача, и даже дом с мандариновым и апельсиновым садом на берегу моря.

В конце концов дом ведь не самоцель? Продаст он его и дело с концом!

Так думал Абиа, раздеваясь ко сну и укладываясь в мягкую белоснежную постель. Те же мысли крутились в голове, когда рано поутру его разбудил лай Мгелиа. «К чему мне три дачи, продам этот дом», — подумал он, сунул ноги в тапочки и подошел к окну. «Кому бы его отдать? — продолжал он думать, глядя на Мгелиа, отчаянно лаявшего на трифолиатовую изгородь. — Пусть Новэ отдает, кому хочет».

Сизый свет струился с неба, двор был еще окутан полумраком и разобраться, на что лает собака, было трудно. «Мгелиа понапрасну лаять не будет», — пронзила вдруг Абиа мысль, он открыл окно, высунулся и увидел, что на изгороди что-то лежит, что именно — не разобрал. Абиа вышел на балкон. «Что это может быть?» — испуганно подумал он, и тут его словно обожгло — это был человек! На заборе лежал человек! Почудилось, решил Абиа, и отвел взор от изгороди, провел ладонями по лицу, потер виски и лоб, потом протер глаза и вновь, как можно спокойнее, взглянул на изгородь: да, на трифолиатовой изгороди в самом деле лежал человек, вытянув ноги в сторону двора. Абиа все же не поверил собственным глазам, решил вернуться в

Дум, одеться и выйти, чтоб разглядеть все как следует. Сердце заныло в предчувствии чего-то недоброго, он торопливо просунул ногу в штанину, вторую пронес мимо, пошатнулся и чуть было не упал на спящую жену, шаря в поисках туфель, опрокинул стул. Цисмарэ проснулась, села в постели и, услышав лай собаки, спросила с тревогой, в чем дело.

— На изгороди лежит человек, Мгелиа потому и лает, — сказал виновато Абиа.

— Человек? — вскочила на ноги Цисмарэ и бросилась к окну.

— Если только это не привидение... — проговорил Абиа, подойдя к жене. Они вышли на балкон, и вдруг Цисмарэ застыла на месте, уставившись на мужа широко раскрытыми от ужаса глазами. Абиа подался вперед, вгляделся и, точно его скрутило, — согнулся, стал опускаться все ниже и ниже, словно бы таял на глазах.

— Это твой отец... — успела проговорить Цисмарэ и, как подкошенная, рухнула на пол.

— Цисмарэ! Цисмарэ! — закричал Абиа, упал на колени и стал трясти ее. — Что с тобой! Какой отец?! Тангулиа! — позвал он сына. — Тангулиа! Воды!

Тангулиа проснулся от крика отца, испуганный, выскочил на балкон.

Пока Тангулиа бегал за водой, Цисмарэ пришла в себя. Абиа все же брызнул ей в лицо холодной водой, но Цисмарэ отвела руку мужа. Встала, прислонилась к столбу, чтоб снова не упасть, и всмотрелась в сумеречную даль.

— Это отец твой! В самом деле отец! — крикнула она, с силой ударила себя по лицу ладонью.

Тангулиа только сейчас понял, в чем дело, почему упала в обморок мать, почему так отчаянно лает Мгелиа, опрометью сбежал по лестнице и, не добежав до ворот, тоже застыл посреди двора: человек на изгороди и в самом деле был похож на деда. Страх обуял его, он оглянулся, посмотрел на отца, который шел следом за ним. Хоть бы они ошиблись, хоть бы им все это померещилось!

— Чтоб тебя волки съели! — набросился Абиа на Мгелиа и швырнул в него камнем. Но пес не унимался, напротив, лаял что было мочи.

Абиа подошел к трупу совсем близко, даже при-

тронулся к туфлям, чтоб убедиться, что не бредит: нет, это невероятно, вчера Варлама похоронили, а сегодня... вот он... лежит на изгороди.

Подбежала Цисмарэ, на ходу запахивая халат, и запричитала:

— Варлам, несчастный Варлам!..

— Тише!.. — успокоил ее Абиа. — Соседи услышат, неудобно, позор какой...

Деревня спала. Но если бы даже не спала, с проселочной дороги все равно не услышали бы воплей Цисмарэ. А по соседству никто не жил, да и вообще к Аравидзе редко кто заглядывал без приглашения.

— Кто-то мстит нам... — процедил сквозь зубы Абиа и виновато опустил голову.

Цисмарэ замолчала. В ужасе обхватив лицо руками, она не спускала глаз с Абиа. Поодаль стоял Тангулиа, дрожа всем телом то ли от холода, то ли от страха.

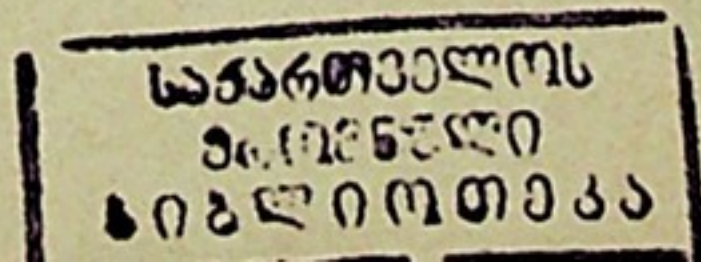
Как быть? Может, позвать на помощь Новэ? Какой стыд! Ему стыдно не то что перед Новэ, перед собственными женой и сыном! Цисмарэ вообще боялась покойников, она со страхом входила в комнату, где он лежал, а тут... как попросить ее помочь ему? Оставался Тангулиа, но и он дрожал, как осиновый лист.

Да и самому Абиа каково? Сможет он схватить отца за ноги и стащить вниз? Кто знает? Переборов себя, Абиа схватил покойника за ногу и попытался стащить его с кустов, но, видимо, одежда зацепилась за колючки, и покойника словно пригвоздили к кустам. Тогда, схватив за обе ноги, Абиа попытался оторвать тело от куста. Варлам и при жизни был крепким и плотным, а тут его словно свинцом набили. Абиа вытер со лба холодный пот. Он готов был от отчаяния, от собственного бессилия упасть тут же под оградой. Что он бормотал, что творил, сам не ведал! На помощь ему вновь пришла Цисмарэ.

— Оставь, Абиа, позовешь ребят, они снимут, все равно тебе одному на кладбище его не отнести.

Абиа словно очнулся. Жена была права.

К тому времени рассвело. Абиа испугался, что какой-нибудь ранний путник увидит лежащего поперек изгороди Варлама, и семейство Аравидзе станет всеобщим посмешищем.

В этих краях о подобном и слыхом никто не слышал. И сейчас никто не должен узнать об этой жуткой истории. Но времени думать и рассуждать не было, надо во что бы то ни стало снять труп с изгороди, а потом, как вновь захоронить его, можно подумать и попозже.

— Никто мне не нужен! — повернулся он к жене. — Вы с Тангулиа идите в дом, оставьте меня, наконец, с моим покойником!

Абиа вспыльчивым не назовешь, он никогда не терял равновесия. Но в эти минуты его словно подменили, это был другой человек, даже внешне он изменился.

Когда Абиа обернулся и закричал, чтоб его оставили в покое, Цисмарэ испугалась его вида. Она обняла за плечи сына и тихо сказала:

— Пойдем, сынок!

Абиа вынес из летней кухни лестницу, приставил ее к ограде, поднялся. Обхватив покойника одной рукой, с трудом взвалил его на спину и, придерживая за ноги, стал осторожно спускаться.

Увидев мужа с покойником на спине, Цисмарэ вне себя снова сбежала по каменным лестницам и засуетилась вокруг Абиа, тихо причитая:

— Горе мне, Абиа! Лучше мне умереть, чем видеть твои мучения. Боже мой! Боже мой!..

Тангулиа тоже не выдержал, вернулся и теперь молча следовал за отцом, бледный, испуганный. Что ему делать? Как помочь отцу? Как утешить мать?

— Горе мне, горе! Что за беда стряслась с нами, Тангулиа?! Кто принес беду в мою семью?!

Абиа остановился, с искаженным лицом обернулся к жене и буквально зарычал:

— Кому я говорю, тише!

Цисмарэ прикрыла рот рукой и замолкла. Что она могла сделать для мужа, для самолюбивого, гордого Абиа, который в эту минуту сгибался под страшной ношей. У него разорвется сердце, он не вынесет такого унижения, думала она. Абиа рос баловнем судьбы, его всегда обслуживала машина, постоянно в доме крутились люди, делавшие необходимое, Абиа не приходилось даже и пальцем пошевелить. По сей день он жил беспечно. Но вот невиданная, неслыханная беда обру-

шила на него. Разве мог он представить что-либо подобное?

Хоть бы в доме остался кто-либо из родственников или хотя бы шофер, все-таки было бы легче. Так думала Цисмарэ, печалась, что в столь тяжелую минуту Абиа остался один.

Но Абиа как раз устраивало, что не оказалось рядом свидетелей такого позора. Он не хотел видеть никого, даже жену и сына. Именно их он стыдился более других, стыдился, что по-воровски тащит в укрытие труп собственного отца.

Цисмарэ побежала к кухне, думая, что муж пойдет туда.

— Сюда, сюда, — услышала она голос мужа, направившегося к гаражу. Цисмарэ и Тангулиа распахнули двери гаража, Абиа, с трудом передвигая ноги, вошел, остановился в углу и велел жене: — Постели что-нибудь.

Тангулиа приволок холщовый чехол от машины, расстелил на полу. Абиа опустился на колени, чтоб сыну и жене легче было снять покойника. Что им оставалось делать, кто, как не они, должен был помочь Абиа? Мать с сыном положили покойника на пол, тем же чехлом накрыли его. Бледные, измученные вышли они из гаража и крепко закрыли двери, словно покойник мог убежать.

— Ну, теперь дело за мной! — вздохнул Абиа и обнадеживающе посмотрел на жену и сына. — Вечером закопаю так, что ни одна живая душа не узнает. — И он тяжело опустился на скамейку тут же под деревом. Он долго не мог отдышаться, и то и дело вытирал выступавший на лбу и затылке пот.

Цисмарэ села рядом, обмахивая платком пылающее лицо.

Тангулиа побежал одеваться. И когда он, взбежав в два прыжка по лестнице, скрылся в доме, Цисмарэ тихо спросила мужа:

— Не скажешь, кто наш враг, Абиа?

— При чем тут враг?.. — фыркнул Абиа. — Это мог сделать только дурак, подумаешь, вырыл, что, не смогу снова закопать? — Он встал, помог подняться жене и добавил: — Забудем об этом, словно ничего и не случилось.

Несчастье, обрушившееся на них, не должно сломить его. Главное, чтоб об этом никто не узнал, разве что за исключением двух-трех человек, и тогда эта чья-то бессмысленная месть так и канет в Лету.

* * *

Медленно, не спеша пробуждалась Аравидзети. В то утро раньше других к Абиа пришел, конечно же, его шофер Дуро.

Дуро для семьи Аравидзе был не только шофером, а, пожалуй, одним из самых близких людей. Еще отец его работал с Варламом, и дядя тоже, да и сам Дуро поначалу верой и правдой служил Варламу, а потом, уйдя в отставку, Варлам пристроил Дуро к Абиа. Дуро считал себя обязанным Варламу, называл его отцом и, когда тот умер, естественно, принимал в его похоронах самое деятельное участие.

Наутро после похорон Дуро, оставив машину перед домом, достал из кармана ключ и открыл ворота. Он шел к Абиа с тем, чтоб узнать, что ему делать сегодня.

Даже если бы Дуро ничем не был обязан Варламу, все равно он считал, что в такие минуты нужно оказывать своему начальнику всяческое внимание. Вот почему он был первым, кто в это утро предстал перед Абиа. К удивлению Дуро, Абиа уже ждал его на балконе, быстро спустился, сел в машину и велел ехать к Новэ. Он был явно чем-то озабочен, не сказал «поедем», а когда хлопнула дверца, бросил только: «к Новэ» и, достав из кармана пачку сигарет, закурил.

Дуро не думал, что в такую рань придется куда-то ехать, ведь и в доме было дел невпроворот. «Интересно, что ему надо у Новэ?» — думал он, не смея задать этот вопрос вслух. Новэ сам должен был прийти сегодня к Абиа, чтоб помочь управиться со всеми домашними делами.

— Вчера ночью из могилы выкопали моего отца; — неожиданно произнес Абиа. Дуро замер, притворился, что не понял, потом робко поднял на начальника глаза и бессмысленно заулыбался.

— Он улыбается!.. — воскликнул Абиа и сам невольно улыбнулся. — Что тут смешного, идиот, отца моего, Варлама, откопали и положили возле дома. —

Он не смог сказать, что Варлама он увидел утром на трифолиатовой изгороди, ему показалось, что это гораздо оскорбительнее, чем даже то, что его откопали.

Дуро так резко затормозил, что Абиа чуть не ударился о лобовое стекло.

— Что ты делаешь! Чуть не убил! — закричал он.

— Что вы сказали! Неужто это правда?! Дядя Варлам не лежит в могиле? — завопил Дуро.

— Да... Кто-то здорово отомстил мне... — виновато проговорил Абиа, еще более испугавшись того, что случилось. Не думал он, что эта весть так встревожит Дуро.

— Боже! Что я слышу! Что ты сказал, Варламыч! Немедленно ликвидировать, немедленно! — закричал Дуро, выскочил из машины, открыл багажник, долго копался в нем, наконец вытащил револьвер иностранной марки, напоминающий маузер, и протянул его Абиа.

— Это вам... У меня есть.

— Хватит, Дуро... Садись в машину, поедem! — строго произнес Абиа, не глядя на револьвер.

Дуро закрыл багажник, подошел к Абиа и насильно всучил ему револьвер.

— Что значит хватит!.. Варлама Аравидзе откапывают из могилы, а я должен бездействовать?! Для чего тогда я живу на этом свете?! — Дуро повернул ключ, включил мотор, отъехал назад и потом помчал машину по дороге. — Варлам не только ваш отец, но и мой! Мой тоже!

Абиа молчал. А Дуро не мог успокоиться.

— Как же его откопали, а? Были на кладбище?.. Это в самом деле Варлам?

«Не должен был говорить», — мелькнула в голове Абиа мысль. Он не мог больше произнести ни слова, настолько невероятной была эта история, в это трудно поверить, пока не увидишь собственными глазами. Хотя некоторые, вероятно, и собственным глазам не поверят, ведь сам Абиа долго не мог поверить, что все случившееся на рассвете не кошмарный сон, вплоть до той минуты, пока Цисмарэ не завопила, что на изгороди лежит его отец.

Дуро, вцепившись в руль обеими руками, вытаращив глаза, смотрел на Абиа.

— Смотри на дорогу! — разозлился Абиа. — Не время болтать, надо скорее повидать Новэ.

Дуро посмотрел на дорогу, она была пустыня, в такую рань разве что редкая машина может показаться здесь.

— Стало быть, вчера мы похоронили Варлама, а он в могиле не лежит? — не мог успокоиться Дуро.

— Не лежит, Дуро, не лежит! — запричитал, не выдержав, Абиа — чаша терпения переполнилась.

— А что мы потеряли у Новэ? Я знаю, куда надо ехать, всем за пять минут... — он провел рукой по шее, мол, отрежем головы.

— Кому всем? — удивился Абиа.

— Кто выкопал!

— А ты знаешь, кто?

— Ну, если вам трудно установить это, тогда нам в самом деле деваться некуда, — недовольно покачал головой Дуро.

— Да ладно уж, ладно... Поехали к Новэ, — сказал Абиа.

Не прошло и десяти минут, как они были уже у ворот двухэтажного дома на околице Аравидзети.

Потирая сонные глаза, на балкон вышел Новэ, удивляясь, кого принесла нелегкая в столь ранний час.

Не выходя из машины, Абиа крикнул ему, чтоб он побыстрее оделся и шел к ним. Спустя несколько минут Новэ бежал к машине, по дороге натягивая на себя пиджак. Он так торопился, что долго не мог отдышаться, на полных щеках проступили капельки пота.

— Вчера выкопали из могилы моего отца! — глухо произнес Абиа.

— Что?! — завопил Новэ и, изумленный, уставился в затылок Абиа. Не услышав ответа, он перевел взгляд на затылок Дуро, может, он разъяснит, в чем дело. Но Дуро тоже молчал. Новэ достал из кармана платок, вытер потное лицо, подался вперед и спросил:

— Я не понял, что вы сказали?

— Отца моего вырыли из могилы и положили на изгородь... — не поворачиваясь, проговорил Абиа. — Поедем на кладбище, посмотрим, что там с могилой, а вечером поможете мне снова захоронить его.

Новэ сидел ни жив ни мертв. Что он мог сказать? Как посочувствовать другу, доказать свою верность?

Молчал он, понимая, что слова излишни, да и какие слова могли успокоить Абию?

Все они: и Абия, и Новэ, и Дуро, словно бы сидели не в машине, а в черном гробу, который катился по проселочной дороге. Наконец машина остановилась перед кладбищем.

Абия вышел первым, волнуясь, с тревогой посмотрел туда, где находилась оскверненная могила отца. Вслед за ним — Новэ. Дуро, подойдя к Новэ, положил ему в карман револьвер. Нащупав его, Новэ удивленно уставился на Дуро.

— Может, придется ликвидировать... — произнес тот.

Было раннее утро, деревня только-только просыпалась, и конечно, на кладбище царила тишина. Лишь одна птица — щебетунья, сидящая на электрическом столбе, нарушала мертвую тишину.

Впереди, поминутно оглядываясь, шел Дуро, одну руку он держал в кармане, чем демонстрировал готовность к бою. Дуро и в самом деле мог достойно справиться с двумя-тремя бандитами, водитель Аравидзе был обязан выходить из любой ситуации победителем.

— Лучше ликвидировать на месте! — повторил Дуро. Ему нравилось это слово — «ликвидация», слово из лексикона Варлама Аравидзе. «Ликвидация» означала больше, чем «убить», даже слова «уничтожить», «истребить» не были столь емки, как «ликвидация», — так думал Дуро. Когда Варлам говорил, что они вынуждены были ликвидировать всю деревню, это означало, что в той деревне искоренялось всякое живое существо. Деревню могли вообще превратить в пепелище, даже деревья и кусты спалить, потом все перепахать, чтоб лишь черная вспаханная земля осталась от некогда многочисленного поселения. Вот что называлось у Варлама Аравидзе «ликвидацией».

Дуро рыскал среди могил, шел стремительно, чуть наклонившись вперед. Он понимал, что ничего, кроме разрытой могилы, они не увидят, но лез из кожи вон, стараясь всю доказать Абию свою преданность.

Взору прибывших открылась картина, которую они предполагали увидеть: могила была разворочена, словно ее разрыла злобная гиена, в стороне валялась кры-

шка от гроба, а гроб лежал на дне могилы, и на белом шелку чернели комья грязи.

Новэ обошел могилу кругом, делая вид, что ищет следы.

На старом деревенском кладбище усопшим из рода Аравидзе, начиная с Ирода, всегда предоставлялись лучшие места. Ирод, дед Варлама, был человеком весьма влиятельным в округе, потому и земли для могилы своей он отмерил с царской щедростью. В свое время Варлам обнес могилу железной решеткой, невысокой, как было принято в те годы, так что ничего не стоило перешагнуть через нее. А вчера ночью Новэ даже не повесил замок на дверцу, мог ли он представить, что кто-то посмеет откопать покойника. Замок валялся там же, у решетки. Абиа тщательно закрыл дверцу, хотя в этом не было необходимости, и первым пошел прочь от могилы, за ним последовали Новэ и Дуро.

— Куда ты дел покойника? — спросил Новэ.

— Лежит в гараже, ничего лучше я не придумал, — виновато проговорил Абиа.

— Надо похоронить сейчас же, не ждть вечера, лето ведь... — сказал Новэ.

— Увидят, всполошится вся деревня, — произнес печально Абиа и остановился посреди кладбища, огляделся, не слышал ли кто его слов.

— Кто увидит нас в столь ранний час? Если мы не хотим, чтоб узнала деревня, надо захоронить немедленно.

Абиа знал, что Новэ найдет выход из любой ситуации. Да, ждть бессмысленно, Варлама надо похоронить немедленно, так будет лучше и для домочадцев и для несчастного Варлама.

— Нужно забирать гроб? — спохватился Абиа и посмотрел на Новэ.

— Нет, не думаю, — ответил вместо того Дуро.

— А как мы принесем его сюда?

— Это уж позвольте мне, — сказал Дуро, сел в машину и, открыв дверцу Абиа, включил мотор. — Воспользуемся моей «эмкой», — добавил он, когда машина тронулась.

Старая машина Варлама «М-9», мощная, точно танк, стояла во дворе у Дуро. Он ездил на ней сам, от случая к случаю, Абиа же обслуживала новая, «М-29».

Дуро не заставил себя долго ждать. Вскоре он приехал на старой «эмке», подъехал вплотную к гаражу, Цисмарэ и Тангулиа не вышли из дома, так велел им Абиа. Стоя за занавеской, они видели, как вынесли из гаража завернутого в черную ткань покойника, поместили на заднем сидении, рядом сел Новэ. Дуро сел за руль, Абиа — рядом с ним.

— Боже, помоги нам! — произнесла Цисмарэ, когда машина тронулась, и перекрестилась.

ПЕРВОЕ ОТКАПЫВАНИЕ ПОКОЙНИКА

Легко сказать — выкопали из могилы покойника и положили на изгородь дома, в котором он жил. Исполнить это далеко не так легко: надо же было, чтоб именно в эту ночь взошла на небе полная луна. Всю неделю стояли кромешные ночи, а когда похоронили Варлама, ночью из-за гор выплыла полная луна и осветила небо и землю. Ночь была такая светлая, будто и с девятого неба явились сюда ночные светила на помощь луне, светящей над Аравидзети, дабы удивительное зрелище — откапывание мертвеца — сделать достоянием всего мира.

Именно в такую вот светлую ночь гордо и неторопливо шагал он по дороге. Сбоку следовала его собственная длинная тень, и слышал он только шум собственных шагов. Со стороны могло показаться, что это обычный путник, бредущий вдаль с вещевым мешком на спине.

Свернув к кладбищу, ускорил шаг, заспешил. Стало ясно, что это не путник — дорога, на которую он свернул, упиралась в кладбищенскую стену и никуда более привести не могла.

У входа на кладбище он остановился, огляделся, ворота не открыл, а перешагнул через пролом в ограде и бесшумно, словно боясь разбудить мертвецов, скрылся между могил.

Джэге Халдани — вот кто был этот странный путник.

Точно гиена, вышедшая холодной, ветреной ночью

из леса, голодная, бредущая на трупный запах, стремился Халдани к могиле Варлама Аравидзе.

Обо всем он позаботился заранее, все обдумал, знал, что куда положить, какие инструменты ему понадобятся. Он не имел права терять время на мелочи. Сила и ловкость решали в эту ночь все.

Вонзив в землю заступ, он почувствовал облегчение. Злость и желчь, каплями оседавшие в его душе за многие годы, яд, терзающий сердце, он должен был излить этой ночью на эту могилу.

Ударил он заступом по земле раз, ударил другой. Двигался стремительнее молнии, яму глубиной по колени вырыл так, что ни разу не передохнул, не почувствовал усталости. После этого вооружился лопатой и стал отсыпать землю.

Потом вновь заработал заступ, каждый удар его как бы возвещал о пробуждении справедливости.

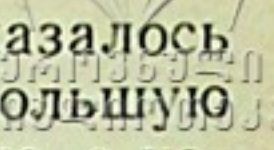
Вдруг до слуха его донесся из ночи вой гиены. Он поднял голову, прислушался: нет — послышалось. Он стал голыми руками выбрасывать из могилы огромные комья земли. И когда снова послышался вой гиены, он понял, что воет он сам.

Да и что отличало его в эти минуты от гиены? Ничего. Ничто не могло остановить его. «Был гиеной, и я, как гиена, вырою тебя из могилы!» — крикнул он в темноту. Уже градом катился по его лицу пот, он слышал, как бьется сердце, но что значила усталость в сравнении с той радостью, которая ждала его, когда он сорвет крышку с гроба Варлама Аравидзе!

Он жаждал его смерти, намеревался убить его — и не убил. Возвратясь из ссылки, долго кружил вокруг дома Варлама, но под конец махнул рукой, не смог отомстить, не смог убить. Ну а тут никто его не остановит, он доведет дело до конца. Если кто-то невзначай объявится, лес недалек, он махнет туда — и дело с концом. Но к могиле вернется, не даст Варламу Аравидзе спокойно лежать в земле, — это был приговор свыше.

Белая луна добралась до неба над кладбищем и светила над самой могилкой Варлама Аравидзе, словно помогая мстителю.

Он уже почти докопал до гроба, должно быть, осталось совсем немного. Что было силы надавил ногой.

на лопату и уперся в крышку гроба — земли оказалось всего на два пальца, не больше. Он положил большую лопату на край могилы, отыскал лопату поменьше, с короткой ручкой, осторожно сгреб землю с крышки в один угол, как опытный столяр, постучал молотком по тщательно забитой крышке, попытался просунуть в щель ручку клещей, но не смог, тогда взялся за топор — и не ошибся: раздался треск. Крышка была содрана. Он схватил ее, выбросил из могилы. Крышка упала на землю, закачалась, накренилась и застыла.

При свете луны посиневшее лицо Варлама Аравидзе было страшным. Халдани невольно бросил на него взгляд, когда срывал крышку. Основная работа была впереди: надо было вытащить труп из могилы. Джэге Халдани, хотя это и был сильный мужчина, крупнокостный, широкоплечий, пришлось нелегко. Он с трудом поднял труп, прислонил его к стенке могилы, перевел дух и кое-как выбросил его наверх. Когда же сам выбрался из ямы, тяжело дышал, сердце, казалось, не билось в груди, а звонило во все колокола. Он опустился на могильный камень. Главное сделано — Варлам Аравидзе не лежал в земле.

Джэге передохнул, грязной рукой вытер пот со лба и встал. Собрал инструменты, спрятал их в дупло столетнего тутового дерева, которое заметил заблаговременно, выбросил сумку за кладбищенскую ограду и вернулся к могиле. Оглядел труп, словно примериваясь, сколько он может весить, оторвал от земли. Взвалить его на спину было уже не так трудно.

Было далеко за полночь, мрачную тишину кладбища нарушали только тяжелые шаги. Среди кладбищенских деревьев то скрывалась, то вновь всплывала тень с необычным грузом на спине. Если бы кто-нибудь стал свидетелем этого зрелища, он поседел бы от ужаса, подумав, что это восстал из могилы мертвец и бредет, взвалив на плечи другого мертвеца.

Звезды сверкали ярче обычного, сгрудившись, они словно бы устремились к земле, в разверзшуюся пасть могилы.

В свете луны хорошо было видно, как вышел с кладбища, согнувшись под тяжестью груза, Джэге Халдани. Когда он достиг спуска, ведущего к дому Аравидзе, луна и звезды словно последовали за ним, и де-

ревья, затихшие до той поры, встревоженные, зашептались: куда несут покойника, ему ведь надлежит лежать в могиле.

И в самом деле удивительная была ночь: жуткое и невиданное доселе дело свершилось — преданный земле покойник в полночь уже не лежал в могиле.

Кто его откопал? Зачем? Куда несет? Что собирается делать? Казалось, эти вопросы витали в воздухе, а в ответ слышались лишь звуки шагов да тяжелое дыхание ночного похитителя.

Он шел, согнувшись под тяжестью груза, крепко ухватившись за запястья покойника, старался ступать осторожно, чтоб не потерять равновесия. Вся тяжесть приходилась на плечи и голову, и потому он опустил голову так низко, что подбородок гвоздем вонзился ему в грудь. Он чувствовал, как мокнет от горячего пота майка, как липнет к телу. Путь к дому Аравидзе был недолгий, и все-таки ему пришлось нелегко — покойник оказался слишком тяжелым.

Но вот наконец показались ворота дома Аравидзе. Бросить труп у ворот? Или прислонить к стене? Может, бросить во двор? Нет, он поступит иначе: вся деревня должна увидеть покойника, вырытого из могилы. Вот почему он решил положить его на видное место, поверх трифолиатовой изгороди. И об этом он позаботился заранее, много дней назад приволок к изгороди огромный валун. Но и встав на этот валун, он не дотянулся до изгороди. На шум прибежал Мгелна, зарычал. На этот случай у него была припасена колбаса — он и прежде не раз бросал ему лакомый кусочек, дабы приручить его. Мгелна чуть ли не на лету поймал колбасу, вмиг проглотил и затих.

Наконец Джэге удалось положить труп поверх изгороди. Он опустился на валун и закурил. По небу плыла луна. Изгородь бросала на дорогу тень, которая делала невидимым Халдани со стороны двора. Когда он встал, у забора вновь появился Мгелна и поднял лай. Халдани был уже далеко от дома, но отчаянный лай не прекращался.

Переходя от проулка к проулку, перепрыгивая через изгородь, он, крадучись, шел к своей цели. Наконец подошел с задней стороны к двухэтажному дому, стоявшему в глубине сада. Здесь жил шофер Аравидзе —

Дуро. Джэге постучал в заднюю дверь. Никто не отвел — в доме спали. Кто мог прийти в столь неурочное время? Джэге постучал еще раз. Дуро, в нижнем белье, надевая на ходу халат, бросился к входной двери, потом, сообразив, что стучат в заднюю дверь, подошел к ней и сердито спросил:

— Кто там?

— Мне нужна твоя «эмка», — прошептал в щелку пришедший.

— Который час сейчас, знаешь? — недовольно проворчал Дуро, одеваясь и раздумывая над тем, открывать или не открывать дверь непрошеному гостю. Хотя в такой час «клиент» обычно платит хорошие деньги... Это он из осторожности спрашивал, кто там, а так ведь Дуро никогда не упустит своего.

«Эмка» Дуро творила в Арави и Аравидзети чудеса: на ней ездили на воровское дело, на ней похищали невест, и торговать ездили на этой машине, и на бандитские дела. Все невозможное, запретное, бывшее вне закона становилось возможным, законным для тех, кто сидел в «эмке». Это ведь была машина Варлама Аравидзе, кто бы посмел остановить ее! Или же проверить документы! Дуро, пользуясь этим, загребал огромные барыши — в ночь двести-триста рублей. Ну о каком более выгодном деле можно было еще мечтать? Дуро открыл гостю двери. Вошел огромный, словно сказочный дэв, мужчина. Это почему-то не понравилось Дуро, сам он был невелик ростом. Дуро зажег свет в гостиной и пригласил гостя сесть.

— В кресло не сяду, мокрый весь, — сказал ночной гость и остановился посреди комнаты. Голос у него был низкий, глухой. Шея высокая, породистая, мощная.

— Я сейчас, — сказал Дуро, вышел в соседнюю комнату, быстро отыскал револьвер, положил его в карман халата и, вернувшись, поставил перед гостем табурет.

В комнате стоял тяжелый запах человеческого пота. Дуро открыл дверь на балкон, в комнату заглянула лунная ночь и принесла с собой прохладу.

Гость сел на табурет, достал сигарету, чиркнул спичкой, спокойно закурил, ни разу за все время не взглянул на хозяина.

— Что слышали о Диргиа? — спросил он тихо.

— Лесном человеке? — обрадовался Дуро тому, что гость заговорил. — Да... Он живет там, в горах... — махнул он рукой и опустился в мягкое кресло напротив.

— Да... — ответил пришелец и вновь замолчал, словно он пришел только затем, чтоб произнести эти слова.

— И что?.. — нетерпеливо спросил Дуро.

— Это я... Настоящее мое имя Джэге Халдани, — добавил он сурово, и глаза его загорелись. Дуро поежился. Весь облик пришельца — горящие яростью глаза, посеребренные сединой усы, длинные большие руки ничего хорошего не предвещали. «Стало быть, Диргиа»... — Дуро еще больше съежился.

В Арави и Аравидзети о Диргиа рассказывали легенды. Разве что редкие охотники встречались с ним. Он был для аравцев все равно что снежный человек для гималайцев.

Дуро хорошо помнил, когда он появился. Первыми пастухи принесли весть — в горах появился лесной человек, руками ловит серн. Тогда краем правил Варлам Аравидзе, и он послал в горы целую армию задержателей. Но они не смогли даже близко подступиться к гсрам, где, по словам охотников, скрывался лесной человек.

Пришедшее на смену руководство поступило хитрее — подкупило охотников. Но им тоже не удалось поймать его. И тогда пришельца оставили в покое. Он никому не делал зла, жил себе то в одной пещере, то в другой, а то в недосыгаемом для людей месте разбивал палатки и даже держал коров и телок. Это мегрельские пастухи прозвали его Диргиа. Слово это точно отражало повадки лесного человека — ловкое, стремительное передвижение с места на место, скитание по непроходимым лесам и ущельям.

Кто был этот человек? Откуда пришел? Почему жил в лесу? Никто ничего не знал. Но кто-то пустил слух, что Диргиа по ночам приходит в лавку Оисимэ покупать хлеб. Вмиг доставили Оисимэ в Арави, целую неделю допрашивали, составляли протоколы, требовали все выложить, Дуро был свидетелем этого, сам помогал «расколоть» Оисимэ. Выяснилось, что этот несчастный знал не больше самих задержателей. Раз в неделю прихо-

дит в лавку незнакомец и покупает много хлеба на разные лады повторял перепуганный Оисимэ и умолял не губить его.

И вот этот человек из легенды сидел перед Дуро. Страх исподволь завладевал им: с чего лесной человек появился глубокой ночью? Неужто в самом деле за машиной?

— Завтра, в это время мне понадобится твоя машина, — словно угадав мысли Дуро, сурово проговорил гость.

— Так поздно? — удивился Дуро. — На рискованное дело я уже не хожу, — добавил он.

— Дам большие деньги, — пообещал гость.

Дуро уставился на него: если этот человек и в самом деле Диргна, он денег не даст, — мелькнула мысль. Бандитам и ворам в законе владельцы машин одалживают их даром — таков был закон. Дуро, конечно, никому не служил бы даром, даже самый отъявленный бандит рано или поздно раскошелится бы.

— Деньги я беру заранее! — сказал он в ответ на обещание гостя.

Халдани достал из кармана пачку сторублевок и бросил ее на стол. Не ожидал этого Дуро, вскочил, подошел к столу, потом перевел взгляд на пришельца.

— Могу платить каждую ночь, могу и зараз, — ответил гость на удивленный взгляд Дуро.

— И что это за дело у вас такое? — подозрительной показалась Дуро щедрость гостя.

— Я должен откопать из могилы Варлама Аравидзе, и мне нужна твоя помощь.

Дуро решил, что ослышался. Подавшись вперед, он подставил гостю ухо, мол, что ты сказал, я не понял. Сраженный услышанным, он просто не в силах был вымолвить слово.

Халдани невозмутимо, спокойно повторил свои слова.

Дуро не хотел понимать гостя, думал: может сплю и все это мне только снится, проснусь — и кончится этот кошмар.

— Чего ты удивился? — услышал Дуро вновь страшный голос. — Ты-то знаешь, кто такой Варлам Аравидзе! Я не позволю похоронить его по-людски, не достоин он лежать в земле, и сын его, Абиа, сам, соб-

Корнисхе-
ვი¹, — таков мой приговор.

Дуро просунул руку в карман, нащупал пистолет. В жизни не приходилось ему бывать в столь двусмысленном положении. Как быть? Револьвер, оттягивающий карман, позволял ему справляться с самыми отъявленными бандитами — приставит, бывало, дуло ко лбу и прикажет, что надо. А тут рука дрожит. Доставать или нет револьвер? Дуро понимал, что ночной гость — не простой бандит, с ним не так легко будет справиться.

— Я не понимаю вас... — пробормотал он наконец. — Выходит, сейчас мы с вами должны пойти на кладбище и откопать Варлама Аравидзе? Вы этого хотите?

— Нет, — отрезал гость. — Этой ночью Варлама я уже откопал и положил на изгородь его дома. Но ведь завтра его снова захоронят. Вот тогда и понадобится мне твоя машина.

— Уже откопали! — воскликнул Дуро. — Ха-ха-ха! Вот это здорово! До чего мы дожили!

— Машина понадобится мне от трех до четырех часов ночи... Но если не похоронят завтра... может такое случиться, стало быть машина понадобится после-завтра...

«Обману его... Соглашусь... А ночью мы его арестуем», — принял Дуро неожиданное решение и вынул руку из кармана. Почувствовал облегчение. И слава Богу, что не пришлось ему убивать этого странного человека, еще неизвестно, какие бы это имело последствия, ведь у него нет специального разрешения от задержателей.

Войти с ним в сговор в эту ночь — единственно правильный ход, подсказывала Дуро интуиция. Завтра же, когда Халдани будет далеко, он все разузнает и будет знать, как действовать дальше.

— Сколько дадите за час? — спросил он как можно равнодушнее.

— Сто рублей.

— Мало.

— Двести!..

— И двести мало!

— Что скажешь о трехстах?

¹ Корнисхеви (груз.) — Воронье ущелье.

— Пятьсот...

— Согласен, — не колеблясь, ответил Халдани, сгреб лежащие на столе деньги, отсчитал пятьсот рублей, остальные спрятал в карман и повернулся к Дуро: — Только знай, если задумал подлянку, прикончу детей!

Он встал, направился к двери. Остановился, обжег Дуро огнем гневных глаз и сказал:

— Знаю, ты коварен... Но я покупаю твое коварство, чтоб откопать из могилы еще более коварного, чем ты! Не забудь, ночью в три часа жду на кладбище!..

Не дожидаясь ответа, он вышел и скрылся в ночи.

Не в характере Дуро долго переживать. Утром он обслужил хозяина, помог тайно похоронить отца, выкопанного накануне из могилы. Как быть дальше? Помочь ночью снова откопать покойника или же сообщить куда следует? Надо было принимать решение. И он принял то, которое считал более выгодным для себя.

Дуро не раз приходилось помогать Варламу Аравидзе в поимке бандитов или воров, но в таком положении, как вчера, он никогда прежде не оказывался.

Дуро, может быть, судьба улыбнулась, ему удастся раскрыть такое, что не снилось задержателям. Ему представился случай, и он должен воспользоваться им.

ВТОРОЕ ОТКАПЫВАНИЕ ПОКОЙНИКА

Абиа последовал разумному совету Новэ, и утром же они предали труп земле.

Абиа вздохнул с облегчением и приступил к домашним делам. Если постараться, то они успеют сегодня прибраться в доме, и тогда на следующее утро закроют дом, летнюю кухню, повесят на ворота замок и вернуться в Арави.

Дуро и Новэ призвали на помощь соседей. Их собралось около сорока человек: мужчины, знакомые с плотницкой работой, направились в зал, женщины принялись за стирку, одни помогали выносить стулья, другие волокли ковры...

Работали весь день, а вечером снова сели за по-

минальный стол, благословили живых, помянули мерт-
вых. Поздно ночью все разошлись по домам.

Цисмарэ, Тангулиа и Абиа опять легли спать за полночь. Устав от бессонных ночей, они до самого рассвета спали таким глубоким сном, что не слышали лая Мгелиа. Тот, стоя перед трифолиатовой изгородью и задрав голову, лаял, казалось, на небо. В двух-трех метрах от ворот на трифолиатовой изгороди вновь чернел какой-то таинственный предмет.

Было еще темно, лишь сизым светом отливал небо-склон. Наверное, через несколько минут свет этот опустится на землю, и тогда наступит рассвет. А пока мудрено было разобраться в том, что лежит на изгороди, казалось, там лежит сама темнота, и ничего более.

По проселочной дороге шел Доментиэ. Гнал корову. Доментиэ жил ближе других к аравидзевскому дому. Это так говорится: жил близко, по соседству, поскольку между ними никто не жил, на самом же деле ода¹ Доментиэ стояла на довольно приличном расстоянии от дома Аравидзе.

Мимо аравидзевского дома Доментиэ со своей коровой ходил крайне редко, заповедная зона была недоступна для сельчан. Корову свою он держал в общем стаде, которому путь туда был заказан, оно паслось в основном в кустарниках Арависцкали. А сегодня Доментиэ направлялся к большому пастбищу, где, как он знал, пасется породистый бугай. А дорога к тому пастбищу вела как раз мимо запретной зоны перед домом Аравидзе. За ней начинались большие пастбища — возвышенность Зениаквата, куда загоняли стада со всех краев, даже отдаленных.

Услышав лай Мгелиа, он остановился и огляделся. Что-то лежало на изгороди. Доментиэ подошел ближе, присмотрелся, смотрел, смотрел... глаза его от ужаса чуть не выкатились.

— Уитиво!.. — закричал он. — Доментиэ, что видят глаза твои?! Тьфу, черт-черт, тьфу! Неужели Варлам?!

Старик закружился волчком, потом подбежал к воротам, старался заглянуть во двор. Мгелиа бросился на ворота и залился лаем. Доментиэ дрожащими рука-

¹ Ода — типичный для Мегрелии дом на сваях.

ми привязал корову к дереву у дороги и побежал к соседям сообщить невероятную новость.

Низкий, коротконогий Доментиэ бежал с необычайной для его возраста резвостью, всю размахивая руками.

— Гваджи! Гваджи! — кричал он и, казалось, не бежал, а преодолевал расстояние прыжками.

Он звал на помощь Гваджи Туркиа, который в это время поднимал из колодца ведро с водой. Гваджи недоуменно оглянулся. Что понадобилось этому рохле в столь ранний час? Гваджи отпустил полное ведро в колодец и пошел навстречу соседу. Ворвавшись во двор, Доментиэ остановился, тяжело дыша, и, волнуясь, глотая слова, затараторил:

— Уитиово... Корова, стало быть... Бугай... У ворот Варлама Аравидзе!..

— Что стряслось, Доментиэ? Умер кто?

— Нет... Уитиово, не умер...

— Так чего пугаешь с утра пораньше!.. — рассердился Гваджи и повернулся, чтоб идти на кухню. — Пойдем, сядем, расскажешь толком.

— Не время сидеть, Гваджи! Там... мертвец лежит!.. — захрипел Доментиэ и упал на землю.

Гваджи, изумленно вытаращив глаза, смотрел, как этот седой, худющий — кожа да кости — старикан, не сумев справиться с волнением, словно зверь какой-то рычит и царапает землю руками.

— Мертвец? — изумился Гваджи, поняв, наконец, что так встревожило Доментиэ. — Где, кто?

— Пойдем, пойдем! — завопил обрадованный Доментиэ, вскочил, схватил Гваджи за руку и потащил к воротам.

В проулке, ведущем к дому Варлама, они повстречали Пистинэ, в пестрой косынке, повязанной у подбородка. Она тотчас усекла, что что-то случилось, раз мужчины куда-то торопятся.

— Куда вы в такой ранний час, а? — поинтересовалась она.

— Уитиово... — начал было Доментиэ, но Пистинэ, зная его способности рассказчика, не слушая его, повернулась к Гваджи, мол, лучше ты расскажи.

— Кто его знает, прибежал спозаранок, ног под

с собой не чуя, покойник, говорит, на заборе... Вот и иду с ним...

— Покойник? — вскричала Пистинэ в ужасе, хлопнув себя по щеке. — Доментиэ, говори, что за покойник?!

У Доментиэ словно прояснилось сознание.

— Варлам Аравидзе... — сказал он.

— Варлам?! — закричала Пистинэ. — Дидуй, дидуй!.. — запричитала она и побежала впереди мужчин. — Дидуй, Варлам, говоришь?.. Что с тобой приключилось, Варла-ам?

Бежала Пистинэ и причитала, и причитания ее слышала вся деревня. Повалил народ со всех дворов. Пистинэ рассказала о случившемся первой встречной женщине, та — другой, другая — третьей, и понеслось по всей деревне, от дома к дому: Варлама Аравидзе выкопали из могилы.

Когда Абиа выглянул, у ворот уже толпились люди и громко обсуждали, что им делать: одни считали, что надо немедленно сообщить властям, другие — что прежде надо разбудить сына, как он скажет, так и следует действовать, а Мгелиа бросался на ворота и грозно рычал.

Абиа вышел на балкон, чтоб узнать, что случилось, и чуть было не лишился сознания — отец снова лежал на трифолиатовой изгороди, и его видела вся деревня. Большого позора, большего стыда и унижения, наверное, не испытывал никто в Арави и Аравидзети.

Человек, известный во всем этом крае, всеми уважаемый и почитаемый, Варлам Аравидзе, преданный вчера земле, сегодня вновь лежит на изгороди! Что делать его сыну? Что сказать людям, собравшимся у ворот?

Один покойник лежал на изгороди, а другой — его сын, Абиа Аравидзе, спускался по лестнице навстречу собравшимся перед воротами соседям. Да, он шел, но на самом деле был мертв, это мертвый встал и идет, чтоб снять с кустов другого мертвеца.

В окне показалась Цисмарэ, следом за ней — Тангулиа.

Прикрепив к ошейнику цепь, Абиа отвел Мгелиа в конуру. Всех удивило странное поведение Абиа. Лишь

мельком взглянув на изгородь, он как ни в чем не бывало занялся собакой.

К тому времени прибежал Тангулиа. Цисмарэ не в силах была выйти, она стояла в окне растерянная, не соображая, как ей быть, что делать — кричать и возмущаться, грозить и посылать проклятия тем, кто не оставляет в покое Варлама, призвать соседей на помощь?

Тангулиа, вспомнив, что ворота заперты, а ключ лежит в кармане отца, повернул было обратно, но тут подкатила машина Дуро.

И Абиа, и Цисмарэ, и Тангулиа с облегчением вздохнули — в Дуро они видели единственного своего спасителя в эту трудную минуту.

Дуро выскочил из машины, бросился к изгороди и в отчаянии стал бить себя по голове. Он был искренен и естествен в своем отчаянии, и трудно было поверить, что еще вчера он был свидетелем такого же зрелища.

— Отец, отец! Что я вижу! Да, ты был мне настоящим отцом!.. — вопил он и нещадно бил себя по голове, потом, словно очнувшись от горя, он еще раз посмотрел на изгородь, оглядел покойника с одной стороны, с другой, — неужто это и вправду Варлам? Как все это случилось? Где Абиа? Кто увидел первым? — Не дожидаясь ответа, он достал из кармана ключ, открыл ворота.

— Уитиово, — выскочил из толпы Доментиэ и застыл перед Дуро. — Вот... Стало быть, шел я... — Он показал на дорогу. — Во-он, эту корову вел, — он перешел на дорогу и протянул руку в ту сторону, где у него была привязана корова. — Вижу... на цитрусах что-то черное лежит... Уитиово, Доментиэ, не бойся, сказал я самому себе...

Дуро, не слушая Доментиэ, вошел во двор.

Абиа уже успел привязать собаку и нес лестницу. Дуро поспешил ему навстречу, взял у него лестницу и шепотом спросил, как же им теперь быть.

Абиа шел, как сомнамбула, ничего не видя перед собой, ничего не соображая.

— Не знаю, не знаю... — с трудом выдавил он из себя. — Как люди скажут, так и поступим.

Лестницу приставили к изгороди, и Дуро, ловкий, подвижный, с короткими, крепкими, мускулистыми ру-

ками, вскарабкался на нее. Соседи вошли во двор и сгрудились возле лестницы.

Спустилась Цисмарэ в черной шали на голове. Пистинэ и еще несколько женщин обступили ее, причитая.

— Ты становись сюда, а ты — туда! — давал указания Дуро, стоя на лестнице. — Здесь нужен высокий... Гваджи, Гваджи позовите.

— Слушайте, а не сообщить ли об этом куда следует? — спросил кто-то в толпе.

— Нет, не надо! — сказал Абиа. — Я не ищу виновного, никому не хочу мстить...

— Это вас не касается, — крикнул в толпу Дуро. — Мы сами во всем разберемся, вы лучше скажите, как быть с покойником, сейчас же захоронить или же пока нести в дом.

— Отнесем в зал! — раздалось в толпе. — Пусть этот несчастный побудет еще немного дома...

— Да угомонись ты, чего семью мучать, понесем прямо на кладбище! — крикнул другой в ответ.

— Вы не мысли свои высказывайте, а скажите, как положено по обычаю. Так и поступим.

Воцарилась могильная тишина. Люди переглядывались, недоуменно пожимая плечами.

— О каких обычаях говорит этот чертов приспешник? — удивился кто-то.

— Дуро, батано, какие тут обычаи! — крикнул Гваджи. — Ничего подобного мы и не видели. Никаких обычаев тут быть не может.

— Выкапывают трупы гиены, вот у них и надо спрашивать!.. — ухмыльнулся мужчина, стоявший на дороге за изгородью. Родственники, близкие соседи собрались во дворе, а на улице толпились любопытные и зеваки.

— Эй ты, насмешник! А ну-ка убирайся отсюда подобру-поздорову, иначе уложу тебя рядом с покойником! — Дуро схватился за карман, будто бы там у него лежало оружие.

Долго не могли угомониться люди. Цисмарэ и Абиа, конечно же, предпочли бы захоронить Варлама немедленно, но соседи решили — Варлам Аравидзе достоин того, чтоб хотя бы час еще побыть в своем доме, надо принести гроб, положить в него покойника и похоронить по-людски. Мысль эта всем понравилась, так

и порешили. С превеликим трудом спустили Варлама. В нос Абиа ударил трупный запах — неделю лежал труп во льду, двое суток — в могиле, немудрено, стал разлагаться. К тому же на дворе стояло лето.

«Цисмарэ не сможет сидеть возле покойника. Да и сыну не позволит, трудно вынести такую вонь» — Абиа понимал это. Труп положили на деревянную тахту, которую успели принести из подвала, и понесли в дом. Когда поднялись на несколько ступенек, Пистинэ вдруг завопила:

— Возвращать покойника — дурная примета!

Толпа застыла.

— Что? — воскликнула Цисмарэ, слова Пистинэ легли ей на душу целительным бальзамом, и она глазами попросила соседку, мол, повтори.

— Да, да, я знаю наверняка! — еще убежденнее затараторила Пистинэ. — Бабушка моя, Теолинэ, говорила, помню, что нельзя возвращать покойника, это не к добру, так что несите прямо на кладбище!

— Ну вот, оказывается, существуют какие-то правила! — обрадовался Дуро. — И в самом деле, любое дело надо делать вовремя! — Он в мгновение ока въехал во двор, покойника завернули (как и накануне) в черную материю и «усадили» на заднее сидение, посадив рядом двух парней покрепче.

Когда тело предали земле, Дуро тихо спросил у Абиа:

— А если снова откопают... Я велю ребятам ночью покараулить...

Абиа понравилась мысль Дуро. Вооружив надежных людей, они оставили их сторожить могилу, но так, чтоб это не бросалось в глаза. Ночью никто не появился. И на четвертую ночь тоже.

Что было делать Абиа? Без малого вторую неделю находится он в Аравидзети. Правда, на работе его не упрекнут за долгое отсутствие, сын Варлама Аравидзе не то что две недели, может оставаться дома до тех пор, пока не справит сороковины. Так думали все вокруг, но только не сам Абиа. Если бы не эта жуткая история с отцом, он бы уже на следующий после похорон день вернулся бы в Арави.

Призвав к себе друзей, как он говорил обычно, «надежных людей» — Новэ, Дуро, Зенона и еще несколь-

ко соседей, Абиа решил посоветоваться с ними, — не оставлять же работу, чтоб сторожить могилу?

И, заперев аравидзевский дом, семья Абиа все-таки покинула Аравидзети. Было решено: если неизвестный еще раз откопает покойника, — сообщить властям, чтоб приняли меры и поймали, наконец, осквернителя могилы. Вообще-то к этим самым властям Абиа имел самое непосредственное отношение. Выше него рангом был только один человек — Ивсихи Несторович. Не обращаться же к нему со столь странной просьбой, стало быть, решать придется самому. Если история повторится, он сам распорядится направить в Аравидзети задержателей, уж они-то непременно нападут на след преступника.

ТРЕТЬЕ ОТКАПЫВАНИЕ ПОКОЙНИКА

Надо же было, чтоб именно Пистинэ и Доментиэ снова первыми увидели на изгороди труп Варлама. На сей раз они вели своих коз в заповедную зону. Вообще-то аравидзетцам запрещалось пасти там скотину, но они умудрялись запускать туда коз, а что им оставалось делать, если лучшей травы не найти во всей Аравидзети и ее окрестностях.

Так вот, идут они, оказывается, по проулку, и вдруг Доментиэ снова видит человека, лежащего поверх изгороди.

— Уитиово, Пистинэ, не пугайся, — зашептал он. — Но там, на цитрусах, что-то лежит!..

Пистинэ, едва бросив взгляд на изгородь, завопила что есть мочи и помчалась обратно в деревню, волоча за собой козу на веревке.

— Пистинэ, Пистинэ, что стряслось! — выйдя на балкон, крикнула одна из соседок.

— Варлама Аравидзе снова откопали!.. — отозвалась Пистинэ.

Соседка в свою очередь поведала новость другой, потом побежала на другой конец балкона и крикнула:

— Эге-гей! Вахтангиа, ууу!.. Варлама опять нашли на изгороди!

— Варлама снова выкопали из могилы!.. — от одного дома к другому передавалась жуткая весть.

Весть эта как громом поразила едва пробудившуюся ото сна деревню.

Сообщили семье Дуро. Правда, Дуро со своим начальником уехал в Арави, но семья его постоянно жила в Аравидзети, куда он приезжал каждый вечер. И у Новэ с Зеноном дома стояли в Аравидзети, а сами они работали в Арави, где имели временные квартиры.

На сей раз к дому Варлама первым пришел Новэ, следом объявился Зенон, и вскоре вся деревня толпилась у дома Варлама, кто-то пытался открыть замок, но это оказалось задачей не из легких.

Мститель действовал по тому же плану: Варлам по-прежнему лежал на трифолиатовой изгороди ногами в сторону дома, лысиной к дороге. Но в этот раз в покоящейся на груди руке его торчала бумажка. Вот до нее-то и пытались дотянуться, но даже самый высокий из сельчан, Гваджи, мог дотянуться только до головы покойника.

Кто-то принес лестницу, приставил к изгороди, и Новэ быстро взобрался на нее. Стоя на последней ступени, он наклонился к покойнику, поморщившись, зажал рукой нос, потом, обернувшись, крикнул:

— У него в руке письмо, в самом деле письмо!.. — и, не отнимая от носа руки, стал спускаться. — Нельзя трогать его до прихода Абиа, кто знает, может, потребуется экспертиза, — добавил он, когда спустился на землю.

Народ запрудил всю близлежащую улицу. Вновь прибывшие, раздвигая толпу, проходили вперед, чтоб убедиться, что на изгороди лежит именно Варлам, а не кто-либо другой, и после этого присоединялись к той или иной группе, оживленно обсуждающей события последних дней. Никто не мог сказать определенно, кто мстит так жестоко то ли Варламу, то ли его сыну. Деревня все знает, знает кто с кем враждует, кто кого любит, кто кому и сколько должен, кто вор, кто проходец, а кто честный и порядочный человек.

В Аравидзети не было человека, способного вырыть из могилы Варлама Аравидзе!

— Это не тутошний, — убежденно говорили в то утро жители Аравидзети, — здешний не посмел бы оскорбить Варлама и его семью.

Правда, грехов на Варламе было достаточно, но о подобной мести в этих краях никто не слыхивал.

Тем временем на дороге появилась машина Абиа. За ней — еще две. Аравидзетцы издали узнали машины задержателей и прижались к заборам, освобождая дорогу. Машины неслись с воем, тревожно мигая красными фарами.

Первыми выскочили из машины задержатели, окружили дом Варлама, не подпуская никого близко. Они схватились за руки, образовав цепочку, словно кто-то пытался прорваться насильно. Главный задержатель отвел в сторону Абиа и Дуро, заверил, что его люди сделают все необходимое. Они и в самом деле приволокли всевозможную аппаратуру к месту, где лежал покойник, долго и тщательно измеряли трифолиатовую изгородь и, наконец, один из них рукой в перчатке осторожно, указательным и большим пальцами выдернул бумажку из руки покойного, развернул ее, сфотографировал с разных углов и только после этого передал письмо Абиа. «Я не позволю вам предать земле Варлама Аравидзе, буду выкапывать всякий раз, как захороните, оставляю его в покое в том случае, если сын его Абиа и внук Тангулиа сами выкопают дьявольский труп и бросят на съедение воронам в Корнисхеви. Мститель». Вот такого содержания было письмо.

Абиа невозмутимо сложил бумажку, положил в карман и, не глядя ни на кого, пряча взор от направленных на него любопытных глаз Дуро, Новэ, Зенона и многочисленных соседей, отвел в сторону главного задержателя и, посоветовавшись о чем-то, передал ему письмо.

Задержатели опросили тех, кто увидел труп первыми, записали все и велели свидетелям приехать в Арави и явиться в 9-ю комнату суда.

Затем они послали машину на кладбище, привезли гроб, положили в него труп, заколотили крышку и вновь повезли на кладбище.

При выходе из кладбища Абиа отвел в сторону Новэ и тихо, чтоб никто не слышал, спросил:

— А где это, Корнисхеви?

Поговаривали, что в Аравидзети еще со времен Ирода жили и были захоронены предки Аравидзе.

Абиа же был плоть от плоти, кровь от крови своих

родителей, достойный продолжатель рода Аравидзе. Но он разве что понаслышке знал об этой земле, не плавал в аравской воде, не бродил по аравскому лесу, лишь издали созерцал аравские окрестности... И нет ничего удивительного в том, что он не знал, где находится Корнисхеви.

Новэ и всем, кто в то утро собрался у дома Варлама Аравидзе, разумеется, очень хотелось знать содержание письма; судя по тому, как Абиа поспешно сложил лист и спрятал его — в письме сообщалось нечто важное. Когда же Абиа спросил о Корнисхеви, Новэ догадался, что об этом ущелье, вероятно, речь шла в письме, но в связи с чем, понять было трудно.

— Корнисхеви в той стороне, — махнул рукой Новэ, — в зоне изолятора... А с чего вы о нем вспомнили?

— Да так... — ответил Абиа.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА С «ВЕЛИКИМ ПРОМЫШЛЕННИКОМ» В ТРИ ЧАСА НОЧИ

Получив первые пятьсот рублей, Дуро без особого труда получил и вторые. Ему это даже понравилось. И деньги шли в карман, и доверие мстителя к нему крепло. Дуро решил, что, войдя в доверие, он проникнет в лагерь врага и выявит таким образом всю банду злоумышленников. Надо только с умом воспользоваться предоставленной ему возможностью. Выудит он у Диргиа две или три тысячи, потом найдет на него задержателей — и пойдет ликвидация!..

Многолетний опыт работы среди задержателей позволял ему действовать смело и решительно. Временный сговор со злоумышленником, взятка и тому подобное — вот испытанный метод их работы. И этим методом Дуро владел в полной мере, но, как говорится, не все кувшину воду носить, так вот у Дуро кувшин этот разбился у самого источника.

Варлама Аравидзе в третий раз откапывали темной, кромешной ночью. Дуро со своей «эмкой» дожидался Джэге Халдани у ворот, он должен был ждать в течение часа — таков был уговор. И вот он ждет. Никого не видать. В ночь, когда они выкапывали Варлама во второй раз, Халдани, появившись из темноты, быстро прошел мимо, ничего не сказав, и скрылся среди мо-

гил. Дуро знал, что он тотчас приступил к делу. На сей раз Халдани поступил иначе: он прокрался на кладбище, минуя Дуро. Был он не один, ему помогал двоюродный брат Джвэбе Халдани. Дуро наотрез отказался копать вместе с Джэге и убедил его, что на то у него есть весомые причины: если кто-либо, проходя мимо, увидит машину Дуро, то непременно заглянет в нее, и, если Дуро там не будет, этот случайный прохожий может пройти на кладбище и стать невольным свидетелем их ночного занятия. Оставаясь в машине, Дуро отведет от Джэге эту опасность.

Из рода Халдани в живых остались только двоюродные братья Джэге и Джвэбе, все остальные стали жертвами Варлама Аравидзе. Одних сгноили в тюрьме, другие умерли в ссылке, третьи — были убиты в своем дворе, ночью, когда вышли по нужде. Джэге не хотел вмешивать в свои дела брата, уж если ему суждено погибнуть, то хотя бы он, Джвэбе, останется в живых, однако удержать брата дома он не смог.

Братья откопали труп, Джэге взвалил его на плечи, и, петляя между могил, пошли к выходу. Джвэбе, перемахнув через ограду, подался в лес, оттуда он незамеченным доберется до дому. Джэге с великим трудом, сгибаясь под тяжестью, пошел к воротам. Он знал, что они надежно заперты. Но рядом заветный пролом в ограде. Идет Джэге, несет на себе труп Варлама, точно это его крест, с каждым шагом приближается к ограде. Вот и ограда. Джэге собрался было уже перебраться через пролом, но в эту минуту увидел на дороге, на маленьком клочке земли, попавшем в поле его зрения, свет. И шум машины, далекий. Замер Джэге. Может, это Дуро включил фары, и слышится ему шум мотора? Но нет, он отчетливо слышит приближающийся шум машины. Кто может в такой час появиться здесь? Спohватившись, он опустил одну ногу, другую, повернулся и быстро скрылся в кладбищенской темноте.

Дуро тотчас узнал машину Зенона, но решил не выходить навстречу: может, Зенон и не заметит его. Но подъехавшая машина осветила фарами «эмку» Дуро и остановилась.

Дуро был вынужден выйти и подойти к ней. Зенон сидел рядом с шофером, а на заднем сидении развалились «великопромышленники», как называл их с издев-

кой Дуро, из свиты Зенона, — они и в самом деле ведали местной промышленностью. Зачем они приехали? И тут Дуро сообразил, что дорога эта ведет только к кладбищу, и его обуял страх.

— Значит, мы здесь? Я так и знал! — кряхтя, вышел из машины Зенон. — Кто еще тут?

— Никого... — как можно спокойнее ответил Дуро.

— Никого! Ты один?.. Молодец, брат! Ты не шофер, ты настоящий сын Аравидзе, родной сын...

Зенон был искренне восхищен поступком Дуро. В три часа ночи могилу Варлама сторожит его бывший шофер, это ли не пример, достойный подражания?! Зенон был пьян и потому преданность Дуро так взволновала его, что он обнял его, отвел в сторону и зашептал:

— Мы с ребятами выпили, последний тост был за Абиа... Так вот... Мы, сказали ребята, для Абиа Аравидзе жизни не пожалеем, и...

Зенон протянул руку в сторону машины, вот, мол, мы здесь!

— Садитесь немедленно в машину и уезжайте! — решительно произнес Дуро, поняв, что необходимо как можно скорее отвести от себя беду. — Вы все пьяные, и оставаться вам здесь опасно!

— Я говорил им то же самое, но они и слушать не захотели... — развел руками Зенон.

— В машину! И немедленно! Здесь в любую минуту может начаться стрельба! — Дуро уже силком тащил Зенона к машине.

Вдруг Зенон вырвал руку, остановился и уставился в темноту. Нет, наверное, померещилось, подумал он, не спуская глаз с ограды. Дуро всюду дергал его за рукав, но Зенон уперся, как упрямый осел, и все смотрел туда, откуда вслед за видением раздавался шум шагов... Видение возникло на мгновение — в проеме ограды чернел силуэт человека с грузом на плечах... А может, на голове... В кромешной темноте кладбища этот двухметровый силуэт казался сгустком черноты. Но вот эта жуткая чернота попятилась назад...

Зенон от страха проглотил язык. То, что он увидел, было настолько невероятно, что он даже не посмел сказать об этом Дуро. Он покорно последовал за ним, то и дело оглядываясь, чтоб убедиться, что все ему только почудилось. Машинально сел в машину, в которой

уже никого не было, ребята, как называл их Зенон, отошли справить нужду. Зенон, озираясь, выполз из машины и тихо спросил Дуро:

— Слушай, вот сейчас, там, на ограде, ты ничего не видел?

— Ха-ха! — наигранно засмеялся Дуро, снова отводя Зенона к машине. — Видел, своими собственными глазами видел, как между могилами бродили Варлам и дед мой Нестор, борода у него была во-от до сих пор, ха-ха-ха!.. — захохотал он, вталкивая Зенона в машину.

Подошли ребята, сели на свои места, и машина тронулась. Дуро вздохнул с облегчением.

— Бездельники! — крикнул он вдогонку и включил фары, подавая сигнал Халдани.

Скоро из темноты вновь выплыла чернота и вновь возвысилась над оградой. Дуро открыл дверцы машины с обеих сторон, помог Халдани снять покойника со спины. Варлама «усадили» на заднее сидение и пустились в дорогу. Джэге Халдани сделал свое дело — положил труп Варлама поверх трифолиатовой изгороди, отсчитал сидящему в машине Дуро деньги и договорился о новой встрече.

Встреча эта не состоялась.

БОРЬБА ЗА МОГИЛУ. МЯТЕЖ ТАНГУЛИА

Было решено назначить дежурство у могилы Варлама Аравидзе. Отныне по ночам на аравидзетском кладбище среди могил ходил вооруженный задержатель. Он не прятался, напротив, старался, чтоб его видели, как бы предостерегал: смотрите, если подойдете близко, пуля не минует вас.

Трудно коротать ночи на кладбище. День или два еще можно, но дежурить на кладбище в течение целого месяца! Такого указа нет у задержателей. Только из уважения к Варламу и Абиа нарушались принятые постановления. Если понадобится, они примут новые, ведь более почетного человека земля Арави за последнее время не теряла!

Говорится, ночью не то что человек, вода засыпает. Как ни старались бодрствовать стражи на могиле

Варлама, один из них все-таки уснул... Утром, проснувшись, обнаружил, что могила разрыта. Он поднял тревогу: злоумышленник, наверное, гуманоид, он придет на тарелке, и за те пять минут, пока он дремал, успел разрыть могилу и улететь.

Поздно вечером генеральный задержатель пришел к Абиа за советом: как быть, что делать? Ведь осквернение могилы Варлама — вызов не только Абиа, но и всему институту задержателей, основателем которого в Арави был Варлам.

Нынешний генеральный задержатель Григоло Григолов и Абиа жили в одном доме, Григолов — этажом выше. Он был единственным, кого считали чужаком, хотя родился и вырос он в Арави. С тех пор, как Варлам Аравидзе отошел от дел, главным оставался Ивсихи Несторович, вскоре на должность генерального задержателя прислали Григоло Григорова, дабы ограничить, как поговаривали, власть Ивсихи. Но этого не случилось. Ивсихи Несторович и Григоло Григолов быстро нашли общий язык и работали в согласии.

Появление Григоло Григорова в квартире Абиа — событие значительное. Григорова не было на похоронах Варлама. Поскольку не смог прийти Ивсихи Несторович, Григолов был обязан последовать его примеру. Но он позвонил Абиа по телефону и выразил соболезнование, а в день похорон от него пришла пространная телеграмма.

Абиа не думал обращаться к Григоло Григолову, надеясь, что сам справится с преступником. В том, что Варлама откапывал преступник, Абиа не сомневался. И вот Григолов, известный во всем Арави человек, самый главный среди задержателей пришел к Абиа и предложил свою помощь. Это значило, что в очередной раз признаются старые заслуги Варлама — так думал в тот вечер Абиа.

Хотя они и были соседями, но не встречались вне работы. Абиа и Цисмарэ больше общались с соседями, живущими этажом ниже. Григолов поселился в их доме недавно, поэтому соседи пока еще присматривались друг к другу, к тому же Григолов занимал столь высокий пост, что этикетом, неофициально, конечно, запрещалось навязывать ему свою дружбу. Если Григолов сочтет нужным, он сам сделает шаг к сближению,

таков был неписанный закон для обитателей дома, в котором жила семья Абиа Аравидзе.

Это не был обычный, типичный городской дом — у него была своя история, своя судьба. Сегодня это был дом правителей Аравского края, но некогда в нем жили обычные горожане. Он, оказывается, понравился Варламу Аравидзе, который одних жильцов выслал, других выселил, и стали здесь жить правители Арави.

Дом был трехэтажный, строенный из красного кирпича, с двумя подъездами. В одном подъезде на всех трех этажах жила семья правителя Арави, сегодня квартира принадлежала Ивсихи Несторовичу, во втором подъезде жили два заместителя Ивсихи Несторовича и Григоло Григолов.

Приход Григорова к Абиа домой означал, что сделан первый шаг к дружбе семьями. Григолов вошел, осторожный, как кошка, сел в кресло рядом с Абиа.

— Что будем делать, Авель Варламович? — спросил он, сокрушаясь.

— Главный задержатель, наверное, успел передать вам письмо злоумышленника... Он просит выбросить труп в Корнисхеви... — горько усмехнулся Абиа. — Бедный, бедный Варлам Аравидзе...

Из соседней комнаты, комнаты Тангулиа, послышался шорох, и Абиа понизил голос, но было уже поздно, Тангулиа услышал слова отца: тот, кто выкапывает дедушку, требует выбросить его в Корнисхеви. Так Тангулиа узнал о содержании письма.

— Да, мне передали, проведена экспертиза, — сказал Григолов. — Но я больше надеюсь на вас, чем на отпечатки пальцев.

— На меня? — удивился Абиа.

— Да, на вас и вашу семью! Не может быть, чтоб вы кого-нибудь не подозревали...

— Нет-нет, никого... клянусь вам честью, мы никого не можем подозревать. У отца было немало врагов, это я могу сказать.

Григолов задумался.

— Посоветуйте хотя бы, что мне делать? — попросил он, помолчав.

Абиа молча курил, опустив голову, слова казались ему лишними. Да и что он мог сказать?

Из комнаты Тангулиа вновь послышался странный

звук, точно щелкнул затвор. Вслед раздался тревожный голос Цисмарэ:

— Оставь немедленно! Не своди меня с ума! Сейчас же позову отца!

Абиа побледнел, услышав крик Цисмарэ. Что там может происходить, подумал он, но притворился, будто ничего не произошло, лишь посмотрел на Григолова и с деланным спокойствием сказал:

— Мне кажется, надо усилить охрану, ничего другого нам не остается.

— Разумеется, усилим охрану и будем охранять скрытно, чтоб никто ничего не заподозрил... Но... Скажите, вы можете назвать хотя бы кого-нибудь из недругов вашего отца?

— Нет... не могу... — печально произнес Абиа. — Их очень много...

Их беседу прервал тревожный крик Цисмарэ:

— Абиа, помоги!.. Он взял ружье!..

Абиа стало не по себе. По заведенному в их доме порядку Цисмарэ должна была накрыть на стол, а потом со свойственным ей радушием пригласить гостя. При чем тут ружье? Цисмарэ всегда отличалась рассудительностью, Абиа знал, что высокому гостю будет оказан достойный прием, и потому был крайне удивлен поведением жены.

Цисмарэ и в самом деле с помощью пышущей здоровьем Вардико успела накрыть стол, оделась и шла в гостиную, чтоб пригласить гостя к ужину, но тут услышала шум в комнате сына и заглянула к нему.

Оказывается, Тангулиа, стоя за дверью, подслушал отца с Григоловым и решил сам отомстить человеку, который так надругался над прахом любимого дедушки. Он схватил со стены подаренное дедом ружье и, проверяя, есть ли в нем пуля, уронил ружье на пол. Грохот и привлек внимание Цисмарэ. Вбежав в комнату, она увидела сына с ружьем в руках. Глаза у него горели, и Цисмарэ показалось, что в эту минуту он был очень похож на деда.

— Я убью его!.. — проговорил Тангулиа, сверкая глазами, и бросился к двери.

Цисмарэ преградила ему дорогу и тихо спросила:

— Кого, сынок, кого ты убьешь?..

— Того, кто откапывает дедушку!.. — твердо произнес Тангулиа.

— Что ты говоришь, сынок! Не видишь разве — этим занялся сам Григолов!.. Верни мне ружье, это не твое дело!

— Именно мое!.. — упрямо заявил Тангулиа. И снова рванулся к двери.

— Оставь немедленно! Не своди меня с ума! Я сейчас же позову отца!

Эти слова услышали уже и Абиа с Григоловым, но сделали вид, что ничего не произошло, и продолжали беседу.

«Абиа, помоги! Он взял ружье!». Услышав крик жены, Абиа вскочил, чтоб броситься в комнату сына, но неожиданно распахнулась дверь и в гостиную, точно разбойники, ворвались Тангулиа и Цисмарэ. У Тангулиа в руках было ружье, в приклад которого изо всех сил вцепилась Цисмарэ.

Абиа застыл на месте, словно пригвожденный. Он ничего не мог ответить на удивленный взгляд Григолова. А Цисмарэ, не выпуская приклад из рук, старалась удержать Тангулиа, и в то же время, повернув голову к гостю, виновато шептала:

— Извините, батоно, извините...

Такого в почтенном семействе Аравидзе еще не случалось. Абиа не знал, куда деваться со стыда. Лучше бы земля разверзлась, и он провалился, чем осрамиться перед таким гостем!

— Пусть идет, Цисмарэ, пусти его! — произнес наконец Абиа громко. — Пусть идет!..

— Простите, ради Бога, извините!.. — со слезами на глазах пробормотала Цисмарэ и вышла.

Абиа и Григолов вернулись к своим креслам, но продолжать беседу им уже было трудно. Григолов встал и, прощаясь, сказал:

— Не беспокойтесь за мальчика, его не оставят одного. Если хотите, вернут домой, одним словом, сделаем так, как прикажете...

Абиа был настолько потрясен поведением жены и сына, что даже не сообразил пригласить гостя к накрытому столу, он лишь молча проводил Григолова.

ПРОКЛЯТАЯ НОЧЬ НА ДЕРЕВЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

Абиа был раздосадован. Нечего было Цисмарэ паниковать, шел бы Тангулиа хоть к черту на рога, лишь бы не осрамиться перед ночным гостем, не показать своего бессилия.

Легко сказать, шел бы Тангулиа хоть к черту на рога! Ночью, с ружьем в руках... К тому же в одной майке... Правда, на дворе лето, но ведь он собирался бежать в деревню, на кладбище! Это Тангулиа-то, которого даже в школу возят на машине! Можно себе представить, каково будет ему на кладбище. Цисмарэ боялась, что у него от страха разорвется сердце.

Ей было неловко перед гостем, иначе бы она побежала вслед за сыном. Какое счастье, Григолов скоро ушел! Цисмарэ стала поспешно одеваться, никакая сила не могла удержать ее дома.

— Не надо никуда ходить, сам придет, а нет, приведут силком, — сказал Абиа.

— Если хочешь, позвони Дуро, а нет, я пойду одна! — Цисмарэ вышла на балкон, стала смотреть на дорогу. Улица была пустынна, лишь вдали виднелась единственная машина, которая мчалась, мигая фарами. Хоть бы это был Дуро, подумала Цисмарэ. Но машина проехала мимо и скрылась за поворотом.

Вардико тоже оделась и вышла на балкон — не оставит хозяйку одну в беде, вместе с ней пойдет в Аравидзети. Абиа улыбнулся. Выхода не было — он взялся за телефонную трубку.

Дуро приехал довольно скоро, сообщил, что заезжал на кладбище, осмотрел его при свете фар, но никого не увидел. По дороге он встретил людей Григлова, они тоже не видели мальчика. Если бы он шел пешком, его непременно заметили бы, скорее всего, он сел в попутную машину, утверждали люди Григлова.

Поскольку приехал Дуро, Вардико осталась дома. Цисмарэ и Абиа отправились в Аравидзети.

Кончились лунные ночи — и теперь тьма царствовала и на небе, и на земле. Лишь фары редких машин освещали дорогу. Цисмарэ сидела рядом с Дуро. Абиа — на заднем сиденье, откинувшись на спинку.

— Что он сказал? Хоть сейчас ты можешь сказать что-нибудь толком? — Абиа все еще был раздражен.

— Толком... — надула губы Цисмарэ. — Скажет он тебе толком... Убью, говорит, его, и схватил ружье.

— Кого? — спросил Дуро.

— Ну того, кто выкапывает...

— Молодец, парень! — восхитился Дуро. — Какого мужчину вырастили и не знали об этом!..

— Да-да, мужчина! — ухмыльнулся Абиа. — Тариэл, Автандил и Фридон¹ — вместе взятые!

— Не шути так, Абиа, ради Бога! Никто не знает, что может натворить ребенок с ружьем! — воскликнула Цисмарэ.

— Ружье не заряжено, что он может натворить?..

— Не заряжено!.. Но ведь в ящике пули лежали!

— И что, он взял их?

— Не знаю... Может, и взял...

После этих слов в машине наступила тишина. Все молчали вплоть до той минуты, как въехали в деревню.

— Ключи захватил? — спросила Цисмарэ, когда показались первые дома в Аравидзети. И в самом деле, не на кладбище же коротать всем ночь. Она отыщет сына, успокоит его, приведет в дом. Если бы не Григолов, Тангулиа не ускользнул бы от нее, тогда ей было неловко перед гостем, но теперь!.. Она схватит сына за руку и ни за что не отпустит, потащит домой и запрет!

— У меня есть ключи, — сказал Дуро.

— Какое там ключи, я себя не помнил, когда сел в машину, — прошептал Абиа. — А зачем тебе ключи? Собираешься остаться?

— А как же? — удивилась Цисмарэ. — Где я могу еще быть, если сын мой здесь?

— А может его и нет в Аравидзети, он только попугал нас, а сам попер в кино...

— С ружьем?

— Оставил ружье у товарища, и пошли они на последний сеанс, что, не может быть?

— Ты в самом деле потерял голову, Абиа. Отца у тебя откапывают, сын потерялся, а ты шутишь... Не могу я так больше, не могу! — и Цисмарэ зарыдала в голос.

¹ Герои поэмы Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре».

Тем временем машина въехала в проулок, завернула в другой, осветила фарами одну калитку, вторую и выехала на проселочную дорогу. И вдруг горящие фары выхватили из темноты фигуру мальчика. Это был Тангулиа. Цисмарэ плакала, уткнувшись лицом в платок, и не видела его, только когда машина затормозила, она посмотрела в окно и закричала от радости:

— Боже, мой Тангулиа, мальчик мой родной!..

Первым из машины выскочил Дуро, за ним Абиа, и только потом выбралась Цисмарэ.

Тангулиа отскочил с дороги и пустился бежать по склону. В какой-то миг остановился, оглянулся, чтоб убедиться, в самом ли деле это были его родители.

Дуро бросился за ним, но, пробежав несколько шагов, угодил в яму. К счастью, она не была глубокой. «Ух, твою!..» — в сердцах выругался он, выбрался из ямы и, потирая ушибленное колено, поплелся обратно на свет включенных фар.

Абиа побежал дальше, но дорогу ему преградил колючий кустарник. Он остановился, пристально вгляделся в темноту, может увидит, куда скрылся сын. Цисмарэ, не отходя от машины, кричала в ночь:

— Тангулиа, сынок, делай что хочешь, только не убегай, иди к нам. Не стыдно тебе?..

— Будет тебе, замолчи! — отозвался в ответ Абиа. — Дай послушать, может услышим, в какую сторону он бежит!

— Иди сюда, можно подумать, ты его догонишь! Еще хуже будет! Гляди, вон что с ним, — повернулась она к Дуро, который стоял в свете фар, задрав штанину: из расшибленного колена по волосатой ноге ползли струйки крови. — Тангулиа, сынок! — продолжала кричать Цисмарэ. — Смотри, что стряслось из-за тебя с Дуро!

Абиа, встревоженный, подбежал к Дуро, но тот сказал, что пустяки, легкая царапина, достал из машины аптечку, перевязал ногу.

— Поедем на кладбище, — предложил Абиа. — Уверен, он непременно придет туда.

— Позовем еще раз, прошу тебя, — взмолилась Цисмарэ.

— Он, наверное, уже на кладбище. Отсюда до него два шага, — ответил ей Дуро.

— Здесь он, сердце мое подсказывает, что здесь, — твердила Цисмарэ, — Тангулиа, сынок, Тангулиа, — взывала она к темноте. — Ты слышишь меня? Ты ведь знаешь, как все тебя любят? Мы всегда пойдем тебя, покажись, сынок! Сейчас мы все должны быть вместе, помогать друг другу, а ты бежишь!

После недолгой тишины, казалось, расколосось небо и оттуда раздался голос — так во всяком случае почудилось Цисмарэ. Тангулиа стоял на холме, но в темноте его не было видно, слышался только голос:

— А что мне остается делать, если вы не можете защитить могилу, вся деревня бессильна, и даже ваше правительство... А я, его внук, единственный наследник Аравидзе, должен сидеть сложа руки?! Я испытаю судьбу и пусть я умру в борьбе!..

Слова эти прозвучали как гром среди ясного неба. Как же неожиданно повзрослел их сын! Абиа и Цисмарэ переглянулись в темноте, не зная, что им делать.

— Где ты, сынок, хотя бы покажись... — простонала Цисмарэ.

— Пока я не покончу с тем, кто откапывает дедушку, я не появлюсь. И не ходите на кладбище, там вы меня не найдете! Все, больше я ничего не скажу, возвращайтесь в Арави!

Тишина, наступившая вслед за этими словами, была тяжелая, как чугун. На дороге ни единой живой души, глубоким сном спала деревня.

— Он был одет хотя бы? — вновь простонала Цисмарэ.

— Да, на нем охотничья одежда деда, — сказал Абиа, — он, видать, тоже захватил ключи, успел переодеться.

— Тангулиа! — снова закричала в темноту Цисмарэ.

Абиа сел в машину. Дуро, открыв дверцу, ждал Цисмарэ.

— Тангулиа... — простонала она, и когда ей снова никто не ответил, села в машину и обратилась к мужу: — Что делать? Не оставлять же его в самом деле в открытом поле?

— Хватит, успокойся... — ответил холодно Абиа.

Дуро повернул ключ, и как только включил мотор, рядом со счетчиком загорелся маленький экран дальности

зора, сначала слышался голос Григорова, затем на экране появился и он сам.

— Не волнуйтесь, калбатано Цисмарэ, мальчик нас никуда не денется. Оглянитесь, пожалуйста.

Все трое одновременно повернули головы. Позади их машины вспыхнули фары и вмиг погасли. Оказывается, за ними все время следовала машина задержателей. Мигнув фарами, они тем самым сообщили Абиа: мы здесь и работаем.

Дуро вышел из машины и направился к ним.

— Ребята идут за ним следом, не беспокойтесь, — сказали ему шепотом.

— Смотрите, чтоб с мальчишкой ничего не стряслось, иначе шкуру спущу... — скрипя зубами, произнес Дуро.

Когда Дуро вернулся и сел в машину, Абиа упрекнул его:

— Нельзя так, Дуро! Не надо брать на себя слишком много!

«Услышал...» — обрадовался Дуро, это он в угоду хозяину был так суров, хотя знал прекрасно, что превышает свою власть.

— Батоно Абиа, если их не подстегнуть, они самого Генерального упустят...

Абиа не ответил, и Дуро тронул машину. Долго все молчали.

— Куда мы едем? Что будем делать? — нарушила тягостное молчание Цисмарэ.

Ей никто не ответил.

— Хорошо, ночью он будет сторожить могилу... — продолжала Цисмарэ, рассуждая сама с собой. — А днем? Что он будет делать днем? Его ведь увидят. Он должен прийти домой, непременно... Отбросим все в сторону, поесть ему ведь надо?! Я буду ждать его в этом проклятом доме... Может, придет...

Подъехав к повороту на кладбище, Дуро замедлил ход и оглянулся.

— Давай уж, поезжай... — грустно проговорил Абиа, хотя сам толком не знал, что делать.

Они остановили машину у ворот, но из машины не вышли. Дуро оставил включенными фары и стал ждать: был уверен, что к ним подойдет дежуривший здесь задержатель.

Тишину нарушил крик совы. Он доносился из леса за кладбищем... Была полночь. Может, дежурный уснул? Высунув головы из машины, ночные гости пристально вглядывались в свинцовую тьму. В глубине кладбища горела единственная лампочка, освещающая клочок земли, именно здесь мелькнула тень человека в плаще. Мелькнула и пропала в темноте. Потом слышались шаги и кто-то подошел к воротам. Дуро пошел ему навстречу.

— Пришел?.. — спросил он шепотом.

— Да... Долго сидел возле могилы, я предложил ему сторожить вдвоем. Нет, сказал он и убежал, скрылся за задней оградой. Видимо, где-то там прячется, — махнул рукой задержатель.

— Пойдем, покажи! — Дуро шагнул вперед.

— Не надо, он может убежать. Пусть прячется, надоест, сам придет к нам.

Дуро вернулся, сообщил Абиа и Цисмарэ новости и сел в машину. Обернувшись к Абиа, добавил:

— Ребята сказали, чтоб за сына не волновались, они с него глаз не спустят.

КОРНИСХЕВИ

Цисмарэ была права: Тангулиа и в самом деле пришел в дом деда, но, не увидев на воротах замка, не заходя во двор, повернул обратно. Он собирался днем поспать, чтоб ночью сторожить могилу, но раз в доме родители, ему не следует появляться там, они приложат все усилия, чтоб удержать его. Он пошел в магазин, купил хлеба и направился в сторону заповедника. Когда деревня осталась позади, он остановился, устроился на вековом корне старого бука и с аппетитом умял хлеб. Он шел к Корнисхеви. Почему мститель требовал выбросить труп деда в Корнисхеви, почему именно туда? Ведь есть ущелья и поближе... И в них немало ворон...

Зона в окрестности Аравидзети называлась запретной, а вообще-то это был дремучий лес, в котором бук сменялся сосняком, далее тянулись кустарники, переходящие в обширные пастбища. Корнисхеви находился в аравской чащобе на окраине Арави, только подступ-

питься к нему можно было через деревню. Ущелье располагалось между холмами, потому его и не было видно.

Тангулиа шел по лесной тропе, не зная, куда она ведет. Слышал, что Корнисхеви где-то в этих местах, в заповедной зоне, и надеялся, что кто-нибудь из местных жителей покажет ему дорогу.

По этой тропе пастухи шли на пастбища, а по субботам или воскресеньям спускались в лавку Оисимэ за продуктами. Стада же или отары гнали другим, обходным путем. По нему поднимались и машины в лавку Оисимэ.

Лавка Оисимэ! Это не была обычная лавка на пути к лесу. Для пастухов, дровосеков, егерей, охотников, даже путников это была и гостиница, и столовая, и место для отдыха, где можно перевести дух, и еще место, где вершились всякие, как добрые, так и темные дела. Сюда приходили за хлебом и крестьянин, и лесной разбойник.

В сумке за плечами у Тангулиа лежало ружье, подарок деда. Ружье можно было разобрать, и тогда оно помещалось даже в коробке. Оно было изготовлено специально для Варлама Аравидзе, и на сверкающем дуле были выгравированы на латыни его инициалы. Тангулиа не составляло труда разобрать и собрать ружье деда, так не надежнее разве идти через дремучий лес с ружьем через плечо, как настоящий охотник?

Тангулиа так и сделал, собрал ружье, перевесил его через плечо и продолжил путь. Шел долго. Может, заблудился, мелькнула мысль, но каково же было его удивление, когда вдруг посреди леса возникло человеческое жильё. Это и была лавка Оисимэ. Обрадовался Тангулиа, подошел и заглянул внутрь. Вокруг дома были вырублены деревья и устроен загон для скота.

В лавке находились четверо. Один, небритый, сидел особняком, за другим столом сидели двое, один из них, без рубашки, упрашивал лавочника:

— Слушай, Оисимэ, я ведь знаю, что есть у тебя!.. Неси!

-- Нет хлеба, слышишь, не привезли сегодня...

- . Давай только водку.

- . Без хлеба?

- . А что?

160353000
8118-01101999

— А то, что взбеситесь, выпив на голодный желу-
док.

Онсимэ, сидевший на пустой винной бочке и чесавший седую бороду, вовсе не походил на лавочника. Это был щедушный мужчина маленького роста.

Тангулиа вошел и сел за пустой столик. Одинокосидящий мужчина, обрадовавшись, тотчас пересел к Тангулиа, придвинул к нему стул и таинственно зашептал:

— Меня зовут Кондратэ... Знаете, на меня плюют, плюют на руки трудящегося человека, это можно? Даже ночью, когда сплю, приходят и плюют!.. Вот как!..

Тангулиа вздрогнул.

— Я... знаете... — растерянно проговорил он. — Слышали о Корнисхеви? Я шел туда... И вот оказался тут...

— Корнисхеви?.. Как не слышать! Там в давние времена казнили изменников и трупы их сбрасывали в ущелье на съедение воронам. Потому и зовется ущелье Корнисхеви! Старая история... Эх, вот бы сегодня был такой закон. Разве тот, кто плюет на мои руки, не достоин быть сброшенным в Корнисхеви? Чего он от меня хочет? Я простой рабочий человек, хожу на станцию, встречаю поезда, кому багаж помогу донести, кому носилки с больным... Живу своим трудом, а он приходит и плюет на мои руки... Это допустимо?.. Вон тот мужчина привел меня со станции, — Кондратэ указал на одного из сидящих за другим столом. — Вон тот, голый, Джвэбе зовут, привел меня сюда, говорит, нужен ему помощник деревья сгружать. Вот и сижу здесь целую неделю, а они плюют на мои руки. Что я потерял здесь, в лесу? Моя работа там, на станции... Не будет работы на одной станции, поезд отвезет меня на другую. А здесь... Кто ни зайдет, все плюют.

— Говорите, в Корнисхеви сбрасывали трупы изменников? — Тангулиа побледнел, даже губы у него побелели. Страшная для него новость! Вот, оказывается, чего требовал мститель! — Куда... куда идти, в какую сторону? — возбужденно спросил он.

— Идем, покажу! — предложил Кондратэ и встал, почесывая бороду.

— А это что?! — раздался вдруг зычный голос, и

тот полуголый мужчина, которого Кондратэ назвал Джвэбе, втащил в лавку мешок.

— Мука, что еще может быть? — спокойно ответил Оисимэ.

— И что же?.. Вот и сварь гоми, а сыр у тебя, я уверен, найдется. Великолепная еда — гоми и водка! Больше нам ничего и не нужно!.. Будь человеком, мы умираем с голоду!..

— Это чужая мука. — Оисимэ сидел на бочке, свесив короткие ноги, словно вообще не собирался спускаться оттуда.

— Слушай, ты что, пригвожден к этой бочке?! — закричал Джвэбе, схватил Оисимэ и подбросил его, как младенца. Тот, болтая в воздухе ногами, рухнул на пол.

Мужчина, который сидел с Джвэбе, не спускал с Тангулиа удивленных и злобных глаз: неужели это он? Зачем он появился здесь с ружьем?

Когда Тангулиа и Кондратэ встали из-за стола, он последовал за ними.

— Джэге, ты куда? — крикнул ему Джвэбе. — Сначала помоги покончить с этим. — Он ногой прижимал к полу ногу Оисимэ, всю дергая его за другую ногу.

— Хорошо, хорошо, — невозмутимо говорил поверженный на пол Оисимэ. — Соображу что-нибудь, только отпусти.

Джвэбе бушевал, шумел и даже грозился разорвать лавочника, но тот лениво встал, отряхнул штанину, взял закоптевшую кастрюлю, пошел в угол и стал ее мыть.

Тем временем Джэге вышел вслед за Кондратэ и Тангулиа. Что ему надо было, с какой целью он пошел за ними?

Джэге Халдани с первого же взгляда узнал юного Аравидзе, единственного наследника этого рода. Когда он бродил вокруг дома Варлама с целью убить его, паренек этот не раз попадался на глаза, вот и сейчас он появился здесь, точно жертвенный агнец. Но Джэге считал большим грехом проливать кровь безвинного, пожалуй, самым большим грехом на земле. Напротив, ему вдруг стало страшно, как бы паренька не убили в лесу и не приписали ему этого злодеяния.

— Юноша... — позвал он тихо. — В этом лесу ходить с ружьем опасно...

Тангулиа остановился и удивленно посмотрел на незнакомца. Тот подошел, показал на ружье, даже потрогал его.

— Из-за такого ружья здесь могут убить. Невесть откуда просвистит пуля, вы и вскрикнуть не успеете, и никто не узнает о вашей смерти — таков закон леса.

— Я иду в Корнисхеви, — твердо произнес Тангулиа, разглядывая непрошеного радетеля, но все-таки поспешил удалиться, словно что-то предчувствуя. Этот надменный взгляд был знаком Халдани — дрожь пробрала его. Взъерошенный, худой, юный Варлам Аравидзе стоял перед лавкой Оисимэ. «Проклятые гены», — промелькнуло в голове, и он так резко отвернулся, словно ему дали пощечину.

Неподалеку от лавки Оисимэ было ущелье Арависхеви, в котором тоненькой ниточкой вилась речка Арависцкали. Тангулиа даже не представлял себе, что этот щедушный ручеек переходит в неугомонную Арависцкали, разделяющую город надвое, с огромным мостом через нее, под которым проплывали лодки.

Кондратэ провел Тангулиа по краю ущелья и указал рукой, где находилось Корнисхеви. Тангулиа поблагодарил и пошел вниз по склону Арависхеви.

Он долго шел по ущелью, оставив в стороне Аравидзети, чуть ли не подошел к самому Арави. И вдруг очутился перед странным, довольно глубоким ущельем. Его словно намеренно вырыли на краю города. Это в народе его называли Корнисхеви, а вообще-то здесь была зона изолятора. Совершенно голое, без единого деревца ущелье это вплотную подходило к Арависхеви. Тангулиа стоял у самого края ущелья, когда из него выпорхнуло столько ворон, что небо почернело, они каркали так, словно вечную воронью беду обрушивали с неба. И неожиданно смолкли где-то за ущельем, черными отрепьями повисли на деревьях.

Это было не ущелье, а преисподняя. Никакого растения, даже травы — лишь голые скалы полукругом спускались в эту бездну, откуда живое существо не могло бы выбраться, окажись оно там случайно. Сонмище ворон выпорхнуло из ущелья, но вскоре черной тучей

взвились новые стаи воронья — на дно упал камень. Тангулиа не заметил, что задел камень, так его поразила черная ураган, вырвавшийся из ущелья минуту назад. Словно сорвавшаяся лавина, загудела воронья стая, но вскоре все затихло, и ущелье продолжило свою обычную жизнь.

Корнисхеви разбередило раны, усилило боль и желание отомстить. Тангулиа снял ружье, зарядил его, словно бы судьба того, кто откапывает Варлама, решилась здесь, в Корнисхеви — и пуля Тангулиа должна настигнуть его.

ДОНОС

Джэге Халдани не случайно пришел за помощью к Дуро. Машину взять на время он мог и у другого, но выбрал Дуро — это была продуманная, заранее осмысленная программа действий. Он знал, что Дуро нельзя доверять, он непременно донесет, ведь это — его профессия. И еще Джэге знал, что рано или поздно его все равно поймают: человек, выкапывающий из могилы Варлама, не сможет долго оставаться на свободе. Но предпочел все-таки пойти на сговор с Дуро. Ради денег он предаст не то что Варлама, но и собственных детей. И в самом деле, с помощью Дуро все шло так, как планировал Джэге. Уже трижды труп Варлама возвращался к дому, об этом узнали все, у всех на устах была новость: Варламу Аравидзе не дают спокойно лежать в могиле. Джэге этого и добивался — все должны знать, что такого, как Варлам, подонка земля не примет.

Неожиданная встреча с Зеноном перепутала Джэге и Дуро все карты. Зенон, конечно же, немедленно сообщит Абиа о ночной встрече. Дуро должен опередить его, придумать убедительную версию о причине своего пребывания на кладбище. Абиа, конечно же, поверит ему, но задержателей не проведешь. Надо вовремя избавиться от Халдани, иначе, если дело лопнет, Дуро не только распрощается со своей работой, но еще и в тюрьму угодит. Халдани почувствовал недоброе и предупредил Дуро: будешь доносить, предупреди заранее,

я сам сдамся, так лучше для нас обоих. Дуро пообещал, но действовал, конечно же, вероломно, как скорпион.

Если он продался Джэге за пятьсот рублей, то самого Халдани он продал намного дороже. Он пришел к Григолу Григолову и поведал удивительную историю Джэге Халдани, по прозвищу Диргия. По словам Дуро, опыт работы в системе задержателей, верность долгу сделали возможным невозможное — он смог узнать, кто выкапывает Варлама и, что самое главное, вошел к преступнику в доверие и может в любую минуту, получив приказ, приступить к его «ликвидации».

Григол Григолов не мог скрыть удивления, настолько невероятным было сообщение Дуро, он тотчас позвонил в Правление и попросил Абию срочно приехать. По просьбе Григорова Дуро пришлось еще и еще раз рассказать, как он вышел на Халдани, кто его навел на след и тому подобное. Дуро, разумеется, скрыл от Григорова правду, сказал, будто бы о Халдани он узнал от пастухов, к которым он заслал «своего человека», большую помощь оказала ему и широкая сеть доносчиков.

— То, что удалось вам, одному человеку, оказалось не под силу целой армии задержателей, оснащенной по последнему слову техники! — восторженно признал Григолов. — Каков был, а, Варлам Аравидзе! Такой первоклассный задержатель был у него водителем!.. Предлагаю вам работать у нас в специальном отделе! — предложил он.

— Первейший среди задержателей, генеральный задержатель! — перешел на язык магогов Дуро и вытянулся перед Григоловым. — Я давно уже работаю у вас, но я человек скромный и не лезу вперед... — обращаясь к Григолову на языке магогов, Дуро давал ему понять, что он и в самом деле свой человек среди задержателей.

— Прошу садиться! — предложил Григолов. — Просите, чего хотите!..

— Первейший среди задержателей! — повторил Дуро. — Мне нужна квартира для сына...

Дуро знал, что в этом учреждении нужных им людей щедро награждали, и решил воспользоваться этим: просить квартиру для своего побочного сына, о существовании которого никто не знал, ни семья Ду-

ро, ни Абиа и Цисмарэ, ни друзья и близкие. Сын вырос бездельником и вымогателем, к тому же мать всю подзуживала его и требования к отцу росли с каждым днем. Предоставив им квартиру, думал Дуро, он раз и навсегда избавится от этого бремени.

У задержателей существовал определенный, узаконенный порядок распределения квартир: для них строились специальные дома — двухэтажные благоустроенные особняки с садами. Такие дома предоставлялись сотрудникам за особые заслуги, к примеру, за раскрытие заговора или поимку нарушителей государственной границы и так далее...

По мнению Дуро, разоблаченный им злоумышленник не похож на вора или бандита, не был он и нарушителем государственной границы, но при поддержке Абиа и добром расположении к нему Григолова дело с квартирой могло выгореть.

Григолов готов был свою собственную квартиру отдать человеку, который помог бы им поймать преступника, выкапывающего из могилы Варлама Аравидзе. Весь край был возмущен этим, и если бы не был обнаружен преступник, кто знает, может, Григолову пришлось бы распрощаться с должностью. Не скажут спасибо и самому Ивсихи Несторовичу, сомнительно, останется ли на своей должности заместитель управляющего Абиа Аравидзе — как он может управлять краем, если не может уберечь могилу отца?!

Выходит, само провидение послало Григолову Дуро, так неужели он пожалует для него квартиру?

— Выбирайте, какая вам понравится, — сказал Григолов. — Мой делопроизводитель даст вам ключи.

Дуро поблагодарил Григолова и предложил ему план поимки Халдани. Григолов вызвал главного задержателя Дэмура Риктафелова и поручил ему собрать группу по проведению секретной операции.

— Вы сын Гено? — спросил Дуро Риктафелова. — Наши отцы работали вместе у Варлама. Мне довелось работать с ними за два-три месяца до того, как их расстреляли. Вот это были задержатели! Гено Риктафелов! Он мог весь Арави в один день... фьють! — ликвидировать! А мы не можем поймать одного человека! — захихикал Дуро. — В три часа ночи, — вдруг резко перешел он к делу, — я со своей «эмкой» буду стоять у

ворот кладбища, преступник выроет покойника и принесет его к машине...

Дуро знал, что здесь записывается каждое его слово, он заметил также вспыхнувшую точку на стене. «И камера включена», — подумал он.

— Действуйте по вашему усмотрению. Можно ликвидировать, когда он будет рыть могилу, можно, когда вытащит покойника и пойдет к машине...

Григолов сидел за полированным столом, на котором не было даже клочка бумаги. Он не любил бумаг. Зато слева и справа от него стояли всевозможные телефонные аппараты, за спиной на стене, в стене, под столом, в ящиках приспособлены всевозможные устройства.

Риктафелов сидел справа, Дуро — слева за столом, стоящим вплотную со сверкающим столом Григорова. В этих стенах Дэмур Риктафелов слушал многих доносчиков и многих обвиняемых, но ничего подобного до сегодняшнего дня не слышал.

— Вы утверждаете, что... — начал спокойно Риктафелов, — тот, кто откапает Варлама Аравидзе, взвалит его на плечи, подойдет к «эмке» Варлама, сядет в нее, вы, то есть бывший водитель Варлама, подгоните машину к воротам дома Аравидзе, злоумышленник выйдет и водрузит труп на трифолиатовую изгородь?

— Да, я утверждаю это... — не дрогнув, проговорил Дуро.

— Парадокс в этом и заключается! — воскликнул Григолов на языке магогов, встал из-за стола, дошел до середины кабинета, словно собирался танцевать, и стал объяснять Риктафелову суть дела.

Язык магогов был служебным языком. Григолов, владея местным языком, как родным, волнуясь или же в гневе невольно говорил только на языке магогов.

— Оказывается, он знает, что батони Дуро его выдаст и все-таки идет!.. А, каково?! — довольный своим разъяснением, он уставился на Риктафелова. — Такое я слышу впервые в своей практике.

— Первейший среди задержателей и генеральный задержатель! — вскочил на ноги Риктафелов и обратился к Григолову, как положено, на языке магогов: — Оперативная группа готова к выполнению операции в три часа ночи на аравидзетском кладбище!

Как только Риктафелов вскочил на ноги, Дуро последовал его примеру.

— Проработайте все возможные варианты и до конца дня доложите мне, — приказал Григолов. — К примеру, допустим, преступник узнал о наших планах и не пришел в назначенное время, что мы делаем? — обратился он к Риктафелову, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Или явился, однако к кладбищу не подошел, догадался, что его здесь ждут... Что делаем?.. Пришел, откопал покойника, но, увидев нас, поднял стрельбу... Что мы делаем в этом случае?.. Пришел, но не один, а с вооруженной бандой... И так далее... И так далее... На все подобные вопросы вы мне должны ответить до вечера. И только после этого приступить к делу!..

— В первую очередь следует арестовать меня! — сказал Дуро Григолову. — Преступник не должен заподозрить меня в том, что я выдал его. Думаю, не мне учить сына Гено Риктафелова...

— Конечно! — ответил Григолов и повернулся к Риктафелову.

— Есть! — вытянулся тот перед начальником и четким военным шагом покинул кабинет.

Дуро последовал за ним.

Когда Григолов после сообщения Дуро позвонил Абиа и попросил зайти, у Абиа в кабинете сидел Зенон и повествовал о странном привидении на аравидзетском кладбище.

— Ну точно, стало быть... — волновался Зенон, — собственными глазами видел, как по кладбищу ходил человек с мертвецом на плечах... Почудилось, сказал мне Дуро...

— Что, что? — вытаращил глаза Абиа, — повтори, что ты сказал!..

— Стало быть... — вскочил на ноги Зенон, — видел своими глазами!.. — от волнения Зенон закашлялся. — Стало быть, вот здесь, да, дорога... Из темноты вышел человек с мертвецом на плечах и предстал прямо передо мной! Машина Дуро стояла на дороге и Дуро был там. Что это, Дуро, спросил я, а он сказал, что мне показалось. Батоно Абиа, стало быть, не могу не сказать тебе... — Зенона словно подменили: этот могучий, как скала, мужчина на глазах растаял,

стал тоньше нити, оглядываясь по сторонам, вытянув шею и чуть ли не лежа на столе Абиа, он шепнул ему на ухо: — Я подозреваю Дуро...

Абиа вспыхнул, вскочил на ноги, стал ходить взад-вперед по кабинету, пытаясь скрыть волнение. Он никак не мог подозревать Дуро, скорее бы мог заподозрить собственного сына, нежели Дуро.

— Пиши! — сказал он вдруг, перестав ходить по комнате, остановился перед Зеноном и испытующе уставился на него.

— Написать?.. — заколебался гость, поежился, привстал, сделав вид, что ему неудобно сидеть, когда Абиа стоит. Абиа положил ему на плечи руки и не позволил встать.

— Пи-ши!.. — подчеркнуто произнес он, словно перед ним глухой, который должен догадаться о том, что ему говорят, по движению губ. — Теперь все имеет значение... Возьми бумагу!.. — Он положил перед ним бумагу и ручку.

Зенон боялся такого «письма», рано или поздно оно будет «засвечено», думал он, но не посмел отказать Абиа.

— Оставишь секретарше, меня вызывает Григолов... — приказал он и вышел. Зенон удивился, но не посмел спросить, почему его вызывает Григолов. Оставшись наедине с самим собой в вотчине Абиа Аравидзе, он растерянно огляделся по сторонам.

Заглянула секретарша, оглядела Зенона так, словно видит его впервые, и ушла, оставив дверь приоткрытой.

Старательно, усердно, долго писал Зенон, обстоятельно описал события того дня, подписался, поставил число, с облегчением вздохнул и платком вытер вспотевшие от непосильного труда лоб и подбородок. Перечитал написанное, читал не спеша, вчитываясь в каждое слово.

Вдруг он почувствовал, что кто-то смотрит на него, пристальный взгляд проник из приоткрытой двери и пламенем обжег щеку Зенона. Он прервал чтение и оглянулся. В соседней комнате сидел Дуро...

Ничего удивительного и неожиданного в этом не было. Идя в управление, он не был уверен, что в коридорах или же в приемной не встретит Дуро, и все-

таки был неприятно поражен. Его словно застали на месте преступления — один писал донос на другого, и тот, на кого доносили, жалил взглядом того, кто доносил.

Доносы пишутся ночью, втихую, в одиночестве, втайне даже от близких. Абиа вынудил Зенона писать донос публично, у всех на виду. Что ему оставалось делать? — сила соломѹ ломит. Хотя, собственно говоря, кто знает, что он пишет именно донос? — успокаивал он себя. Знал единственный человек — Дуро, который, намеренно примостившись напротив приоткрытой двери, буравил его взглядом. «Никто не боится сверкания твоих глаз!» — разозлился вдруг Зенон.

Уже в который раз читал он написанное, растягивая время... Он не хотел передавать секретарше письмо в присутствии Дуро, потому не выходил в приемную. А может, к тому времени возвратится Абиа, и об этом думал он. Если он сейчас выйдет в приемную и оставит у секретарши свой донос, Дуро непременно заглянет в него, он в этом не сомневался. Потому и медлил...

Но вот чудо! Дуро тоже стал писать! Зенон заметил, что он взял у секретарши лист бумаги и ручку и принялся что-то писать, то и дело оглядываясь.

Дуро писал не донос, а, как говорят на языке магогов, которым он владел искуснее, нежели родным, писал «рапорт». Ведь служебным языком в аравском крае считался язык магогов и целесообразнее было писать прямо на этом языке. Если доносу Зенона, думал Дуро, придадут значение и дадут ему ход, его должны будут перевести на язык магогов, иначе он не будет иметь силы. Потому-то Дуро предпочел писать прямо на служебном языке: такого-то числа и такого-то месяца, такого-то года, в полночь, к аравидзетскому кладбищу на машине подъехал Зенон Агаоглышвили в состоянии опьянения. С ним — пьяная компания.

Далее Дуро осторожно намекал на то обстоятельство, что между Зеноном и Варламом имела место тайная, сокрытая от постороннего взора, вражда. Не могу этого утверждать, все покажет время, — писал далее Дуро, — но между тем, кто откопал Варлама Аравидзе, и пьяной компанией есть несомненная связь.

Зенон рано или поздно должен был покинуть ка-

бинет Абиа, стало быть, ему не миновать встречи с Дуро.

И они встретились.

— Что потревожило вас в эту рань, батюшко Зенон? — Дуро встал, почтительно пожал Зенону руку. Он уже закончил свой «рапорт» и держал его в руке.

— Да так, зашел поговорить с Абиа, — ответил холодно Зенон и что-то прошептал секретарше на ухо.

Она достала из ящика конверт и протянула его Зенону. Зенон вернулся в кабинет, плотно закрыл за собой дверь, вложил донос в конверт, основательно заклеил, надписал: Абиа Аравидзе, лично. И снова вышел в приемную, подошел к секретарше, наклонился и так плотно прижался губами к ее уху, что она даже отпрянула. «Секретно, — прошептал он. — Даже этому не давай читать», — добавил он. Под «этим», конечно же, подразумевался Дуро. Едва Зенон вышел, Дуро потянулся за конвертом. Секретарша, видимо, уже привыкшая к подобным выходкам Дуро, не раздумывая, передала ему конверт.

— Только осторожнее, чтоб можно было потом заклеить, — пододвинула она специальное приспособление для распечатывания конвертов.

Едва Дуро успел ознакомиться с доносом Зенона, как вошел Абиа. Он выглядел радостным и взволнованным. Дуро, не спрашивая разрешения, последовал за ним в кабинет. Все складывалось как нельзя лучше для Дуро. Когда Абиа, оставив Зенона в своем кабинете, шел на встречу с Григоловым, Дуро чуть было не столкнулся с ним в коридоре, но успел спрятаться. Так лучше, решил Дуро, пусть Абиа услышит новость из уст Григолова, она будет выглядеть убедительнее и правдоподобнее. Лучше, чтоб сам Григоло Григолов поведал Абиа о верности, преданности Дуро, а уж потом сам он не преминет выставить себя в самом лучшем свете.

* * *

Вотчину Григоло Григолова коротко называли АВЗ (Аравское войско задержателей). У этой аббревиатуры была своя история: оказывается, давным-давно Арави покорил Магог и ввел оккупационное войско задержателей, или, как они себя называли, — войско «защит-

ников». Вот тогда и называли это учреждение АВЗом. С тех пор прошло много времени, жизнь изменилась, в Арави уже не было необходимости в оккупационных или «защитающих» войсках. Оно превратилось в войско по защите законов и порядка, т. е. в полицию, но старое название так укоренилось в сознании аравцев, что они не могли расстаться с ним.

АВЗ был рядовым полицейским учреждением до появления в нем Варлама Аравидзе. Он же принес этому заведению славу и величие. Работу в АВЗе, авзисту, он сделал почетной, престижной. У Варлама всегда находилось теплое местечко для тех, кто служил ему верой и правдой, им назначались высокие зарплаты, предоставлялись квартиры. Разумеется, в те годы каждый мечтал работать в АВЗе. К сожалению, с годами потускнела позолота прежнего величия АВЗа, и сегодня, когда самому Варламу Аравидзе понадобилась помощь задержателей, АВЗ, к сожалению, не мог похвастать прежними заслугами.

Дворец АВЗа стоял напротив здания Правления. Обычный, рядовой житель города проходил это расстояние, конечно же, пешком. Начальник Правления, его заместители, начальник АВЗа, генеральный задержатель, его заместители — главные задержатели ездили друг к другу на машинах, пройти расстояние в триста-четыреста метров без телохранителей сильные мира сего не решались. И если кто-либо из них на свой страх и риск шел пешком, ему выговаривали за это.

Машина Абиа стояла во дворе Правления, но Дуро рядом не оказалось. Куда он мог подеваться? Абиа был вынужден пойти в АВЗ пешком. Чтоб пройти в здание, ему не нужен был пропуск. Даже если бы он не занимал столь высокий пост, достаточно того, что он сын Варлама Аравидзе, чтоб широко распахнулись перед ним все двери и встретили его с подчеркнутым почтением. Так и встретили его в АВЗе. «Пожалуйста, батона Абиа!.. Сюда, пожалуйста...» Вызвали лифт, проводили до кабинета Григолова. Там его встретила секретарша. Судя по всему, его ждали, Абиа почувствовал также, что здесь все находится в ожидании чего-то значительного. Обычно здешние работники не суеются, ходят степенно и чинно, не волнуются. А тут у всех лица обеспокоенные, все суеются, куда-то спешат.

Абиа знал, слышал от отца, что в АВЗе поднимался переполох, когда генеральный задержатель имел беседу с Главным в Гоге. Это случалось редко. Главный был так велик и недосягаем, что некоторые генеральные задержатели даже не слышали его голоса на протяжении всей своей службы. Связь с ним осуществлялась только через помощников и заместителей. У Главного было триста помощников и двенадцать заместителей. Они и поддерживали связь с провинциями.

Генеральные задержатели сообщали (рапортовали) обо всем Главному. Посылались деловые бумаги, информации (или доносы), помощники распределяли их по степени значимости и только потом докладывали начальству. Если Главный считал необходимым связаться с провинцией, тогда весь АВЗ поднимался на ноги, начинались вызовы, раздавались звонки, одним словом, шла работа.

Именно такую картину застал здесь Абиа. Григоло Григолов с минуты на минуту должен был выйти на связь с Главным.

Абиа вошел к Григолову, и не успели они пожать друг другу руки, как вспыхнул и погас красный свет, и вновь вспыхнул и погас... Красный свет стал мигать во всех комнатах, во всех коридорах... В телефонной сети края за красным светом последовала сирена — на линию выходил Главный. Его голос записывался, и все, что он говорил, ложилось в основу учебника для задержателей Аравского края.

Красному свету предшествовала долгая телефонная трель, возвещающая о желании Главного говорить с Григоло Григоловым. Красный свет вспыхивал непосредственно перед выходом Главного в эфир.

Красный свет зажегся и в здании Правления, в кабинете самого Ивсихи Несторовича. А это означало, что делом об осквернении могилы Варлама Аравидзе заинтересовалась сама столица магогов — Гога.

«Разрешения на похороны ждали из Гоги... — мелькнула у Абиа мысль — Ивсихи Несторович ни при чем...» Он вспомнил, сколько пережил, пока пришло это разрешение. Варлам не был простым смертным, и потому его похороны не могли быть обычными.

— Наш выдающийся и наш первейший! — вытя-

нувшись по стойке «смирно», весь багровый, обратился Григоло Григолов к Главному.

У Григолова был металлический пронзительный голос. Заученно-старательно докладывал он о трудностях сегодняшнего Арави.

— Злоумышленник найден, установлена личность, не сегодня-завтра мы его задержим и пресечем беспорядки!

Абиа, присутствующий при этом разговоре, был обязан тоже слушать стоя. Будь он у себя в кабинете, он также поднялся бы на ноги. Вообще-то все вставали даже тогда, когда голос Главного раздавался по радио, а тут он говорит по прямой линии, естественно, во всем АВЗе его слушали стоя. В былые времена тех, кто не вставал, Варлам Аравидзе сотнями бросал в тюрьмы. Тот давний страх все еще жил в людях.

Абиа охватила такая радость, что он не слышал, что было сказано под конец. Найден злоумышленник, личность установлена! Неужели конец его мучениям?! Абиа с нетерпением ждал завершения беседы.

На столе Григолова стояли телефоны всех мастей. Тот, по которому он разговаривал сейчас, был установлен в специально предназначенном для него месте, в стороне от других, красным был не только телефон, но и вся установка. Любой, входящий в кабинет Григолова, догадывался, что установка — был личный аппарат Главного. Такие аппараты в Арави были только у двоих — у Григолова и Ивсихи Несторовича.

— Что-то долго вы не можете навести порядок! — слышался спокойный голос Главного и следом — протяжные гудки.

Григолов остолбенел. Красный, как бурак, он стоял перед красной установкой. И вдруг — краска словно сошла с него, он побелел, даже толстые губы его побелели. В дрожащей руке трубка равнодушно гудела: ту-ту-ту. Что ему делать, он не знал — положить трубку на место или ждать. Уж лучше пощечина, чем эти протяжные гудки. Надо же, даже не успел поблагодарить. Хотя... за что?.. Нет, все-таки он должен был сказать слова благодарности. Чего стоил один тот факт, что в Арави зажегся желанный красный свет! Как же теперь быть? Совершенно подавленный, сел он за свой

стол. Главный повесил трубку, это означало, что дни его, Григолова, сочтены, и не только его, но, вероятно, и Ивсихи Несторовича. Тревога Григолова передалась Абиа. Он не знал, с чего начать разговор.

— Вы в самом деле нашли преступника? — с трудом выдавил он из себя.

— Неужели я мог сказать ЕМУ неправду?! — горько улыбнулся Григолов.

Абиа почувствовал неловкость. «Глупый вопрос», — подумал он и попытался выйти из положения.

— Большое спасибо, батано Григоло, я так и знал.

— Что вы знали? — поднял на него холодные глаза Григолов. Человек этот сейчас действовал ему на нервы. «Из-за него я должен нести ответ», — раздраженно думал он.

— Я верил в вас.

— Благодарите вашего шофера... — по-прежнему сурово ответил Григолов.

— Моего шофера? Дуро? — Абиа почему-то обрадовался.

— Да, вашего шофера, — постепенно успокаивался Григолов. Не время сейчас переживать. Надо действовать быстро, если он хочет выйти с честью из этого положения.

— Вот зачем я попросил вас прийти. В три часа ночи мы собираемся задержать злоумышленника, если хотите, можете присутствовать при операции. И еще у меня к вам просьба, напишите на имя Главного объяснительную записку.

— Какую записку? — удивился Абиа.

— Что вы, ваша семья не сообщили нам тотчас, скрыли первый факт выкапывания. Объясните, что виноваты вы, а то я из-за этого должен пострадать. А может, лучше послать телеграмму? — осенило его. — Да, конечно, лучше! Сегодня же, выходя отсюда, телеграфируйте, что дело затянулось по вашей вине.

«Кто сказал ему? — обожгло огнем Абиа. — Свидетелями первого случая были только Дуро и Новэ... Неужели Новэ?»

— Непременно, батано Григоло. — Абиа встал. — Но... если сегодня ночью должны схватить преступни-

ка, не лучше ли подождать до завтра... и тогда я пошлю уже телеграмму с благодарностью? А то сегодня одна телеграмма, завтра — другая... А в телеграмме, поблагодарив Главного, я не премину сообщить также, что «навести порядок» своевременно помешали вам я, моя семья...

Зазвонил телефон. Абиа догадался — звонит Ивсихи Несторович. Григолов снял трубку, слушая, взглянул на Абиа и произнес: да, передам, и положил трубку.

— Вас вызывает Ивсихи Несторович.

Абиа поспешно попрощался с Григоловым.

Интересно, почему вызывает его Ивсихи Несторович? Подчиненным дали понять, что навещать его не стоит, даже Абиа давно не встречался с ним. Ивсихи Несторович не пришел и на похороны Варлама, правда, телеграмму он прислал, но когда Абиа хотел зайти к нему, чтоб поблагодарить за телеграмму, заместители намекнули, что это нежелательно.

Ивсихи Несторович был стар и болен. Врачи считали, что работать ему уже не следует, но высказать эту мысль вслух не решались, только держали его под постоянным наблюдением. Когда раз в неделю его привозили в Правление, при нем неотлучно находились два человека, которым было поручено строго следить за тем, чтоб Ивсихи Несторович не волновался при различных встречах, беседах. Управляли краем в сущности его помощники.

В кабинет Ивсихи Несторовича Абиа вошел, не спрашивая разрешения, — он имел на то полное право. Правда, в последние три-четыре месяца обстоятельства несколько изменились. Никто, кроме его помощников, не видел Ивсихи. Абиа терзали сомнения. Первым заместителем управляющего краем был он, но входить к нему запросто, как прежде, не мог. Может, он изменил свое решение и завещал свое место помощнику?.. И вот — неожиданное приглашение!

В кабинете Ивсихи Несторовича не было.

— Где он? — спросил удивленный Абиа у секретаря, который, увидев его, тотчас вскочил на ноги.

— Он там, у себя... — ответил секретарь, кивнув на дверь, за которой находился Ивсихи.

Как и у всех должностных лиц, у Ивсихи Несторо-

вича была специальная комната отдыха. Абиа открыл дверь и застыл на месте от неожиданности. Такого Ивсихи Несторовича он не знал! На диване полулежал изможденный, умирающий старец...

— Пришел? — прохрипел тот и попытался поднять голову. Помощники пришли ему на помощь. — Главный... гене... — произнес он с трудом, замолк и, отдышавшись, произнес наконец слово полностью — ральный... позвонил, — добавил он.

Ему помогли сесть (он лежал, одетый, на диване). Движением руки подозвал он к себе Абиа.

«Как он изменился за два месяца», — подумал совершенно растерянный Абиа. Он боялся подойти ближе, боялся обнаружить в нем новые приметы болезни. Наконец все же подошел и протянул руку.

Ивсихи Несторович вложил в руку Абиа свою бессильную руку и пристально взгляделся Абиа в лицо.

— Звонил Главный... — произнес он таинственно. — Это большое событие!.. — Глаза у него блестели.

— Знаю, Ивсихи Несторович, я ушам своим не поверил... Он звонил по поводу моего отца... Это обязывает меня еще больше...

Но Ивсихи, казалось, не слушал его.

— Главный звонил, — повторил он, словно сообщал об этом впервые. — За все время, что я работаю здесь, не помню, чтоб он звонил... Стало быть, мы работаем хорошо...

— Не забывают, он повесил трубку... — вмешался в разговор первый помощник, он чуть ли не кричал в ухо Ивсихи Несторовича, который всегда плохо слышал, а теперь и подавно.

Абиа покоробил тон, каким произнес эти слова помощник, точно он — старший, а не Ивсихи.

— Да, Главный ге-не-ральный сам позвонил в Арави, — повернулся к первому помощнику Ивсихи Несторович. — Вы же сами слышали! — удивился он, почему ему не верят.

— Позвонил, но не потому, что мы хорошо работаем, напротив, сказал, что работаем плохо, и повесил трубку, — вновь прокричал в ухо Ивсихи первый помощник.

Ивсихи, задумавшись, вытащил блестящую короб-

ку, открыл, положил в рот кусочек набата и обратился к Абиа:

— Набат прописал мне врач, представляешь, это мое лекарство. Говорится: снадобье от смерти за изгородью росло... если этот набат мог помочь мне, почему до сих пор мне его не давали? Главный ведь в самом деле звонил, а?

— Да, звонил, — подтвердил Абиа.

— А чего он хочет, не понимаю?.. — уставился Ивсихи на первого помощника.

— Прошу прощения, Ивсихи Несторович, — сказал второй помощник, — вам нельзя столько разговаривать... Я должен отвезти вас домой, ждут врачи.

— Да, везите, везите, я не могу столько говорить... — неожиданно согласился Ивсихи.

— А зачем вы вызвали Абиа Варламовича? — напомнил помощник.

— Да, зачем? — задумался Ивсихи. — Ты сам скажи... — повернулся Ивсихи к своему помощнику.

— Горные районы не выполняют плана по заготовке яиц, надо помочь!.. Правда, это не совсем ваше дело, но вы знаете, что заместитель по сельскому хозяйству находится сейчас за границей. А мы не сегодня-завтра должны послать в Гогу миллион яиц. Кто поможет, если не вы!

— Да, конечно, — проговорил Абиа и взглянул на помощника. — Но я не могу уехать из Арави, вы знаете, почему...

— Это его приказ, — небрежно кивнул он на Ивсихи Несторовича. — Дело поручено вам, — холодно добавил он и вышел.

— Батоно Ивсихи, — Абиа придвинул к нему стул. — Я всегда с радостью выполнял все ваши поручения и буду выполнять их впредь, только не поручайте мне ничего на этот раз — я день и ночь на кладбище, ни минуты свободной, никак не похороню покойника, извелся вконец!

— Покойник? Кто умер? — спросил Ивсихи. Абиа удивился: «Он ничего не знал?..»

— Отец мой, Варлам Аравидзе...

— Да-а, вспомнил, Варлам Аравидзе скончался... Забыл... Мы были друзьями, даже работали вместе. Крепкий был человек...

— И вот его никак не оставят в покое, кто-то все время выкапывает его!..

— Выкапывают, говоришь?.. — задумался Ивсихи Несторович. — А что делает Григолов! Дайте мне трубку!

— Григолов знает, — сказал второй помощник. — И не только Григолов. Даже в Гоге это известно, потому и звонил Главный...

— А почему я не знал, почему мне не сказали? — повысил голос Ивсихи Несторович.

— Мы сообщали, но вы запамятовали! — напомнил второй помощник.

— Запамятовал? Мог и напомнить! — на сей раз вспылил Ивсихи Несторович. — Главный и в самом деле звонил из-за этого? — спросил он Абиа.

— Да.

— Дай трубку! — выхватил Ивсихи трубку у второго помощника. Набрав нужный номер, закричал: — И тебе не стыдно, Григоло! — и бросил трубку.

— Батоно Ивсихи! — возмутился второй помощник. — Это уж слишком!.. Врачи вам запрещают волноваться!

Он взял его за руку, помог подняться и повел к двери.

— Извините, Абиа Варламович, но мы поступаем так, как нам велено.

Они вышли в одну дверь, Абиа — в другую. «Здесь, оказывается, есть еще одна потайная дверь», — подумал он, когда Ивсихи Несторович с помощником вышли.

* * *

В АВЗ он шел обуреваемый черными мыслями, а возвращался обнадеженный. Он так обрадовался, встретив Дуро в своей приемной, что чуть было не обнял и не расцеловал его. Преступник обнаружен, генеральный задержатель знает, что его зовут — Джэге Халдани по прозвищу Диргиа. Они найдут его даже под землей! Уж это АВЗу по плечу, ничем другим он и не занимается! И главное, во многом — заслуга его шофера, давнего, преданного друга семьи Аравидзе — Дуро.

Абиа попросил секретаршу никого не впускать, кто бы ни пришел. Долго из кабинета не доносилось ни

звуча, потом они вышли вместе — начальник и его шофер, — и куда-то направились.

Куда они могли пойти, как не на кладбище? Абиа в эти дни ни о чем другом и думать не мог — ни дома, ни вне его. Дело надо было кончать, чего бы ему это ни стоило, надо пресечь раз и навсегда злокозненные действия злоумышленника. Кто такой этот Халдани? Неужели отродье тех, кого ликвидировал Варлам? В Арави и вообще в Аравском крае, казалось, не осталось ни единой души из рода тех, чьей судьбой распорядился Варлам.

Дуро и Абиа отыскиали Новэ, — может, ему что-то известно? Новэ заведывал кадрами, знал назубок всех жителей края, кто они, откуда, чем занимаются — и в деревне, и в городе.

Кому, как не Новэ, должно быть известно, чем занимается этот Халдани?

— Слышал, — сказал им Новэ, — что предки Халдани, два брата, прибыли из древнейшей страны Халдеи, поселились в Арави, обзавелись семьями. Из их потомков, насколько мне известно, в живых сегодня никого не осталось. Был один, кто отрекся от отца, отказался от фамилии, заявив, что не хочет быть сыном изменника, взял фамилию матери и таким образом спасся от смерти. Но и он не жил в Арави. И если мне не изменяет память, его звали не Джэге, а Джвэбе.

О каком-то человеке, по прозвищу Диргиа, живущем в лесу, Новэ слышал. И все. Больше никто ничего не знал.

— А может Джэге Халдани тот самый Джвэбе, отрекшийся от своей фамилии... — задумался Новэ. — Отрекся, когда ему грозила смерть, а сегодня вернул...

ЕЩЕ ОДНА ПРОКЛЯТАЯ НОЧЬ НА АРАВИДЗЕТСКОМ КЛАДБИЩЕ

Почему-то именно в ту самую мерзопакостную ночь, как говорили в народе, разверзлись хляби небесные. Всю ночь грохотал гром, сверкали молнии и лил дождь как из ведра.

Дуро остановил машину перед кладбищем. Задер-

жатели в черных дождевиках расползлись по всему кладбищу и затаились в разных его уголках.

Машина Риктафелова стояла не возле кладбища, а в безлюдном проулке. Встречный мог подумать, что она застряла в грязи.

Риктафелов поддерживал связь с Григоловым по дальнотелу, а с рассеянными по всему кладбищу рядовыми сотрудниками — по радио.

В полночь еще одна машина замаячила в проулках Аравидзети, выискивая место для удобной стоянки. Это была машина Абиа Аравидзе, в ней сидели Абиа и Цисмарэ. Абиа сам был за рулем — никому, кроме Дуро, он машину не доверял, и если Дуро по какой-либо причине не мог, Абиа сам садился за руль.

У каждого, вышедшего в ту ночь на кладбище, была своя задача. И только Абиа и его жене Цисмарэ ничего не надо было делать. Хотя Риктафелов им тоже дал своего рода задание — не препятствовать ходу операции, не выдавать себя до тех пор, пока задержатели не сообщат о результатах своей работы. Но Абиа с женой никак не могли успокоиться. То они высовывались из окна автомобиля, как бы обозревая окрестности, то, как им казалось, с превеликой осторожностью приближались на машине совсем близко к кладбищу в надежде увидеть сына. Риктафелов вынужден был предупредить Абиа через радиосвязь: «Остановитесь!»

Абиа погасил фары, опустил зеркальце и вгляделся в темную ночь. Цисмарэ чуть-чуть приспустила стекло. Ничего, кроме шума дождя, не было слышно. Она закрыла окно, откинулась на сиденье и закрыла глаза.

— Воспаление легких схватит, — слышался в темноте не то шепот, не то стон, трудно, невыносимо трудно было удержаться от стога в этой кромешной темноте и устрашающей тишине. Трудно удержаться, когда душа переполнена болью и тревогой. Цисмарэ готова была ринуться из машины в дождь и слякоть, в этот жуткий мрак, и закричать во весь голос: «Не хочу, чтоб арестовали злоумышленника, верните сына!..» Абиа был не менее удручен — грудь ему жгло новое письмо, которое лежало в нагрудном кармане и о котором Цисмарэ не знала. В нем было сказано: «Уберите мальчонка с кладбища, иначе убью. Мститель». Абиа получил письмо сегодня. Обойдя с Дуро и Новэ

кладбище и обсудив, кто где должен находиться в три часа ночи, Абиа поехал домой, где ждала его Цисмарэ. Письмо торчало в воротах аравидзевского дома. Абиа быстро схватил его, догадавшись, от кого оно, и спрятал в карман. Цисмарэ в ожидании сына стояла на балконе и не спускала испуганных глаз с ворот. Так что Абиа не сразу прочитал новое послание. Улучив минуту, он пробежал его глазами и поспешил к Григолову. Там письмо отдали на экспертизу, сделали фотокопии, одну из копий передали Абиа, оригинал же оставили в деле.

День был трудный. А сейчас, когда Абиа сидит в машине, он чувствует, как с каждой минутой разгорается уголек в его кармане, жжет грудь и огонь постепенно охватывает все тело. «Убьют сына...» — со страхом думал он.

— Я слышала, какой-то мужчина, пьяный, остался в поле ночью, и у него отнялись ноги... — зашептала Цисмарэ.

— Как бы не случилось худшего! — чуть было не вырвалось у Абиа, и он поспешил успокоить жену: — Весенний дождь не страшен, не бойся.

— Ну-ка включи, послушаем, что происходит, — попросила Цисмарэ.

Абиа осторожно повернул ключ и тотчас включились радио и дальнотел. На экране не Риктафелов, а другой главный задержатель отчитывался перед Григоловым.

— Наипервейший! — рапортовал он. — Четыре прожектора Н-ского военного гарнизона этой ночью в нашем распоряжении, они освещают дорогу, на которой может появиться злоумышленник. Освещена и прилегающая к кладбищу территория. Скоро пять часов, нигде — ни души, с Вашего разрешения, я сообщу Риктафелову, чтоб он снял соединение задержателей и оставил возле могилы дежурного.

— Исполняйте! — сказал Григолов, и экран выключился.

— Прожекторы! — озверел Абиа. — Ты слышишь, они включили прожекторы!

Цисмарэ выглянула в окно.

— Отсюда ничего не видать!

— Нет, ты только подумай! Прожекторы! А он,

оказывается, осторожен, как зверь. Заметив свет, он вообще не появится!

— Хоть бы не появился и оставил нас в покое...

— Уже рассвело...

— И дождь перестал. — Цисмарэ опустила стекло — и в машину проникла прохлада и чистый предрасветный воздух.

Абиа тронул машину. В проулках стояли лужи, дороги в деревне были плохие, и нерадивому водителю мудрено было не угодить в яму. Абиа не знал, то ли домой ехать, то ли еще раз объехать окрестности кладбища в поисках сына. Надо найти его и втолковать, что он только мешает делу. «Эх, Тангулиа, Тангулиа...» — вздохнул он и посмотрел на жену. Она, утомившись, дремала. Абиа обрадовался. Наконец, а то бедняжка за эти дни совсем извелась, не знала покоя ни днем ни ночью!.. «Устала, — подумал он, — в конце концов она ведь не железная». Вопрос разрешился сам собой — надо везти жену домой. Очень скоро они подъехали к своему дворцу. Абиа вышел, чтоб открыть ворота, и тут Цисмарэ проснулась.

— Тангулиа! Тангулиа! — простонала она. — Надо было бы спросить хотя бы, куда он пошел...

— Отдохнем немножко и снова поедem, — сказал Абиа и въехал во двор. Закрыв ворота, они поднялись в дом.

Гремя ключами, открыли дверь, минуя прихожую, прошли в зал, и тут Цисмарэ услышала шум в ванной и бросилась к двери. Она оказалась запертой изнутри.

— Кто там? — спросила Цисмарэ встревоженная и движением руки подозвала мужа. «Уже нет никаких сил переносить все это», — удрученно подумал Абиа, и в эту минуту послышался голос Тангулиа.

— Это я... Сейчас выйду!

Муж с женой переглянулись, изумленные, ушам своим не поверили.

— Боже! — вскричала радостно Цисмарэ. — Это ты, Тангулиа?!

— Да, я, мама!.. Выкупаюсь и выйду!

— Купайся, сынок, родной! Мой мальчик, мой Тангулиа! Мальчик мой дорогой! Ты здесь, ты пришел!.. Купайся, сколько захочешь, хоть весь день не вылезай из ванны! Как ты, сынок? Ничего не болит, ничего не бес-

покоит?—прильнув к двери ванной, засыпала она сына вопросами.

— Будет, Цисмарэ, будет, оставь его в покое, выйдет, потом поговорим... — Абиа осторожно взял ее за руку, отвел от двери. Силы покинули ее, и она зарыдала. Чтоб не услышал Тангулиа, она бросилась в спальню и уткнулась головой в подушку.

Абиа переодевался в домашнюю одежду. Услышав плач жены, он подумал: «Ничего, ничего, пусть выплачется, успокоится». Мысли его были заняты сыном. Следует убедить его, что все силы брошены на то, чтоб схватить преступника, что с тех пор, как он ушел из дома, случилось многое: позвонил сам Главный, он всех поднял на ноги... И еще надо дать сыну прочитать письмо, может, оно образумит его.

Абиа заметил, что Цисмарэ вдруг вскочила и, вытирая глаза, прошла в гостиную, тщательно осмотрела ее, затем вышла на балкон, вернулась, продолжая искать что-то.

— Что ты ищешь? — последовал за ней Абиа.

— Ружье, — шепнула она. — Нет ружья... Одежда мокрая вот... валяется на балконе... А где ружье? — испуганно уставилась она на мужа.

— Где-то спрятал, наверное, — успокоил он жену. — Не бойся, раз он дома, и ружье найдется.

— Нет, Абиа, дорогой, нет здесь ружья. Может оно в ванной?

Цисмарэ перевернула все ящики, потом легла на пол и стала шарить под диваном.

— Вставай, хватит!.. — насильно поднял жену Абиа. — Выйдет и сам скажет, куда дел ружье.

Тангулиа вышел из ванны улыбаясь. Родители недоуменно переглянулись, из дому он бежал с криком, с ружьем в руках, а теперь вот стоит перед ними и улыбается. Что бы это могло означать? Цисмарэ даже испугалась — что с мальчиком?

— Смеется! — воскликнула она. — У нас тут чуть было сердце не разорвалось, а он смеется!.. Куда ты, подожди!

Тангулиа бросился в свою комнату и заперся изнутри.

— Что с ним? — Цисмарэ перевела на мужа испуганные глаза.

— Открой дверь! У нас к тебе дело! — крикиул
Абиа сурово и постучал в дверь.

Тангулиа не ответил. Абиа, потеряв терпение, стал
ладонью бить по двери.

— Открой, кому говорят!

— Хорошо, отстань, мальчик отдохнет и откроет, —
вступилась за сына Цисмарэ.

— Открой! Взломаю! — взревел Абиа и пнул ногой
дверь.

— Ты что, с ума сошел! — схватила мужа за руку
Цисмарэ.

Тангулиа испугался, как бы отец в самом деле не
взломал дверь, и повернул ключ.

Цисмарэ первой ворвалась в комнату сына.

— Куда дел ружье?

— Что с вами? Оставьте меня в покое. Я спать хо-
чу! — огрызнулся Тангулиа. На отца он не посмел под-
нять глаза. — Ночью я должен быть на кладбище... —
стал он оправдываться. — Дайте мне хотя бы днем по-
спать.

— Сын! — сказал Абиа. — Выслушай нас и потом
спи, сколько хочется... Садись! — Абиа схватил его за
руку и насильно усадил на диван. — Цисмарэ, оставь
нас, дай мужчинам поговорить, — попросил он жену.

— Тоже мне мужчины, — съязвила Цисмарэ. — Не-
медленно принеси ружье, слышишь! — бросила она, вы-
ходя из комнаты. Может, он все-таки послушается отца?..

— На, читай... — произнес Абиа вполголоса, чтоб
не услышала Цисмарэ, бросил взгляд на дверь и пере-
дал сыну вчетверо сложенную копию письма.

Тангулиа развернул лист и пробежал его глазами.

— Ну и что?! — он вскочил, словно ждал худше-
го и обрадовался, что все так легко обошлось.

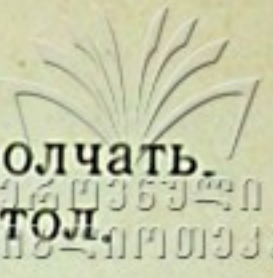
— Тише! — остановил его отец. — Садись... Только
бы мама не узнала.

Тангулиа молча повиновался, сел на диван.

— Звонил Главный, весь Арави подняли, этой но-
чью его поймают... Тебе не надо ходить на кладбище,
ты только помешаешь.

Тангулиа сидел, уставившись в пол, и покорно слу-
шал отца. Изредка проводил рукой по голове, при-
глаживая ладонью влажные волосы.

— Из дома ни шагу, слышишь?

Тангулиа, не поднимая головы, продолжал молчать.

Цисмарэ занесла еду. Молча накрыла на стол.

— Да не молчи ты! — не выдержал Абиа.

— А что я могу сказать?! — в словах сына Абиа почувствовал вызов, да и взгляд дерзкий, вызывающий. Тем временем Цисмарэ принесла горячий чай.

— Тангулиа, сынок, где ружье? — спросила она, подойдя к сыну. Он молчал. — Куда ты дел ружье? Ты ведь знаешь, что я боюсь... Оставь ружье и иди, куда хочешь...

— Где ружье, отвечай, когда спрашивают! — вспылал Абиа.

— Нет у меня ружья! — угрюмо произнес Тангулиа. — Нет, и все!

— Куда дел?

— Оставил там, на кладбище... Забыл...

— На кладбище? — удивился Абиа. — Дедовское ружье?! Изготовленное в Гоге специально для твоего деда! И ты оставил его на кладбище?!

— Да... Ведь ночью я пойду туда...

— Как же, оно будет ждать тебя! — захохотал Абиа. — Ты ребенок и не понимаешь, что делаешь! Сказал я тебе: хотя бы не мешай другим, не путайся под ногами! Все задержатели подняты, в дело вмешался сам Главный — и не могут поймать преступника, а что можешь ты в одиночку?!

— Убью! — процедил сквозь зубы парень.

— Убьешь?.. — изумился отец.

— Ты, мой сын, сможешь убить? — с этими словами ворвалась в комнату Цисмарэ.

— А если тебя убьют? — вскричал Абиа.

— И пусть. Мир не перевернется! — бесстрашно заявил Тангулиа.

— Перевернется! Для матери твоей, для твоей семьи перевернется, ты не понимаешь?! — закричала Цисмарэ.

— А как ты убьешь его все-таки? — Абиа притворился, будто его заинтересовали слова сына. — Садись, садись и расскажи...

— Крикну: если ты мужчина, стой! И выстрелю, — гордо, патетически, точно он стоял на сцене, заявил Тангулиа.

— Ага! Стало быть, ты окликнешь его, и только после этого выстрелишь?!

— Разумеется! — ответил Тангулиа.

— Зачем? Разве не легче стрелять из укрытия? Если попадешь, хорошо, а нет, так хотя бы спугнешь.

— Из засады я стрелять не буду! — заявил он и, наклонившись над тарелкой, стал жадно есть. Ел стоя, потом сел.

«Совсем не боится меня...» — подумал Абиа.

Тангулиа был доволен. Он принял решение и опасность его уже не страшила, даже смерти он не боялся.

— Оставь его в покое, Абиа, дай поесть ребенку. Отдохнет... До вечера есть еще время, потом поговорите. Тангулиа наш сын, и он поймет нас...

Абиа покорно встал. Сын и в самом деле, видать, голоден, набросился на еду, как голодная собака на кость.

ОПЕРАЦИЯ «СВАДЬБА»

Кто мог подумать, что заладит проливной дождь именно тогда, когда все так жаждали лунной ночи. Были и сомнения — а вдруг злоумышленник, почувствовав предательство, не заявится?

Григолов был вне себя от ярости, то и дело вызывал к себе Дуро и допытывался, почему не пришел мститель. Дуро сетовал на дождь, но также намекал на то, что это даже к лучшему, а почему, они узнают через неделю, пока же он ничего сказать не может.

На самом же деле Дуро, обманув бдительность задержателей вечером, накануне операции, кинулся в лавку Оисимэ и велел передать Халдани, что этой ночью его собираются арестовать, и потому ему не следует появляться на кладбище. Вот почему и не явился в ту ночь на кладбище тот, кого так ждали.

Дуро слышал, что в лавке Оисимэ находили приют Халдани и его единомышленники. Все темные дела обсуждались там. Правда, он не был уверен, что Халдани передадут его слова, но, как говорится, попытка — не пытка, а спрос — не беда, следуя этой пословице, он и пришел к Оисимэ. Халдани не появился на клад-

бище. Это было явным доказательством того, что Ойеимэ и его логово связаны с мстителем. Но важнее всего то, что он, Дуро, таким образом завоевал доверие мстителя, и теперь схватить его не составит труда.

Халдани не появлялся и в последующие ночи, хотя распогодилось, и ночь за ночью были лунные и ясные.

Забеспокоился Григолов, велел Абиа написать на имя Главного письмо с извинениями, мол, я, сын Варлама Аравидзе, Абиа (по документам Авель) Аравидзе виноват в том, что до сих пор не схвачен злоумышленник, выкапывающий из могилы моего отца. Одновременно с этим в Гогу был послан человек для дачи взятки помощникам Главного, дабы они смогли довести до его сведения, что Григоло Григолов не щадит сил и энергии, чтобы схватить злоумышленника.

Нарочный полетел в Гогу с огромными деньгами, чтоб уладить дело. Возвратился на следующий день тем же самолетом, но обрадовать патрона не смог.

Помощники деньги взяли, но настоятельно требуют поймать злодея, замять это дело не удастся, не надо забывать, что завтра такое, мол, может повториться с ними.

Взятку Григолов давал лишь с целью растянуть время, он прекрасно сознавал, что это дело ему не замять никакой взяткой. Да и кто бы посмел подкупить Главного?! Взятка предназначалась помощникам — чтоб не изощрялись и не докладывали ему больше того, что происходило в Арави на самом деле.

Григолов вызвал Риктафелова.

— Есть мнение, — сказал он важно, — чтоб поимкой злоумышленника руководил я самолично. Обеспечьте!

— Есть! — вытянулся по-военному Риктафелов и вышел. Больше на эту тему ничего сказано не было. Риктафелов поднял на ноги весь Арави, это ведь не шуточное дело, сам Григоло Григолов в три часа ночи будет на кладбище! Именно он будет руководить операцией «Свадьба», такое кодовое название получила операция по поимке злоумышленника, взбудоражившего своими действиями весь край. В АВЗе такие названия давали тщательно законспирированным действиям. Рядовой житель, услышав невзначай об операции, не должен был ни в коем случае догадаться, о чем идет

речь. И в самом деле, трудно представить, чтоб «свадьбой» называлось такое жуткое дело, как выкапывание мертвеца. В АВЗе имелась специальная служба, дающая названия различным операциям.

Когда Григолов решил самолично возглавить операцию, тогда и дали ей такое название — операция «Свадьба». Григолов оценил работу специальной службы и наградил месячным окладом сотрудника, который придумал это название.

Дело началось неплохо. Так считал Григолов и, разумеется, Риктафелов тоже. Стало быть, и в дальнейшем им должна сопутствовать удача. Операцию «Свадьба» следовало провести на самом высоком уровне. Риктафелов записал для себя план действий: 1 — генеральная защита, 2 — посвящение зятя. Так писали в АВЗе и так разговаривали. Когда беседовали двое задержателей, третий не должен был понимать, о чем идет речь. И записи были соответствующие. Будь вам дано право ознакомиться с секретными бумагами, вы бы все равно ничего не поняли, поскольку любой документ составлялся по этому методу. Никто, кроме самого составителя, не мог расшифровать его. Этому обучали задержателей на протяжении ряда лет. Будь жив отец Риктафелова, он сказал бы: если кто-либо найдет случайно потерянную тобой записную книжку, он не должен догадаться, кому она принадлежала. Не должен угадать, разумеется, и профессию владельца книжки...

Риктафелову пошли на пользу наставления отца, он как никто владел наукой шифровки. Итак, он записал: «генеральная защита». Что это означало? Ни больше ни меньше как защиту самого Григоло Григорова. «Посвящение зятя» — захват злоумышленника. Вряд ли кто-либо из простых смертных догадался бы, что «посвящение зятя» означает поимку Джэге Халдани. Расшифровать свои записи мог только сам Риктафелов.

Обеспечить защиту Григорова было нетрудно, ни один из живущих на земле не посмел бы напасть на него. Слухи же о нападениях распространяли сами задержатели, «братья» Риктафелова; они подкупали человека, который, якобы, собирался напасть на Григорова, разыгрывали фарс и составляли «дело». За все это их ждало продвижение по служебной лестнице. Кто из них упустит такую возможность!

Однако с Риктафеловым задержатели осторожнича-ли, он не принадлежал к породе тех, кого легко объего-рить, поэтому слухи о «нападении» чаще всего бывали связаны с поездками Ивсихи Несторовича, которому всюду мерещился подосланный убийца. На отдых он ездил в специальном вагоне, где накануне задержатели непременно обнаруживали бомбу. Ивсихи Несторович щедро одаривал своих «спасителей».

Риктафелов отобрал в телохранители Григолова самых отчаянных и здоровых ребят, и все-таки, как говорится, береженого Бог бережет, надо быть начеку. В операции не менее важен второй пункт — «посвящение зятя». Поскольку Григолов изъявил желание присутствовать на операции — злоумышленник должен объявиться, иначе Риктафелову придется писать заявление об освобождении с работы по собственному желанию.

И Риктафелов приступил к действию. Он, не мешкая, велел доставить к нему Дуро. Самолично допросил его. Дуро и думать не мог, что Риктафелов посмеет пойти на такой шаг, но, известное дело, яблоко от яблони недалеко падает, Риктафелов оказался таким же дошлым, как отец, заставил Дуро все выложить и только потом отпустил. Вконец перепуганный Дуро в сопровождении Риктафелова пришел к Оисимэ и шепнул тому, что этой ночью Халдани может прийти на кладбище.

* * *

С утра к Абиа заявился Новэ:

— Как, приезжает Григолов, а я ничего не ведаю?! Надо же подготовиться! Всех приглашаю к себе. Не ночевать же в самом деле Григолову и вам на кладбище! Оставим там несколько человек, остальные — ко мне! Надо оказать Григолову достойный прием, не так ли?

Новэ собирался уходить, когда появился Зенон.

— В самом деле приезжает Григолов?.. Умоляю, батоно Абиа, окажите честь, не уезжайте, не пригласив Григолова ко мне, вы ведь знаете, дом мой у самой дороги!

— Твой у дороги, а мой у самого кладбища! — обиделся Новэ.

— Стало быть... я не потому, я не... — растерялся

Зенон. — Пусть сначала посидят у тебя, потом я приглашу к себе. Что тут обидного? Я хочу, скорее, уважить батони Абиа, нежели Григолова, — не преминул подлизаться Зенон.

— Да, да, конечно... — спохватился Новэ.

Абиа не мог не похвалить Новэ и Зенона за желанье пригласить Григолова. Он догадывался, почему они так рьяно приглашают его. Он ведь оказал Абиа большую услугу, послал в Гогу человека с деньгами на подкуп помощников Главного. Кто-то должен возместить их Григолову?! У Абиа он денег не возьмет, а Зенону и Новэ не откажет, если, конечно же, они умело передадут ему «положенную» сумму. Пригласив его в дом, они сумеют втихаря повернуть это дело, а то, случилось, Григолов грозил тюрьмой тому, кто делал это неумело и некстати. В стране Магога должностные лица карались за взяточничество законом, вплоть до смертной казни. Несмотря на столь суровый закон, на жестокое преследование взяточников, каждый второй здесь не отказывался от денег, без взятки не обходилось ни одно дело. И Григоло Григолов не остался в стороне. Но поскольку он был человеком новым, — осторожничал, доверял не каждому. Новэ и Зенона задержатели успели «изучить», оба были надежными мзодателями.

Абиа возложил заботу по приглашению Григолова на Дуро. По сценарию начинал разговор Дуро, затем должен был вступить Абиа и сам сопровождать высокого гостя в дом Новэ. Дуро оставался на кладбище, возле «эмки», к которой должен был подойти злоумышленник, он был своего рода приманкой, и с трех часов ночи до шести утра ему следовало находиться при машине.

С заходом солнца должны были приступить к операции. Задержатели поодиночке появлялись в Аравидзети, незаметно проникали в деревню, растекались по кладбищу, по всей округе. Ни один дом, ни одна пристройка не должны были остаться вне поля их зрения. Все дороги, проулки, тропинки, ведущие к деревне, должны обозреваться ими.

Поскольку генеральный задержатель принимал участие в «действиях», Риктафелов выделил специальный взвод телохранителей. Машину Григолова можно было бы и не охранять, она была пуленепробиваема. Не толь-

ко Григолов, все белокостюмники ездили на таких машинах. Несмотря на это, для машины Григорова подобрали безопасное место, подальше от кладбища, чтоб, если паче чаяния на кладбище поднимется стрельба, Григолов не слышал бы ее.

Машина Григорова въехала в Аравидзети тихо, бесшумно, для этого она была соответственно оснащена. Абиа на своей машине встретил его и со всем кортежем проследовал до самого кладбища. Григолов прибыл раньше времени, не дожидаясь глубокой ночи.

Более двадцати лет не принимал он непосредственного участия в таких операциях, с той самой поры, как стал должностным лицом. Кто бы позволил ему участвовать в задержании преступников? Для этой цели в его распоряжении было множество подчиненных. И сегодня он выходил на операцию, полагаясь на Риктафелова, который все предусмотрел, дабы дело завершилось успешно. Григолову надлежало сидеть в своей машине, куда будут поступать все сведения о том, как проходит операция.

Черную машину Григорова специально оснастили дополнительными устройствами. В ней, помимо водителя, находился специалист, который обеспечивал работу радио, дальнозора, специальной сигнализации, прямой связи с АВЗом, военными частями.

Стояла теплая ночь, легкий ветерок играл ветвями акации, ольхи и тутовых деревьев, и тихий шорох растлался по всей округе.

Григолов сидел в своей машине, прислонившись к спинке заднего сидения, и не отрываясь следил за аппаратами.

Вдруг на пульте вспыхнул красный огонек, инженер включил дальнозор, послышался голос Риктафелова:

— Кто это?

На экране появилась машина.

— Наш сотрудник, — донесся ответ.

— Куда едет, что ему нужно?

— Остановить?

— Разве об этом надо спрашивать? — прорычал Риктафелов. — Стрела, ты для чего там стоишь?

Машину тотчас остановили, задержали водителя,

обшарили карманы и, приказав заложить руки за спину, отвели к Риктафелову.

Новэ, а это был именно он, только этого и ждал. Он попросил Риктафелова выйти из машины и посмотреть в сторону села.

— Уважаемый Геноевич, видите во-он там ярко освещенный дом? Он ждет вас, передайте мое приглашение начальству, Абиа, правда, обещал поговорить с вами, но я ждал, а вас все нет и нет, вот и не выдержала душа... Знаете, какой вас ждет стол!.. Целую неделю готовился. Уважьте меня, посетите мой дом! — Он повернулся к копошившимся вокруг Риктафелова оперативникам и громко добавил: — Всех приглашаю, всех, во дворе накрыт стол на двести человек!..

— Уберите его отсюда! — закричал Риктафелов, — отведите к Абиа, пусть держит его при себе, иначе арестую!

Риктафелов вернулся в свою машину и доложил Григолову о случившемся.

— Ха-ха-ха! — неожиданно расхохотался Григолов, чем немало смутил Риктафелова, он не мог понять, что рассмешило генерального задержателя. — Надо же, ярко освещенный дом! Стол на двести человек! Пир во время чумы! Молодец, надо же сообразить?! Мы дрожим от страха, не знаем, что нас ожидает, сколько бандитов нападет на нас, а рядом, оказывается, накрыт стол на двести человек! Пошли, посмотрим! — Григолов вышел из машины.

Было так тихо, что раскатистый хохот Григолова разнесся по всему кладбищу.

Абиа и Новэ, сидя в машине, услышали хохот Григолова. В темноте они различили темный силуэт Григолова на краю склона и поспешили к нему. При виде Абиа страж закона и порядка умерил свой пыл, понимая, что неудобно думать о пиршественном столе, когда у одного из его сподвижников выкапывают из могилы отца.

Но сам Абиа пришел ему на помощь, произнося слова, которые бальзамом пролились ему на душу.

— Наипервейший, — обратился он к Григолову на языке магогов, слово это в устах заместителя начальника Правления краем приобретало особое звучание. — Ваш приезд — большая честь для Аравидзети. Думае-

те, только в доме Новэ ждут вас? Вон еще один освещенный дом! И там ждут вас, там тоже живет наш сотрудник! Зенон Агаоглышвили! Народ жаждет оказать вам почет и внимание.

— После операции! Сейчас не время, — сказал Григолов, устыдясь того, что Абиа, наверное, догадался о его страстном желании сесть за стол. — После операции непременно поедем. Я люблю бывать среди народа!

— До операции целых пять часов, — сказал Абиа. — Я не могу позволить себе, чтоб ради меня вы столько времени провели в открытом поле. Поедем сначала к Новэ, потом к Зенону. Оставим здесь дежурных, если преступник объявится, они сообщат нам. А вообще-то, если он придет, с ним справится один Дуро...

— А? — Григолов сделал вид, что прислушался к совету Абиа, и захохотал, как прежде. — Ха-ха-ха! Вот оно, оказывается, в чем дело! Пиршественный стол на двести человек — выдумка Абиа Аравидзе, разве это не удивительно? Только здесь могут придумать такое! Развеять печаль, когда мы испытываем такие трудности! Красное вино или водка, а? — снова, позабыв о степенности, оживился Григолов. — И пусть назавтра меня уволят, я не упущу возможности! — воскликнул он и первым стал спускаться по склону. — За мной! — крикнул он остальным.

Несколько машин тотчас тронулись с места. Риктафелов по рации отдал новый приказ: отрядам старших задержателей Серго и Жоры оставаться на кладбище, где должен находиться также и Дуро. Всем остальным сотрудникам было приказано охранять Григоло Григолова, находиться рядом с ним.

Люди Серго и Жоры сидели в засаде на кладбище в специально вырытых ямах. Новый приказ Риктафелова воодушевил их — если генеральный задержатель со свитой отправились кутить, стало быть, у оставшихся развязаны руки.

Правда, задержателям запрещалось употребление спиртного, но часовые все же приносили с собой водку и, спойв начальство, могли спокойно поспать, завернувшись в плащи.

Вот и сегодня, в то время, когда должностные ли-

ца в доме Новэ подняли роги с вином, ночные дозорные на кладбище стали пить водку прямо из бутылок.

Серго знал, что, боясь начальства, Жора этой ночью пить не будет и утром может донести на него Риктафелову. Несмотря на это, выкарабкался из своего «окопа», перебрался к Жоре, осветил всех фонарем. «Ну как, львы, самочувствие?», — заржал он, выудил из-за пазухи бутылку и потряс ею, чтоб все видели. И, словно дожидаясь этого мгновения, аспидно-черное небо расколосось и из облаков выглянула луна.

— Видите, и луна появилась, — вновь заржал Серго. — Ну как тут не выпить!

— Тсс, тише, услышат! — Жора испуганно огляделся по сторонам. Дозорные обязаны ничем не выдавать себя, а этот расшумелся, лезет со своей бутылкой и ребят подстрекает.

— Да кто услышит, все отправились на кутеж, и нам не помешает опрокинуть по стаканчику, что, обидится Варлам Аравидзе, а? — захихикал он.

Представляете себе белый хлеб, разбухший в красном вине? Вот такого цвета были щеки у Серго. Иногда они синели, «это когда я недопью», — шутил он. Вот и сейчас при свете луны багровые щеки его казались синюшными. Он истово прижимал бутылку то к одной щеке, то к другой и старался зубами вытащить пробку. Наконец это ему удалось. Кто-то подал стакан, Серго налил водки и дрожащей рукой поднес стакан Жоре.

— Фу... — Жору передернуло. — Я не могу пить это! — отвернулся он.

— А для меня это прекрасная отравка! — восторженно воскликнул Серго и залпом осушил стакан. Вытерев губы, выдохнул и собирался было снова налить водки, как кто-то за спиной повторил его слова:

— И для меня это прекрасная отравка!..

Он оглянулся. Тот самый задержатель, что протянул стакан, запрокинув бутылку, пил прямо из горлышка.

— Вы что, с ума посходили! — выскочил Жора из ямы, — если явится преступник, что будете делать?

Серго теперь уже спокойно, не дрожа, налил второй стакан и протянул Жоре.

— Пей, — сказал он другу. — Думаешь, сюда кто-

нибудь придет? Смотри, какая вышла луна! В такую светлую ночь разве что сумасшедший решится откапывать покойника. Пей, пей! Ведь знаешь, я не могу равнодушно смотреть на полный стакан!..

— Нет, нет, не могу...

— А я не прочь, — Серго выпил и этот стакан. — А что с тобой стряслось, что-то не припомню, чтоб ты не пил?

— Нашел алкаша, с каких это пор я пью не закусывая?

Серго пьяным, бессмысленным взором уставился на друга.

— А я выпью... — сказал и снова налил.

— Да что с тобой?.. — схватил его за руку Жора.

— Убери руку! — крикнул Серго. — Говорю, убери руку! — сверкнул он глазами, опрокинул еще один стакан и, довольный, провел ладонью по лицу.

— Прекрасная отравка!.. — услышал Серго голос из своего «окопа». И там вовсю хлестали водку.

— Ух, вашу!.. — разозлился Жора и направился к воротам. Сидя в машине Дуро, он хотя бы не будет свидетелем разнузданности подчиненных.

— Кого я вижу! — Дуро выскочил из машины навстречу Жоре. У Дуро в машине был накрыт прямо-таки царский стол: водка, хлеб, мясо, соленья.

— Для смелости! Для смелости! — оправдывался Дуро, протягивая Жоре стакан.

Тут уж Жора не отказался, охотно присоединился к Дуро.

— Я думал позвать ребят, а ты тут как тут, — радовался Дуро, потирая руки. И выпил вслед за Жорой. — Прохладно. Водка сейчас — в самый раз. — Он налил Жоре второй стакан.

— И там пьют! — проговорил Жора виновато.

— Серго заливает водку в свой бурдюк? Разве это питье?! Настоящий пир, если хочешь знать, вон там, за столом у Новэ!

Дуро, с грустью оглянувшись на освещенный дом Новэ, отправил в рот кусок мяса.

Жора тоже глянул вниз, на деревню, где светились окна двух-трех домов, оторвал угол газеты, вытер губы и сказал:

— Я пойду, а то там того и гляди затянут «Мравал-жамиэр»!

Из глубины кладбища и в самом деле уже отчетливо доносились оживленные голоса. Задержатели объединили свои съестные припасы и устроили настоящий пир.

Тангулиа с лесистого холма за кладбищем наблюдал этот разгул.

Он возлагал большие надежды на свое ружье, ведь оно было изготовлено в Гоге специально для Варлама Аравидзе, его история была связана с биографией Варлама, потому-то так берегли его наследники. Да и ружье было непростое, сам Варлам предпочитал его любому другому оружию, потому-то и подарил своему любимцу. Ружье это было изготовлено известными оружейниками по приказу самого Главного генерального задержателя.

Тогда у задержателей был другой Главный генеральный, более суровый, чем нынешний, более могущественный и жестокий. Из страха перед ним, как говорится, птицы не летали в небе. Вот этот-то проклятый Богом, отринутый Богом и отступивший от Бога человек прибыл, оказывается, в Арави, поселился в специально для него выстроенном замке и пожелал поохотиться на перепелов. В Аравском крае не нашлось человека, охотившегося на эту осторожную и безобидную птицу.

У Главного была такая охрана, такой отряд метких стрелков, что куда охотнику до них! И в один прекрасный день они ринулись в долины и вмиг перебили всякую птицу — и вспорхнувшую невзначай, и летящую в небе, и хоронящуюся в густых зарослях, и гнездящуюся на берегу реки, и сидящую на верхушках деревьев — всех, всех — и преподнесли Главному. Но перепелки среди птиц не оказалось. Диву дались задержатели — вероятно, в этих краях перепел не водится. Тогда кто-то сказал, что живет здесь паренек, который охотится на перепелов. Его тотчас нашли. Этим безумным пареньком оказался Варлам Аравидзе. Так вот, этот неотесанный, невежественный паренек, обладающий редким охотничьим даром, очень быстро справился с перепелами. Главный был восхищен «природ-

ными данными» деревенского паренька и пожелал взглянуть на него.

Юный Варлам Аравидзе понравился Главному. 14135320
1933 Варлам хотел он поохотиться с молодым охотником. И Варлам со своим псом устроил для него и его свиты настоящее представление. Оставив в городе свою охрану, бронированные машины, вертолеты с рациями и дальнотзорами, Главный в сопровождении нескольких человек из охраны и Варлама с собакой пошел охотиться в просяные поля. Варлам приказал собаке не входить глубоко в поле, поднимать перепелов только на краю. Джейран (так звали собаку) столь ловко находил перепелов, что привел в восторг Главного. Когда Варлам приказывал — давай! — следовал выстрел, люди не успевали ахнуть, как на горизонте камнем падала птица. Джейран в мгновение ока оказывался там и, возвратившись, приносил подбитую птицу не хозяину, а Главному!

Оказывается, Варлам специально тренировал своего пса, чтоб тот узнавал гостей из Гоги. Восторг молодым охотником достиг своего апогея, и Главный тогда приказал зачислить Варлама в свою охрану. Так Варлам Аравидзе стал задержателем. Охрана Главного отличалась сложной структурой, Варлама зачислили в «арьергардную охрану». Это означало, что он должен оставаться в отчем крае. Охрана бывала задействована, когда Главный ездил в Арави или проездом через него — на отдых. Все остальное время она находилась в «боевой готовности» и исправно получала зарплату. И что удивительного в том, что многие считали такую работу престижной и хлебной, и потому, едва в Арави рождался младенец, родители уже заботились о том, чтоб сына зачислили в «арьергардную охрану». Как говорится, к такой работе готовили с колыбели, тем более вызывал удивление столь скоропалительный успех Варлама Аравидзе. Но кто мог подумать, что этого неотесанного охотника на перепелов ждало еще большее, неслыханное, невиданное повышение.

Прошло несколько месяцев, и в один прекрасный день Варлама усадили в специальный самолет и привезли в Гогу, где в торжественной обстановке вручили специально для него изготовленное ружье, поздравили

от имени Главного, на том же самолете привезли обратно в Арави.

Вот это историческое ружье и держал сейчас в руках Тангулиа. Уже вряд ли кто помнил в Аравии историю этого ружья. Абиа никогда, даже ради забавы, не стрелял из ставшего семейной реликвией оружия. Тангулиа обучил сам Варлам, он и раскрыл внуку тайну его коварных свойств. Оказывается, ружье было изготовлено по принципу старых охотничьих ружей, но с учетом всех достижений современной техники.

Пуля автоматически подавалась в дуло, вырвавшись из него, с треском разрывалась в воздухе, и теперь уже ее поражающая способность увеличивалась до полуметра в диаметре. Таким образом, трудно было промахнуться, если человек мог хотя бы поднять ружье и спустить курок. У пули было еще одно волшебное свойство: осколок разорвавшейся пули, попав в цель, снова разрывался на мелкие дробинки, кромсая пораженную цель.

Тангулиа возлагал большие надежды на ружье деда. В него помещалось десять пуль, а десятью пулями не то что одного человека, сотню можно порешить, лишь бы туча не закрыла луну и доступная взору стреляющего окрестность не погрузилась бы во мрак.

Из укрытия Тангулиа отчетливо видел, как копошатся тени возле могилы деда. В засаде уже никто не сидел, стояли группками по три-четыре человека, галдели, произносили высокопарные тосты, клялись в любви, только Серго, подкошенный водкой, лежал в яме, уткнувшись лицом в землю.

Какой-то незнакомец, незаметно выйдя из темноты и смешавшись с пьяными задержателями, не отставал от них в произношении тостов. Никто не обращал на него внимания. Тангулиа вообще не отличил его от задержателей. Дуро, который мог узнать пришельца, здесь не было, и Джэге Халдани всюду спаивал тех, кто еще держался на ногах.

Джэге появился в окрестностях кладбища, когда чокались Дуро и Жора. Посмотрев на подвыпивших задержателей, он ринулся в лавку Оисимэ, разбудил его, угрожая, вырвал у него две бутылки водки и вернулся на кладбище.

Когда он появился здесь во второй раз, Дуро дре-

мал в своей «эмке». Остерегаясь встречи с ним, Джэге перелез через ограду, скрываясь то за мраморными памятниками, то за деревьями, незаметно подкрался к пирующим и стал щедро подливать им водки. Однако Жора, который начал пить позже остальных, заметил чужака.

— Кто... кто этот... человек? — спросил, запинаясь, Жора.

— Мой брат! — обнял Джэге один из задержателей и повис у него на шее, собираясь облобызать его.

— Пей! — бесстрастно отстранил его Джэге и вручил Жоре стакан с водкой.

— Ты... Ты кто?.. — Жора с пьяной подозрительностью оглядывал Джэге. Отвечать Джэге не пришлось. Последний стакан сразил бдительного Жору, и он упал тут же, возле могилы Варлама. Халдани огляделся — кругом валялись пьяные задержатели. Он слышал, что ловить его приехал сам генеральный задержатель и сейчас кутит в доме Новэ.

«Именно этой ночью я должен откопать Варлама, именно этой ночью...» — думал Джэге упрямо, не упуская из поля зрения пьяных, — а вдруг кто проснется. Если Бог ему поможет и ничто не помешает, он откопает покойника, правда, машиной Дуро он воспользоваться не сможет, придется все сделать самому. Он встал, обошел спящих. Тихо. Можно начинать. Он достал из дупла нужные инструменты, еще раз огляделся по сторонам и ударил заступом по земле. Справа, чуть ли не на самом краю могилы, лежал Жора. Землю надо будет выбрасывать влево, чтоб не разбудить его, подумал Джэге. Он мог обойти всех и перерезать горло так, что никто даже не пошевелился бы, затем так же преспокойно покончить с Дуро и после этого заняться делом, ради которого пришел на кладбище. Но ничто, даже страх быть пойманным, не могло заставить его пролить кровь. Джэге был убежден, что сколько ни откапывай Варлама, Абиа все равно не выбросит его в Корнисхеви, не отдаст тело отца на растерзание воронам. Может, иначе добиваться цели? Если его арестуют, он сможет на суде рассказать о злодеяниях Варлама Аравидзе, всенародно потребовать для него справедливой кары. И Джэге решил не остерегаться. Если задержатели придут в себя и поймают его, или же явятся дру-

гие, пирующие в этот час в доме Новэ, он сдастся без сопротивления, бросив к их ногам свое боевое оружие — заступ и лопату.

Он ударил заступом по земле, ударил со всей силой... И тут ему померещилось, что он слышит чей-то голос.

Вероятно, это был человеческий голос, — странный, взволнованный голос! Он донесся со стороны лесистого склона за кладбищем. Халдани поднял голову, оглянулся. Это кричал Тангулиа, мальчишеским, срывающимся голосом.

— Если ты мужчина, стой!

Трудно было разобрать слова, лишь — уаай!.. — эти звуки достигли кладбища. И вслед за этим опустилась такая тишина, словно в этих краях никто никогда даже не шептался.

Халдани еще раз ударил заступом... Ударил и... словно заступ нарвался на мину и взорвалась могила, — такой грянул грохот. Халдани почувствовал, будто у него оторвали руку, он упал, не помнит — то ли от боли, то ли от страха, то ли машинально, поддаваясь инстинкту самозащиты. И почувствовал, что из руки хлещет кровь.

Выстрел раздался с чернеющего за кладбищем склона, однако Халдани показалось, что и с противоположной стороны, от входа на кладбище, кто-то стреляет и кричит. Должно быть, Дуро. И в самом деле, на выстрел из ружья Дуро ответил выстрелами из револьвера и закричал: «Помогите! Помогите!» На кладбище было тихо. Тогда Дуро перепрыгнул через ограду, притаился за стволом липы, огляделся, потом, вытянув вперед руку с револьвером, хоронясь то за деревом, то за памятником, стал подходить все ближе и ближе к могиле Варлама Аравидзе.

Халдани еще издали заметил Дуро и крикнул ему навстречу:

— Не стреляй, мать твою!.. Ранен я...

— Стой! Ты арестован! — ответил Дуро на языке задержателей и, следуя правилам, наставил револьвер.

— Я истекаю кровью, сучий сын!.. — вновь простонал скрученный от боли Джэге.

— Ты арестован! — громко кричал из укрытия Дуро, надеясь разбудить задержателей.

— Есть у тебя в машине аптечка? — неожиданно приподнявшись, спросил Халдани, здоровой рукой при- держивая рану.

— Есть! — ответил Дуро. — Но не двигайся, ты арестован!.. Разбужу этих и велю принести. — Не опускай ногу наведенного на Халдани револьвера, он подделкой одного, потом другого задержателя. — Вставайте!.. Преступник задержан! Вставайте, преступник задержан! — кричал он, надрываясь.

Вскочив, одни принялись палить, другие что-то невнятно кричали, Жора ретиво отдавал приказания.

Неожиданно Джэге встал, по-прежнему придерживая рукой рану, и велел Дуро идти к машине, на задержателей он вообще не обращал никакого внимания. Дуро так, чтоб все видели, приставил револьвер к спине Джэге и приказал: «Прямо — к машине!» Джэге еще в состоянии был постоять за себя, но бежать он не собирался и широким шагом пошел по направлению к машине. В эту минуту он мечтал только об одном — поскорее перевязать рану.

Задержатели не знали, о чем думал преступник, не знали и того, что он ранен. Дуро, который, по их мнению, сумел в одиночку справиться с преступником, в их глазах был героем, и они следовали за ним и послушно исполняли его приказания.

— Не подходите близко! — кричал Дуро. — Он ранен... Оружия при нем нет... И все-таки не подходите! — предупреждал он, поскольку некоторые пытались подойти поближе, чтоб посмотреть на человека, осмелившегося откапывать из могилы Варлама Аравидзе.

Халдани первым влез в машину, Дуро, сев рядом, стал помогать ему перевязывать рану.

— Ух, змеиное отродье! — сквозь зубы процедил Джэге.

Дуро притворился, что не услышал этих слов, хотя прекрасно понял, кого имел в виду Джэге. Задержатели уже вслух восторгались смелостью и ловкостью Дуро.

— Стрелял из машины, представляешь?.. — шептались они.

— А как ты думал?! Он попадает пулей в пулю — не иначе...

— Змееныш! — скрипел зубами от боли Халдани.

— Их нельзя щадить, их надо истреблять!.. — Он имел в виду, конечно же, весь род Аравидзе, а задержатели думали, что это их он грозит истребить.

Неожиданно вспыхнули прожекторы. Казалось, сверкнула молния и ее ослепительное сияние застыло, окаменело — так ярко вдруг загорелись горы вокруг, где были установлены прожекторы военного назначения.

Едва вспыхнули прожектора, как к кладбищенским воротам подкатила машина Риктафелова, за ней — машина Григолова. Риктафелов, выскочив из машины, сам открыл дверцу Григолову. Подкатили и другие машины. Сюда устремились все, кто сидел за пиршественным столом у Новэ.

Дуро вытянулся перед Григоловым.

— Наипервейший среди задержателей! Преступник ликвидирован! Операция «Свадьба» завершилась успешно, во время ликвидации преступник был ранен в руку!

Григолов переглянулся с Абиа. Двери машины Дуро были распахнуты, и «ликвидированного» было хорошо видно. Он молча сидел, вытянув вперед забинтованную руку. Свежая повязка уже окрасилась кровью.

Когда среди белокостюмников Халдани увидел Абиа, он заволновался, стал ругаться, наконец, высунув голову из машины, закричал во весь голос:

— Все равно вырою! Все равно!..

В машину первым сел Дуро, за ним — Риктафелов. Джэге с обеих сторон зажали двое задержателей и захлопнули дверцы. В открытые окна машины обступившие ее задержатели просунули дула винтовок и нацелились Джэге прямо в лоб, один из сидящих рядом схватил его за здоровую руку, а другой надел на Джэге наручники.

— На язык мне оковы не наденете! — закричал Джэге. — Вырою! Пока живой, Варлама Аравидзе в могиле не оставлю!

* * *

Тангулиа решил, что убил человека. Как только грянул выстрел, мужчина, копающий могилу, упал, это Тангулиа видел собственными глазами. Он подождал немного, чтоб убедиться, что и в самом деле не про-

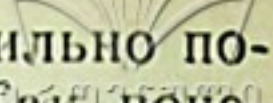
махнулся. Правда, ночь была лунная, но он стрелял издалека, и потому не был уверен, что попал в цель. Ему казалось, что ждал он долго, на самом деле же прошло всего несколько минут. «Убил! — пронзило сознание окрашенное кровью слово, ворвалось в душу: — Убил! Я убил человека!». Страх обуял его.

Кровью пылающие слова «Убил человека!» помутили его разум, он уже не понимал, что делает, бежал по склону, когда его нагнал крик Дуро: «Помогите! Помогите!» Значит, точно убил, решил он, и душа его запылала, заметалась, забилась в тревоге.

Он бежал без оглядки, в темноте натыкаясь на что-то, спотыкался, падал, катился вниз по склону, вставал и снова бежал. Свисающие ветви деревьев били его, цепляли колючие кустарники, по лицу, по исцарапанным и побитым коленям текла кровь, но он ничего не чувствовал. Только тогда пришел в себя, когда рассвет — рассвет нагрянул неожиданно и отрезвил его. Куда он бежит? Что ему здесь надо? Бежит от кары? Нет! Так какая сила гнала его?! Неужели страх?.. Тангулиа отдышался, пришел в себя. Он не сомневался в том, что вынес преступнику справедливый приговор, и если за это он должен нести наказание, пусть его наказывают. Он устыдился своего невольного «бегства», словно бежал с поля боя, и решил вернуться — идти прямо в АВЗ. Не заходя в Аравидзети, чтоб не столкнуться со случайным прохожим, через поля он вышел на ведущую в Арави дорогу. Было раннее утро, он надеялся, что в такой час машина здесь не пройдет, и он пешком, никем не замеченный, доберется до города. Но буквально в следующую минуту проехал грузовик и даже остановился. Тангулиа подумал, может быть, водитель — аравидзетский и узнал его. Сам Тангулиа никого, кроме Доментиэ не знал, но в деревне все знали в лицо наследника Варлама Аравидзе и, конечно же, любой остановил бы машину.

В кабине сидели двое. Поблагодарив, Тангулиа забрался в кузов. Судя по всему, машину остановили, приняв его за охотника — Тангулиа был облачен в охотничьи высокие сапоги и цвета хаки дождевик, через плечо ружье — кто же это может быть, как не охотник?

Сидя в машине, Тангулиа изменил свое решение: «Пойду домой. Пусть дома арестовывают!..» Мысль эта

ему понравилась. Прийти с повинной — равносильно поражению. Разве он считает себя виновным? Так почему он должен сам явиться? «Пусть арестовывают дома», — думал он, представляя картину ареста: как ворвутся в подъезд задержатели, как наденут на него наручники и выведут на улицу. «Куда ведете мальчика? — возмутятся соседи. — Подождите, пока придет Абиа». Но задержатели только окинут их грозным взглядом. А Тангулиа обратится к соседям: «Не думайте, что я убийца! Я убил зверя, который откапывал покойника! Передайте отцу, что я защитил честь семьи, защитил светлое имя деда!».

Грузовик въезжал в Арави. Прохладный утренний ветерок бил Тангулиа в лицо, но он ничего не чувствовал и не видел — стоял в кузове, выпрямившись, опираясь ладонями о кабину, и вел с самим собой диалог. У въезда в город Тангулиа остановил машину, спрыгнул, подошел к кабине и протянул водителю деньги.

Отсюда недалеко до «улицы Варлама», так все называли проспект, на котором находился их дом. На самом деле это был проспект Розы Люксембург, а площадь в конце проспекта — площадью Карла Либкнехта, но жители Арави упрямо называли и проспект и площадь «улицей Варлама». Оказывается, в пору правления краем Варламом Аравидзе сюда перенесли ратушу — Правление. Сюда же переехали жить сильные мира сего, выселив здешних жителей. Расширили площадь Либкнехта и построили на ней трибуну, на которой правители Арави и принимали парады.

Тангулиа не ожидал, что встретит дома кого-нибудь, думал, что мать и Вардико находятся в Аравидзети, в доме деда, отец, наверное, на работе. Но дверь дома ему открыл Абиа. Он недавно вернулся домой из АВЗа. Допрос не состоялся. Рана Джэге оказалась серьезной, никак не могли остановить кровь, и пришлось его срочно отправить в больницу.

Тангулиа стеснялся и даже побаивался отца. Он смотрел ему в глаза, ожидая, что тот скажет. Но Абиа не спешил, повернувшись, он молча, покуривая, направился в гостиную. Тангулиа последовал за ним, не раздеваясь, даже ружье не снял с плеча. Абиа опустился в кресло, перед ним на маленьком столике стояла пепельница, и он стряхивал в нее пепел.

Тангулиа не вытерпел и взволнованно спросил:

— Что мне делать, к кому идти?

— Прежде всего, переоденься, повесь ружье на место... — спокойно произнес Абиа.

— Хорошо! Хорошо!.. — Тангулиа выбежал в соседнюю комнату, скинул с себя плащ, снял сапоги, повесил ружье на место и, поправляя брюки, вернулся к отцу.

— А теперь что?

— Ничего... Будем ждать суда... — так же спокойно сказал Абиа.

— Суда?.. — удивился Тангулиа.

— Он ранен в руку, но серьезно, пока не вылечат, суд не состоится.

— Ранен?.. В руку?.. — закричал Тангулиа, не в силах скрыть радости. «Живой!..» В мгновение ока все изменилось: какие мрачные картины рисовались его воображению, сколько раз представлял себя арестованным, в наручниках, даже с соседями попрощался. Оказывается, зря! Преступник только ранен!

— И меня не ждет наказание? — спросил он взволнованно.

— Какое наказание? — в свой черед удивился Абиа.

— Я же стрелял в человека... — виновато проговорил Тангулиа.

— Думаю, что скорее тебя наградят.

Тангулиа чуть было не подскочил от радости. Но взял себя в руки, медленно, подражая отцу, постепенно опустился в кресло (но глаза при этом блеснули!), хотя готов был выскочить на улицу и всему миру сообщить эту радостную весть. Не награда радовала его, а свобода, возможность жить по-прежнему, ничего не меняя! Оказывается, он очень боялся тюрьмы и наручников!

— Все, впредь в это дело вмешиваться не будешь, — невозмутимо продолжал Абиа. — Слава Богу, мы не убили человека... Говорят, преступник не один.

Тангулиа точно окатили холодной водой, погасли глаза, вспыхнувшие от неожиданной радости. Вечная осторожность и нарочитое спокойствие отца его всегда раздражали, но он никогда не проявлял этого, и сейчас не ответил, молча встал и вышел в свою комнату.

Абиа показалось, что его строгое внушение возымело действие.

Слово Варлама было законом для Абиа, да и не только для Абиа, для всего Арави, потому и вокруг Абиа долго еще царила атмосфера молчаливого подчинения. Первым, кто восстал против привычного уклада жизни, был Тангулиа, но этого пока никто не замечал. Первый его шаг против молчаливой покорности — самовольное решение расправиться с осквернителем могилы деда — воспринят был не как бунт, а как верность священной памяти деда.

Поскольку Тангулиа не перечил ему, Абиа решил, что сын наверняка запомнит его слова: «Все, впредь в это дело вмешиваться не будешь». Абиа позвонил жене, и, сказав только одно единственное слово «пришел», повесил трубку.

Вскоре Дуро, Цисмарэ и Вардикко не то что приехали, а буквально прилетели из Аравидзети.

Это был счастливый день в семье Аравидзе. Тангулиа дома, все живы и здоровы, преступник отныне света Божьего не увидит, и никто впредь не побеспокоит прах Варлама. А ведь всего день назад все были в отчаянии. Не думали, что в доме их когда-нибудь воцарится покой. Все так удачно завершилось! Особого внимания заслужил Дуро. В который уже раз охотно и красочно рассказывал он, как поймал Джэге Халдани по прозвищу Диргиа, не забывая похвалить Тангулиа, выстрел которого, как он считал, и был венцом этой операции.

ВЕЛИКОЕ СУДИЛИЩЕ

Джэге Халдани ничего не скрывал, еще в больнице на первом же допросе выложил все, чистосердечно признал свою вину: я трижды выкапывал из могилы труп Варлама Аравидзе и забрасывал его на изгородь аравидзевского дома.

Он подробно описал, как откапывал в первый раз, во второй, в третий, что приключилось с ним ночью, кто встретился, от кого он скрывался, кого или чего боялся. Дуро ни разу не упомянул, а если бы даже и упо-

мянул, никто ему не поверил бы: Дуро сумел убедить всех в своей преданности семье Аравидзе, но главное — завоевал высочайшее доверие самого Григоло Григоло-ва.

Чувствовалось, что Джэге доставляет особое удовольствие рассказ о том, как он выкапывал Варлама Аравидзе из могилы. Задержатели слушали его, разинув рты. Преступник сознавался в содеянном, но при этом отчаянно ругался, почти каждый допрос начинался и заканчивался руганью в адрес Варлама Аравидзе. Даже на самый безобидный вопрос «год рождения» отвечал:

— Когда меня арестовала эта гиена, мне было десять лет, стало быть, родился я в 19...

— Вас спрашивают, в каком году вы родились, ничего больше!

— Кровожадная гиена, — не жалел эпитетов Халдани, — уничтожила мои документы, я не знаю, когда я родился.

— Место рождения?

— Та улица называется нынче улицей гиены!

— Стало быть, вы родились в Арави, на улице Розы Люксембург?

— Кровопийца, гиена, гадюка! Люди уже и не помнят, как называлась та улица, и ныне она зовется улицей гиены, улицей Варлама.

— Оставьте в покое Варлама Аравидзе! Отвечайте, чем занимаетесь, ваша профессия?

— Мое занятие? Выкапывание из могилы кровопийцы, гадюки, людоеда Варлама Аравидзе! Другой профессии у меня нет!

— Ничему не учились? Может быть, ремеслу какому? — Задержатели понимали, что угрозами, силой, запугиванием они ничего не добьются.

— Мое ремесло — выкапывание из могилы кровопийцы, людоеда, гиены, аспида! — упрямо повторял арестованный. И чем больше ему запрещали упоминать имя Варлама Аравидзе, тем хлестче были эпитеты в его адрес. Со слова гиена он начинал характеристику Варлама Аравидзе и громоздил новые эпитеты: кровопийца, людоед, змея, аспид. И так — на каждом допросе. Однако он упрямо умалчивал о том, почему выкапывал труп, что заставляло его делать это? Допрашивал Хал-

дани Отдел по особо важным делам. Из больницы его перевели в камеру.

Григолов намеревался завершить дело как можно скорее, чтоб отчитаться — в Гоге ждали его рапорта. Поэтому Халдани два-три раза в день водили на допрос то к одному следователю, то к другому, но так и не получили от него вразумительного ответа, почему он выкапывал труп. «Об этом я скажу на суде», — твердил Халдани. День суда, или судилища (так называли в стране Арави правосудие) не мог быть назначен, пока заранее не будет решена участь подсудимого и не будет утвержден сценарий судилища. Настоящий приговор выносился в кабинете Григоло Григорова, а на суде лишь разыгрывался фарс. Так было заведено со времен Варлама Аравидзе, и никто не нарушал этой традиции.

Даже судья и прокурор «обрабатывались» заранее, на суде говорили то, что хотелось слышать задержателям, оглашали тот приговор, который выносился в кабинете генерального задержателя. Разумеется, Григорова не удовлетворяли показания Джэге Халдани. Он должен знать, что намеревается говорить злоумышленник на судилище. И Григолов поручил Риктафелову самолично допросить преступника. Для Риктафелова это не явилось неожиданностью. Он почему-то чувствовал, что дело Халдани передадут в его отдел — отдел чрезвычайных дел. Так и случилось. Получив задание от Григорова, он заперся в своем кабинете и прослушал магнитофонные записи допросов Халдани.

Будь сегодня время Варлама Аравидзе, Риктафелов бы быстренько заставил бы заговорить арестованного, а теперь?.. К каким изощрениям прибегнуть, чтоб получить результат?..

И Григолов, и Риктафелов уже не раз слушали показания Халдани.

— Где живете? — спрашивали его.

— Гиена Варлам Аравидзе... — начинал он.

— Оставьте в покое Аравидзе, сколько вам говорить!.. Отвечайте, где вы живете сегодня?

— Кровопийца, гиена Варлам Аравидзе оставил меня без крова.

— Вам лучше чистосердечно признаться, — с тру-

дом сдерживаясь, говорил следователь по особым делам. — Это облегчит ваше наказание.

— Кровопийца и людоед, гиена Варлам Аравидзе...
— с тем же упорством продолжал арестованный.

Риктафелов слушал пленку с особым вниманием, искал пути к разъяренному сердцу Халдани. За весь день ни с кем не заговорил, все слушал арестованного — человека, который не давал Варламу покоя в могиле. Он попросил видеопленку, смотрел долго, внимательно, изучал...

Готовясь к встрече с заключенным, Риктафелов отдал приказ перевести его в первый гомункулус. Гомункулусы, или же камеры пыток времен Варлама Аравидзе, были расположены в подвалах подземных сооружений АВЗа. Сегодня эти камеры не функционировали, запрещено было даже говорить о них. Весть о том, что Халдани перевели в гомункулус вызвала кривотолки среди задержателей.

Даже в бытность Варлама Аравидзе помещать заключенного в гомункулус можно было только по специальному распоряжению.

Риктафелов нарушил утвержденный Варламом Аравидзе внутренний распорядок, не принял во внимание новый циркуляр, полученный из Гоги, вообще запрещающий гомункулусы.

У камер пыток, или, как называл их Варлам Аравидзе, гомункулусов, было свое назначение. Через одиннадцать гомункулусов, или же одиннадцать дверей в ад пропускали непокорного арестанта, и человек, будь даже он железный, размякал, превращался в воск, из которого можно было вылепить все что захочешь.

Пребывание в первом гомункулусе задержатели называли «терапией голодом». Уже в первом круге ломались самые сильные.

Заключенный не знал количества камер пыток, которые внешне ничем не отличались от обычных, только почему-то изоляторщики вели заключенного с каждым разом все ниже и ниже. Слова «тюрьма», «арестантская», «камера» и тому подобные не входили в лексикон задержателей. Бездна, куда заключали арестованного, называлась изолятором, а камеры пыток — гомункулусами, палачей, служащих гомункулуса, называли изоляторщиками.

Впереди, играя ключами, шел изоляторщик, за ним — арестованный, за которым следовала вооруженная охрана. Они спускались все ниже и ниже. «Хождение вниз», казалось, будет бесконечным. Человека, которого вели в бездну, охватывал страх при мысли, что он сам, собственными ногами, живым нисходит под землю. Он шел, гремя цепями, и думал: «Куда я иду? Наверное, там, внизу, меня и убьют». Когда же, наконец, его вталкивали в камеру, он с минуты на минуту ждал прихода палача. Но никто не приходил — даже изоляторщик. Наглухо захлопывалась и форточка — единственный источник воздуха в камере — откуда постоянно наблюдали за заключенным. Только на второй-третий день заключенный догадывался, что здесь его пытаются голодом. «Терапия голодом» сражала чаще крепких, сильных мужчин. Им трудно было голодать. Были такие, кто за кусок хлеба продавал душу, а потом всю оставшуюся жизнь маялся.

Гомункулус, по мнению алхимиков, человечек, созданный искусственно из человеческого сперматозоида. Варлам Аравидзе любил иностранные слова. Он и назвал тюрьму — изолятором, а камеру пыток — гомункулусом. Почему именно гомункулусом? Да потому, что в нем сильные, как львы, мужчины, превращались в человечков.

— В гомункулуса превращу! — кричал, стуча кулаком по столу, Варлам. И в самом деле, человек, пройдя ступени пыток, т. е. гомункулусы, превращался в нечеловека, недоумка, безумца, если, конечно, оставался в живых.

Самым страшным был одиннадцатый гомункулус. Туда попадал тот, кто прошел «терапию голодом», «терапию жаждой и холодом», побои, всевозможные телесные пытки. Не добившись цели физическими истязаниями, заключенного бросали в одиннадцатый гомункулус, из которого он выходил переломленным, искалеченным душой, не человек — раб.

В одиннадцатом гомункулусе человек умирал живо. Никто не знает, даже задержатели, к каким изощренным пыткам прибегал Варлам Аравидзе, чтобы превратить человека в гомункулуса.

Новый, четырнадцатый, главный генеральный от-

казался от методов Варлама Аравидзе, потребовал восстановления законности.

С его приходом в АВЗах, в правозащитных органах, в далеких лагерях, в изоляторах и вечных каторгах словно бы повеяло свежим ветром — изменились времена и обстоятельства. И вот в такое-то время Риктафелов отважился послать Джэге Халдани в гомункулус, отправил ради устрашения, хотя знал, что с него за это могут спросить. Бросили Джэге в камеру голода. Риктафелов думал продержат его там два дня и потом допросить, Халдани, прошедший через каторгу, сразу поймет, что ему грозит, и тогда выложит и подпишет все, что от него потребуют. Так думал Риктафелов. Но и у него, как и у всякого смертного, были враги. Спецотдел не преминул составить донос и без промедления отправить его в Гогу. Отдел этот был недремлющим оком АВЗа, им была установлена слежка за всеми, даже за Григоло Григоловым. Доносы отсылались непосредственно в Гогу. Сотрудники этого отдела получали зарплату и премии в зависимости от их количества, и неудивительно, что они старались вовсю. Разумеется, самодеятельность Риктафелова не осталась бы незамеченной, тем более, что уже получен о гомункулусах определенный циркуляр! К тому же, наичрезвычайно особым отделом руководил Доксопулов, несусыпный враг Риктафелова. Оказывается, еще их отцы, работавшие у Варлама Аравидзе, строили друг другу козни.

Утром, просматривая сведения, предоставленные ему отделами, Григолов узнал о том, что Риктафелов заключил Халдани в гомункулус. Но не удивился. Конечно же, он предполагал, что именно так поступит Риктафелов, потому и передал ему дело Халдани. Но поскольку Доксопулов сообщил об этом в Гогу, надо отступать. Он вызвал к себе Риктафелова, пожурил за нарушение внутреннего распорядка и приказал перевести заключенного в обычную камеру.

Дело затягивалось. Халдани продолжал твердить одно и то же. Григолов раздумывал, что же делать, может, не стоит продолжать следствие. Того и гляди Главный еще раз справится о деле Варлама Аравидзе, и тогда ему, Григолову, не сдобровать!

Срочно собралась тройка — Григолов, Риктафелов

и Абиа Аравидзе, они заперлись в кабинете Григолова, чтобы вынести Халдани приговор.

— Три года лишения свободы! — объявил Григолов легко и уверенно, глаза его при этом сверкали, чувствовалось, он собирается сказать еще нечто такое, что непременно всех приведет в восторг. Григолов был невысокого роста, лысый, с толстыми губами, голубые крохотные глазки в глубоких ямках-глазницах непрерывно метались. — Только пер-ма-нен-тно!.. Ха-ха-ха! — захохотал он, довольный. Собственное решение очень понравилось ему. — Вам понятно! Пер-ма-нен-тно! Дорогой Абиа! Ну что, знакомо?! Термин вашего покойного отца, не так ли?.. Перманентно, т. е. до бесконечности!.. Вечные три года! Разве плохое решение?! Такое могли придумать только они — люди поколения Варлама Аравидзе!

Григолов уже не сидел за столом. Он ходил взад-вперед по кабинету и едва ли не захлеб рассказывал сидящим друг против друга за приставным столом Аравидзе и Риктафелову, как пришла ему в голову эта гениальная мысль.

— Должен признаться, было нелегко. В законе вообще ничего не сказано о том, как осудить человека, выкапывающего из могилы наших отцов. Осквернение могилы наказуемо штрафом и тремя годами лишения свободы. Что тут придумаешь? Разве достаточно трех лет для того, кто выкапывает из могилы Варлама Аравидзе? И представляете, сам Варлам Аравидзе пришел мне на помощь. Да, тогда вершились великие дела!.. — На столе лежали специально затребованные из архива дела, и теперь, передавая Абиа то одну папку, то другую, он пояснял: — Дело Твалдамцваришвили... А вот еще — Амилахвари, а это — Горгиджанидзе... Сегодня столько писанины, что дела пухнут до тридцати томов, тогда другое было время, достаточно было одного тома, чтоб убрать человека... Каждому из этих дали по три года пер-ма-нен-тно, как говаривал Великий Варлам... Они так и не вернулись из ссылки, к трем прибавили еще три, потом еще три и так далее... Перманентно... Вот где я нашел это слово! — Григолов открыл дело Амилахвари на заранее подготовленной странице. — Вот, читайте! — Абиа и Риктафелов уткнулись в дело, а Григолов продолжал: — Здесь все ясно! — по-

ложил он ладонь на «Дело». — Здесь и расследование, и приговор, а в конце дела, на последней странице крупными буквами выведено: пер-ма-нен-тно. Это слово обозначало вечную каторгу! Из прошлого мы должны брать только лучшее и отринуть все, что плохо. — Григолов сел за письменный стол и посмотрел на Абиа. — Может, вы можете предложить что-то другое?.. Однако мы с Риктафеловым думаем, что пришли к верному заключению. — Он взглянул на Риктафелова и тотчас перевел взгляд на Абиа.

Риктафелов впервые слышал об этом. Следствие еще не начиналось, а поди же, Григолов уже вынес приговор.

— Да, мы так думаем... — не моргнув глазом подтвердил он. — Халдани двадцать лет был в заключении, но это его не исправило. Разумеется, его не следует выпускать из изолятора.

— Сейчас другое время, — пробормотал сокрушенно Абиа, — лучше действовать по закону...

— По закону! — воскликнул Григолов. — Разумеется, мы судим по закону! Иначе нельзя, ушло то время! Но перманентно!.. Напишите это слово на деле Халдани!.. Сколько в нем томов? — повернулся он к Риктафелову.

— Пока что десять...

— Надпишите на всех десяти томах «перманентно» и передайте в суд... Надеюсь, все ясно... Вам от меня ничего не надо? — спросил он сердечно у Абиа и встал.

Абиа хотелось сказать многое, ему многое было неясно в этом деле... А если в один прекрасный день снимут Григорова? Или переведут в другой край? Что тогда? Слово «перманентно» повиснет в воздухе. В прошлом ему придавал силу закона страх перед Варламом Аравидзе. Сегодня этого страха нет. Абиа не нравилось такое решение, но беда в том, что он и сам не видел другого выхода, — в законе не было статьи, по которой Халдани мог бы получить по заслугам.

* * *

Суд состоялся через неделю. И судья, и обвинители были друзьями Абиа. Они вместе учились в институте в Гоге, вместе возвратились в Арави и одновременно приступили к работе. Абиа не собирался идти в

суд, все ведь уже предрешено, думал он. Если даже судья и обвинители не были бы его друзьями или же Абиа не занимал такую высокую должность, все равно суд не изменил бы приговора, вынесенного АВЗом.

Но случилось невероятное: подсудимый затребовал защитника из Гоги, а также попросил, чтоб и судья и обвинитель были приглашены из других краев, поскольку, объявил он, здешние — послушные рабы семейства Аравидзе, они не смогут служить правде. Судью и обвинителя, конечно же, уже никто бы не заменил, но защитник прибыл из Гоги, и вокруг дела пошли такие разговоры, что за советом обратились даже к Ивсихи Несторовичу, мол, как быть, что делать.

Прибывший из Гоги защитник требовал справедливости. Это была неслыханная новость для Арави! Из Гоги дул свежий ветер перемен, иначе кто бы посмел на суде требовать справедливости?!

Ивсихи Несторович ничего не мог сказать, ввиду болезни он отошел от правления краем и всех посылал к Абиа, тот в свой черед бежал за советом к Григоло-ву. Григолов был в смятении, считал, что приехавший из Гоги защитник на первом же заседании суда держался подозрительно вызывающе.

О судопроизводстве в Аравском крае давно уже позабыли, суды проходили при закрытых дверях на протяжении уже десятков лет. Открытый суд над Джэге Халдани был из ряда вон выходящим событием.

Первое и второе заседание обвиняемый сорвал, он так же, как на следствиях, громогласно, на все лады честил Варлама Аравидзе. Требовал разрешить ему подробно поведать собравшимся о его непристойной жизни. Судья не давал ему слова, подсудимый не подчинялся.

Члены суда ничего подобного до сих пор не видели, они недоуменно переглядывались и то и дело совещались.

Судья приказывал несколько раз вывести обвиняемого, чтоб последний «успокоился», наконец, не выдержав, прервал заседание суда.

На второй день все повторилось, на третий тоже. Защитник из Гоги настойчиво требовал дать его подзащитному возможность высказаться. Заседатели, посоветовавшись, обратились к верховному заседателю с

просьбой провести закрытый суд. Тот посоветовался с Григоловым: как быть?

Григолов спешно связался с Гогой, и только после этого послал в судилище тайное предписание: суд провести открытый, оставить в силе решение АВЗа, но при этом соблюдать судебный порядок; дать подсудимому возможность высказаться, в то же время убедительно и квалифицированно «сажать его на место». Григолов послал также в судилище переодетых задержателей. Итак, суд шел якобы с соблюдением всех правил, казалось даже, что здесь собрались защитники правопорядка, но приговор должен был оставаться прежний, тот, который накануне вынесла тройка.

С первого же дня, когда на суде зачитали обвинительное заключение и спросили Халдани, считает ли он себя виновным, он ответил, что виновным себя не считает, хотя трижды выкапывал из могилы Варлама Аравидзе. Напротив, он исполнил высочайший долг, совершил святое дело — первым восстановил справедливость, отомстил за попранное человеческое достоинство.

Он стал рассказывать о злодеяниях подлинного виновника, убийцы и разбойника Варлама Аравидзе, и суд пришел в неописуемую ярость, судья непрерывно звонил в колокольчик, призывая к порядку обвиняемого. И когда тот замолчал, обратился к нему:

— Подождите!.. На следствии вы признали себя виновным, а теперь что, отрицаете это?

— Да, отрицаю, — спокойно ответил Халдани.

— В первый же день, как только вас, раненого, привезли в больницу, вы признали себя виновным, после этого вас допрашивали дважды, и оба раза вы признавали свою виновность. Сегодня вы все отрицаете. Как нам понимать это, объясните суду...

— Я пытался ускорить следствие. Стремился к сегодняшнему дню, хотел предстать перед народом, — не дрогнув, произнес Халдани.

— Ага, стало быть, вы намеренно признали себя виновным, хотя в действительности таковым не являетесь, так?

— Вот именно... — широко развел руками Халдани.

— Кто же тогда трижды выкапывал покойника из могилы?

— Я... Но виновным себя не считаю, виновен покойник.

Джэге Халдани обвел взглядом переполненный, взбудораженный зал, люди стояли в дверях, в открытых окнах, не спуская любопытных глаз с арестованного, которого с двух сторон «оберегали» вооруженные люди.

Вновь зазвонил колокольчик, и зал затих. Халдани заметил в зале Абиа и Цисмарэ, сидящих в первом ряду. Они пришли, поскольку надо было создать видимость того, что суд вершится так, как во всех цивилизованных странах.

Халдани отыскал взором Тангулна. Он стоял в дверях с группой подростков.

— Уважаемый судья, — обратился Халдани к судье. — Вы напрасно сердитесь, я знаю наизубок кодексы: мне положено три года, больше вы мне присудить не сможете, через три года я выйду из тюрьмы и снова откопаю этого мерзавца... Непременно! Я не оставлю в земле Варлама Аравидзе! Решение окончательное и обжалованию не подлежит!

— Обвиняемый Халдани! — стукнул кулаком по столу судья и вскочил. В зале поднялся невообразимый шум. Судья, спохватившись, зазвонил в колокольчик. — Я прекращу заседание суда, знайте! И отправлю вас куда следует! — сверкнул он глазами.

— Этим вы ничего не измените! — ответил, так же сверкая глазами, Халдани.

Зал вновь всполошился, и судья вновь изо всех сил налег на колокольчик.

— Абиа Аравидзе сам, собственными руками должен откопать труп отца и бросить его в Корнисхеви на съедение воронам! Не сделает этого он, я займусь этим! Непременно откопаю! Выйду из тюрьмы и откопаю!

— Обвиняемый Халдани! Обвиняемый Халдани! — закричал судья. — Предупреждаю в последний раз, говорите по делу! Прекратите обвинять других и выносить приговор! Обвиняемый — вы, а приговор должны вынести мы!..

— Уважаемый судья, я буду выкапывать Варлама Аравидзе! Каждый раз, как его похоронят, я выкопаю! Поверьте мне, это нелегко! Кто-нибудь откапывал? Нет! Судьбой predeterminedено делать это мне! А приговор

судьбы куда важнее, чем тот, который вынесете ^{мне} вы!

Зал вновь зашумел. Угождая Абию, одни ^{ругали} Джэге, другие грозили ему кулаком.

«Невозможно находиться здесь», — шепнул жене Абию, встал и, пропуская Цисмарэ вперед, пошел к двери. Среди столпившихся там подростков он не увидел Тангулиа, оказывается, тот спрятался, чтоб его не увели домой.

Встревоженный уходом Абию судья переглянулся с обвинителем, мол, как нам быть. Можно было бы объявить, что суд уходит совещаться, но сколько можно! Нет, лучше продолжать, иначе ему еще достанется за затягивание дела.

— Обвиняемый Халдани! — обратился он вновь к арестованному. — Говорите только о совершенном преступлении и причинах, побудивших вас...

— Причина — сам Варлам Аравидзе! — прервал его Халдани.

— Хорошо, пожалуйста, говорите о Варламе Аравидзе как о причине, побудившей вас совершить преступление, но не о Варламе Аравидзе вообще.

Тангулиа чувствовал себя героем, сам он молчал, зато его друзья всю изощрялись в ругани и угрозах в адрес Халдани. Судья призвал их к порядку:

— Знайте, закрою двери! Попрошу всех из зала!

Зал затих. И тогда обвиняемый приступил к рассказу о том, как был истреблен весь род Халдани. Суд и сидящие в зале аравцы, разумеется, уже знали, кто такой Джэге Халдани, шепотом пересказывали друг другу историю о том, как истребил Варлам Аравидзе семью Сандро Халдани, отца Джэге, как исчезли бесследно и другие представители рода Халдани, двоюродные братья, родственники Сандро. Были среди присутствующих на судилище даже свидетели тех кошмарных событий, но в пересказе человека, десять лет проведенного на каторге, а потом еще десять лет скрывавшегося в лесу, они приобретали иную окраску. Джэге Халдани говорил спокойно, не спеша, он добился, чего хотел. Теперь они вынуждены его слушать, и он скажет все — не один год готовил он свою обвинительную речь.

В течение целого месяца продолжался суд. Изю дня в день приводили в зал суда обвиняемого (или обвини-

теля?!), и он говорил и говорил, устав, опираясь локтем о перегородку, отделяющую скамью подсудимых от зала. Все остальное время стоял, держа руки за спиной, и рассказывал, рассказывал.

Наручников на нем не было, ведя его на суд, их снимали. И кто бы его ни прерывал — судья или обвинитель, он, замолкнув на мгновение, вновь продолжал рассказывать жуткую, кошмарную историю жизни и деяний Варлама Аравидзе. Люди знали многое, но всенародно слушать откровенный рассказ о его злодеяниях им не доводилось, и они испытывали в эти минуты неподдельную радость. С каждым днем росло в зале число слушателей, а после суда они шепотом пересказывали удивительную историю странного мстителя. Пръезжали даже из других городов и отдаленных краев.

По истечении отведенного на судилище времени, арестованного возвращали в изолятор. Но и там, в камере, не могла успокоиться его бушующая, смятенная душа.

А утром его снова вели в суд, и он снова продолжал долгий и страшный рассказ о тиране.

* * *

Только однажды видели в Аравидзети пятнистую, оцетинившуюся гиену, только однажды появилась она откуда-то, но старожилы по сей день с ужасом и омерзением вспоминают об этом.

Оказывается, как-то под вечер, когда дул пронзительный ветер и всюду лил дождь, послышался жуткий вой. Охотники тотчас догадались — это выла гиена.

День был такой дождливый, так быстро и стремительно стемнело, что казалось, еще немного — и страшная беда обрушится с неба. Так и случилось. Из заовражного леса вышла гиена, взъерошенная, пятнистая, принюхиваясь то к влажному от дождя воздуху, то к сырой земле, она шла по направлению к Корнисхеви, туда, где учуяла свежее захоронение. Обежала холм, принюхалась, словно проверяя, не ошиблась ли, и стала сильными передними лапами разгребать землю. Разгребает и воет, и слюни текут по мерзким губам...

Увидел это возвращавшийся с пастбища пастух. На неоседланном коне он ехал мимо места, которое сегодня известно, как заповедная зона, без ружья, без какого-

либо другого оружия, даже перочинного ножа не было в кармане. Ехал в деревню за теплой одеждой и провиантом. В аравских кустарниках вой гиены так напугал коня, что он едва не сбросил с себя седока. Спокойный, привычный к горным тропам рабочий конь чуть было не взбесился. Пастух сообщил: близ Корнисхеви гиена подозрительно роет землю, правда, конь чуть было не понес, мчался как бешеный, но он успел-таки заметить — это в самом деле была гиена.

В Аравидзети давно уже подозревали, что из аравских изоляторов возили в Корнисхеви приговоренных к смерти узников. Но нередко палачи, облегчая себе работу, заставляли самих заключенных рыть могилу на краю оврага, и потом их расстреливали, и трупы закапывали.

Вся деревня ринулась в Корнисхеви. Кто с ружьем, кто с пистолетом, а кто и с дубинками.

Охотники шли впереди, остальные заняли позиции на краю леса — чтоб перерезать гиене дорогу в лес. Криком, камнями должны были спугнуть омерзительную тварь и погнать в лес, где ее ждала пуля.

Дождь лил как из ведра, словно небо разверзлось. Поздние сумерки. Гиена рыла ожесточенно, но ни крики людей, ни камни, обрушившиеся на нее, не спугнули ее, она уходила в землю все глубже и глубже... И слюни текли по мерзким губам.

Подошли к ней совсем близко... И застыли в ужасе. Страшная картина открылась перед ними: из-под земли торчала чья-то нога, чья-то кисть руки... Опьяненная гиена же переходит от трупа к трупу, не слыша ничего, сверкая горящими глазами, которые уже ничего не видят. Страсть впиться зубами в труп, насытиться вдоволь погасила в ней даже инстинкт самосохранения, ослепила ее, оглушила.

В гиену стали швырять камни, дубинки, палки, все что было под рукой, но напрасно — опьяненная, она была не в силах покинуть могильник.

— Ружье! Несите ружье! — крикнули тем, кто затаился у леса.

Но в тот же миг гиена выползла и уставилась на людей горящими глазами, внушающими дикий ужас.

Все словно окаменели. Как рыба — в воду, ускользнула от них гиена и скрылась в лесу. Долго еще стояли, не шелохнувшись, люди, загипнотизированные ее горящими глазами. Очнувшись, бросились за ней, но в это время раздался чей-то отчаянный крик:

— Люди! Опомнитесь! Не до гиены сейчас! Мы погибли!.. Возвращайтесь! Засыпем трупы землей и забудем про виденное...

Вмиг отрезвели все. И в самом деле, завтра Варлам Аравидзе арестует каждого, кто оказался в зоне изолятора. Что им надо было там, в запретной зоне? Ужас обуял людей.

Всю территорию Корнисхеви с прилегающим к Арави кустарником Варлам Аравидзе превратил в зону, куда запрещалось ступить ноге человеческой. Почему? Никто этого не знал, и никто ни о чем не спрашивал.

Через подземные тоннели палачи выводили заключенных в Корнисхеви и там расстреливали, якобы, за попытку к бегству. Нередко с осужденным расправлялись в аравских кустарниках и трупы сбрасывали в Корнисхеви или же закапывали на месте. Именно такое захоронение и обнаружила гиена в тот ненастный вечер.

У служителей изолятора для всех родственников заключенных был один ответ: сослан в дальние лагеря. В действительности же они лежали неподалеку, за изолятором, истребленные, как собаки.

Гиена обнажила перед людьми останки тех, кто был невинно загублен, тем самым указала человеку, на какое злодейство способен его соплеменник. Она запомнилась людям надолго. Но со временем все предается забвению, и люди выбросили из памяти «открытие» той жуткой ночи.

Но в Варламе Аравидзе, в его движениях, повадках люди узрели сходство с гиеной. Так его и прозвали — гиена. И когда Варлам стал изощряться в своих злодействах, в народе шептались: «гиена идет...», «гиена уходит», «гиена держит речь...» Естественно, Варлам Аравидзе узнал об этом, и каждого, кто произносил вслух слово «гиена», арестовывали. Каторги не избежал ни один человек, когда-либо и где-либо произнесший это богомерзкое слово. Не только в Арави и Арав-

ском крае, но и вообще повсюду стало это слово запретным, даже из словарей его изъяли.

Кто посмел бы после этого вспомнить гиену, раз и навсегда забыли про нее в аравском крае.

Но слову «гиена» не суждено было исчезнуть. Когда впервые предстал на судилище человек, вырванный из могилы Варлама Аравидзе, кто-то в зале тихо, словно бы про себя, произнес — гиена! Подхватили это слово и понеслось оно вослед обвиняемому — гиена! Гиена! Восстала из мертвых гиена и вновь принялась за свои дела.

Перевод Динары **КОНДАХСАЗОВОЙ**

Букинист

В сад, к перемене погоды готовясь,
Вынес проветрить свой хлам лежалый
Этот седой молчаливый торговец,
Чем-то сейчас удрученный, пожалуй.

И посыпается желтая груда
Пеплом листвы безутешным и бурым.
Скоро нагрянет зима, но покуда
Осень стоит столбовым азнауром.

Стал покупатель и скуп, и редок,
С нищим ашугом вас вместе забыли...
Разве гуляка придет напоследок.
Пляшет просвеченный ангел пыли.

Старый поэт опечаленно-кроткий
Томика перелистает страницы.
Перебирая янтарные четки,
Вспомнит минувшее и прослезится.

Ветер, добычу свою прикарманя,
Перекатился и мчится... Да нет уж —
Книжник, спасая «Караманиани»,
К сердцу прижал пожелтелую ветошь.

Верный слуга этих книг, наверно,
В гроб он потащит свитков свиту.
Ночь безобразна и лицемерна:
— Смерть черноликая! Где ты скрыта?

И шелестящей стаей лебязьей
Книги проводят его к могиле,
Чтобы застыть погребальной стражей
И увенчать его странствий были.

1933.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА.

Змеиная рубашка

РОМАН

ГРОБ НА СОЛНЦЕ

Когда орел смотрит на солнце —
хочет терзать его когтями. Может,
зрит в нем смерть.

Хроника IX века.

Голова ящерицы — в веках — окаменеваает.
Изумруд — тот камень. Так говорят на Востоке.
Арчибальд вспоминает глаза цвета ящерицы. Два
плотных зеленых листка, что смотрят искоса. Интерес-
но, добрался ли Вамех до Петербурга? Видел ли Оль-
гу?!

Мысли. Мысли. И в мыслях: два зеленых листка.
Арчибальд Мекеш проходит мимо театра.
Перед театром группы людей.

Люди смотрят в небо, задрав головы — подобно
древним астрологам. Слегка прикрывая глаза ладонью.

Арчибальд останавливается. И он смотрит на небо.
Слышна беседа.

- Не нравится мне что-то...
 - Что тебе не нравится?!
 - Небо сегодня мне не нравится...
 - Эта тучка подозрительная, верно?
 - Определенно подозрительная...
 - Вдруг да пойдет дождь!..
 - Думаешь, отложат похороны?!
- (Арчибальд прислушивается).
- Группы множатся.
- Читал в газете?
 - Что там написано, а?

Окончание. Начало см. в №№ 1, 2, 3.

ЭРЧИБАЛЬД
ЭНЭ ТӨГӨӨНӨСӨ.

— Похороны отложат, если не будет солнца...

— Кто это пишет, скажи на милость?

— Поэты пишут...

— Где слыхано столько откладывать!..

— Эти блаженные воображают, что зима кончилась...

— Поэты, милый ты мой, мечтами живут...

— Помилуйте, да при чем тут поэты?!

— Они хоронят...

— Кого хоронят?!

— Кого, кого! Покойного!

(Арчибальд ничего не понимает).

Ропот в толпе.

— Нет, видали такое?!

— Время перевернулось, что тут поделаешь!

— Поверить, что у этого несчастного и родных-то не было?

— У кого родных не было?

— У кого, вестимо у кого, у покойного!

— Да есть у него родные, только кто их близко подпустит!

— Ну и упрямый народ, оказывается, эти твои поэты!

— Слыханное ли дело!..

(Арчибальд ничего не понимает).

— Что еще пишут в этой газете?

— А то, что у кого лошадь есть, пусть явится...

— Что же, представление, что ли, устраивают?

— Представление, а что же: сабли должны быть наголо...

— Да где ж их взять, столько лошадей и столько сабель!..

— Не беспокойся: ради представления из кожи вылезут, а найдут... раздобудут.

— Ничего не понимаю...

И Арчибальд не понимает ничего. Наконец он осмеливается спросить у одного:

— Что тут происходит?

— Хоронят одного молодого человека... на войне его убили...

— И что же?..

— Молодой человек был другом поэтов...

— Сам он тоже был поэт?..

— Нет... Кроме лошади и сабли, ничего другого не знал...

Вопросы Арчибальда привлекают внимание. Чужака окружают.

Кто-то из толпы продолжает разговор:

— Спросить поэтов, так убитый и солнце знал...

— То есть как это? Кто же не знает что такое солнце!..

— Так в газете написано: солнце любил, мол...

— Видно, потому хотят при солнце хоронить...

— Фокусы какие-то и только, уверяю тебя!..

— Да ну а что же, конечно!..

Арчибальд стоит молча. Потом — опять к тому же:

— Где его убили?!

— На Галицийском фронте...

— На Галицийском...

Грузин пристально всматривается в Арчибальда.

— Вы, должно быть, иностранец...

— Да...

— Очень приятно... а вот ведь и грузинский выучили?..

— Немножко...

— Очень, очень приятно... Вы...

Но в это время группы пришли в движение. Слышны возгласы: «Едут!».

Арчибальд чувствует облегчение: слава Богу, избавился от собеседника.

Те, первые группы, опять изучают небо:

— Кажется, солнце одержало верх...

— Хотя бы два-три часа подарило нам...

— Всадники уже около церкви, и если оно не пождет...

— Думаешь, отложат?..

— Да ведь в прошлый раз так и было?! И всадники были готовы, и все остальные...

— Нет: нынче выйдем погода!..

— Мед твоим устам... иначе...

Группы направляются к Кашвети.

Арчибальд Мекеш следует за ними.

Отовсюду прибавляются толпы людей.

Двигается процессия. Впереди — семилетний ребенок. В руках у него лилия на высоком стебле, как

горящая свеча. Ребенок ведет за собой неоседланную лошадь огненной масти. Лошадь вроде не в себе: фыркает и поводит дикими глазами. Один из всадников, едущих поблизости, внимательно наблюдает за лошадью: не взбесилась бы. Позади лошади что-то маячит в воздухе. Два всадника парой — впереди. Два всадника парой — позади. Пары по сторонам: симметрично. Всадники воздели кверху длинные мечи. Мечи скрещены, и в перекрестье скреплены. На остриях мечей — плетенная из рододендроновых стеблей ладья с низкими бортами. В ней — белый гроб. Гроб в цветах утопает. В изголовьи — обнаженная сабля сверкает.

Арчибальд Мекеш, ошеломленный, взирает на гроб. В группах — ропот — хотя и сдержанный:

— А где же родные?!

— Да кто ж их допустит, сударь мой, родных!

— Видали такое?!

— Священник-то, священник где?!

— А нету священника! Нету-у!

— Слыханное ли дело, ай-яй-яй!

— Мир перевернулся, сударь мой, мир перевернулся!...

Процессия разрастается. Тело проспекта наполняется.

За гробом — высоко поднятым — следуют всадники. Все — в белых чохах и на черных скакунах. Всадников — несколько сотен. Сабли наголо. Взоры — вперед (в сторону — ни один). На лицах — печаль молчаливая. Шаг медленный: неспешный. Ритм единый — расслабленный.

Арчибальд Мекеш в оцепенении: будто бы сейчас увидит кого-то среди всадников. Ах да, Вамех! Где он в эти минуты?!

Мысль пронзает все тело. Почему отправился он в Петербург?! Так внезапно. Так неожиданно. «Дело у меня». Какое дело?! «Ничего опасного!». Как же ничего опасного в такое сумбурное время?! «Ольгу повиджаю», — сказал.

Да. В сердце забилося третье сердце.

Группы задевают Арчибальда Мекеша, группы движутся.

Группы шепчутся.

ՀԱՐԱՅՑԱԿԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

— Послушай! А где плакальщицы?!

— Хотели вывести триста женщин с распущенны-

ми волосами...

— И что?

— Да то, что проект не прошел...

— То есть как? Что это, горсовет, что ли?..

— Да уж как хочешь считай... прошло вот это... то, что видишь...

— И что же, вот так вот, в тишине и безмолвии?!

— Так якобы лучше... не знаю я...

— Что ж это за похороны, сударь ты мой, если причета нет, плача нет!

— Тс-с-с-с!

— Что еще такое?!

— Громко говорить запрещается.

— Ох, Боже, еще и язык проглотить?!

— Тс-сс!.. едут!..

— Кто?!

— Поэты! Которые хоронят...

— Да чтоб им пус...

Недовольный глотает конец слова — (один из поэтов глянул сурово).

Арчибальд Мекеш крайне удивлен зрелищем.

Вспоминается найденный в Хамадане камень цвета ящерицы и слова, на нем высеченные. И из слов тех: «больше солнца и больше меча».

«Солнце и меч»: здесь безусловно этот круг.

Тишина, и в тишине этой: приглушенная тоска. И вместе — облегчение неясное. Процессия обращается фантастическим видением. Все будто сливаются в единое большое тело. Огромное тело ползет, придавленное мыслью. Солнце нещадно печет. Мечи вот-вот подбросят гроб к солнцу. Сабли блестят на солнце: солнцем клянутся.

Процессия приближается к концу проспекта.

Проспект заполнен массами народа — в ширину и в длину.

Арчибальд Мекеш смотрит на гроб. Что это за шум?! Голова процессии точно столкнулась с чем-то: остановилась, качнулась.

Из узкой улицы выезжает всадник: за ним мальчишки.

«Маркиз Пробка!», «Маркиз Пробка!». Раздается смех, крики.

«Маркиз Пробка» — прозвище. «Кохта» — вот его настоящее имя. На первый взгляд кажется ребенком, играющим в старика: будто заgrimирован. Бритый. (Но бреется от случая к случаю: на щеках — точно иней — следы бороды). Усы франтовато подкручены. Глаза: серые — недоверчивые и насмешливые. На ресницах будто снежинки. Нет: Кохта — старик, но не утратил детской свежести. Лицо хранит огоньки: Кохта молодцевато озирается. На голове — рыжевато-серая папаха, изрядно поношенная. Одет в серую чоху, тоже поношенную. И вроде с чужого плеча... Над ремнем пузырится. Кохта росточком невелик. А чох-то едва до колен достигает. Может, каприз «Намлеви»¹ — (так его иногда называют). Ремень большим кинжалом отягощен. На ремне там и сям — множество кремней, больших и малых. Если не курит — чубук, как пистолет, на боку. Но когда закурит, тогда-то надо посмотреть на его величавый вид. Вокруг слушатели толпятся. Кохта степенно повествует разные истории. Кохта — бывший князь (между нами говоря, он «искатель»). Кохта любит и картишки: особенно — «баккара» — (между нами: кроме «кончинки», он ничего не умеет). В «баккара» Кохта большие деньги просадил. Кохта и женщин любит — (с женщиной он сроду не бывал: это видно). Женщина была русская: графиня белокурая. Из-за женщины Кохта на дуэли дрался. И убил кого-то. Потом его сослали в Сибирь (Кохта с многозначительной улыбкой присовокупит, что тут, дескать, и «политическая» сторона имела место: Кохта либерал). Слушатели все-му этому и еще многому другому верят. Удивительно то, что сам Кохта во все это верит. Кохта за политикой следит. «Как дела на войне, Кохта?» — спрашивают его. Кохта чубучок раскуривает, сплевывает. Лицо его принимает выражение Меттерниха (клянусь вам, это он и не играет, это у него так «выходит»): «должен сказать, что если...» — и тут Кохта встает: плечи расправляет так, будто богатырь хоть куда...

— Маркиз Пробка!.. Маркиз Пробка!
Орут мальчишки. Смех, хохот.

¹ Намлеви — оскребок, остаток (груз.).

Едет Кохта на лошади. Лошадь — кости да кожа. Мальчишки привязали к хвосту лошади большую жестяную банку. Этого Кохта не знает.

В толпе движение.

— Э-ге... Это что еще за пугало?!

— Кохта!.. Маркиз Пробка!.. Не знаешь?!

— А-аа... «Пробка»... где он нашел эту клячу?..

— Верно, из катафалка выпряг... ха-ха-ха!

— Ты смотри, как он в седле сидит!

— Точно Георгий Саакадзе... ха-ха-ха!..

— Тс-с-сс... Тише!..

— Маркиз Пробка!.. Маркиз Пробка!..

Не унимаются мальчишки. Смех — (сейчас — сдерживаемый).

Смех перекидывается и на процессию — незаметно.

Но Кохта невозмутим. Он и «тjапнул» немножко для храбрости; лицо покрасневшее. Поводья держит так, словно сидит на горячем скакуне. Поглядывает сердито на мальчишек. Но те не отстают. Кохта рассекает воздух плетью. Лошадь чуть-чуть продвигается вперед. Жестянка стучает по ногам, лошадь шарахается. Кохта придерживает лошадь. «Маркиз Пробка! Маркиз Пробка!». Ребенок — тот, что идет во главе процессии — внезапно останавливается и тоже кричит: «Маркиз Пробка! Маркиз Пробка!». Неоседланная лошадь пугается, лошадь Кохты — еще более. Она переступает шаг, но спотыкается, неоседланная лошадь вырывается вперед. За ней пускаются другие. Кохта не может удержать свою лошадь, она падает на передние ноги. Кохта сваливается с седла. Смех. В это время гроб резко качнулся. С Кохты спадают брюки (забыл застегнуть: поправляет). Смех, хохот. Гроб еще раз качается, дергается. Лошади шарахаются в разные стороны. «Эй, вы, помогите!» — и участники процессии бросаются к гробу, удерживают. Но смех никто уже не может удержать — (хотя и сжимают губы). Хохот сотрясает процессию.

Фантасмагория?! — думает Мекеш.

Вдруг подбегают поэты.

— В Грузии все должно делаться по-дурацки!

Патетически восклицает один.

— Так было и так и будет!

УДК 82.01
ББК 84.001.01

Продолжает другой.

— Куда девалась эта собачья морда?!

Кричит третий.

Все смотрят на Кохту. Хохот стихает.

Кохта идет по узкой улочке — пешком: лошадь ведет в поводу. Но отчего он прикрывает глаза правой рукой?! Рукавом чохи утирает слезы? Кохта плачет?!

И хохот умирает вмиг. Умирает, прибитый.

У всех одновременно вырывается:

— Бедный Кохта... бедный...

— Поднимите гроб! Продолжайте процессию!..

Кричат поэты.

Процессия направляется к кладбищу.

... ..

У горловины Верийского спуска — мальчишки-газетчики:

— Экстра! Экстра! Экстра!

— Вот этого нам не хватало!

— Заткните этих идиотов!

— Экстра! Экстра! Большевики взяли...

— Дьявол их возьми всех!..

— Экстра! Экстра! Большевики расстреляли...

Разбрасывают депеши.

— Эге!.. Лашхи?..

— Кто?! Не Вамех ли, слушай?!

— Кто знает?!

— Он уехал в Россию...

При упоминании Вамеха все всадники оборачиваются. В глазах: ужас.

Арчибальд взглядывает на всадников. Там он читает свой страх. Страх переходит от одного к другому. Страх кружит в растревоженном теле — во взбудораженном теле процессии.

— Может быть, это не Вамех... Лашхи распространенная фамилия...

— Может быть... Может быть...

Теперь медленно ползет надежда. От одного к другому. Одна надежда подкрепляет другую.

Арчибальд тоже обнадеживает себя.

Процессия продолжает путь.

Арчибальд расходится с процессией.

... ..

Сердце человеческое устроено так: «только бы другой!». Сердце Арчибальда устроено тоже так: «хотя бы оказался другой Лашхи!». Это тоненькая ниточка. На ниточке подвешено сердце — (сердце Мекеша). Сердце боится, как бы ниточка не оборвалась: внизу пропасть. Нет: внизу — желтые уголья. Сердце сгорит.

Арчибальд Мекеш — крепкий Мекеш — наследник Ирубакидзе — нестигаемых Ирубакидзе — Арчибальд Мекеш сломлен.

И цепляется за эту тоненькую ниточку.
(Хотя бы встретить Таба Табай!)

СОЛНЕЧНЫЕ СЛЕДЫ

Мы приходим с солнца
...и на точеных плечах наших,
как клейма, горят следы жгучего
Солнца.

Карду

К дверям отеля подошла деревенская девушка. Голова повязана косынкой. Плечи покрывает шаль. Деревенская девушка высока ростом — хотя и кошки ее без каблуков. Застенчиво, робко входит в гостиницу. В дверях швейцар. Он изучает журнал регистрации, который лежит на столе (похожем более на книжную полку). Швейцар приподнимает голову. Смотрит поверх очков.

— Кого тебе?

— Арчиба... англичанина...

— Белье принесла?

— Какое белье?!

Швейцар приглядывается к деревенской девчонке — (нет, это не прачка).

— Слушай!.. Василий!.. Восьмой номер дома?

Что за номер? Девушка удивлена.

— Нет его... Давеча ушел...

«Нет»: девушка опечалилась...

— Не знаешь, куда ушел?

— Сказал, в театр идет...

— В какой театр?

— В Грузинский...

Девушка стоит молча — (возможно, она и не знает, что такое театр).

— Ушел, ушел в Грузинский театр...

— А где этот театр?

— Ступай направо и там спроси... здесь это, недалеко...

Деревенская девушка обрадована: пока еще чужеземец здесь.

Идет искать театр. Спрашивает, где. Показывают.

Девушка застенчиво входит в здание. Лицо суровое и надменное. Только и суровость, и надменность — с примесью страха.

— Ваш билет!

Спрашивает кто-то.

— Какой билет?!

Девушка в недоумении.

— Чего тебе? Отвечай же!

Спрашивает тот же голос.

— Мне... Арчи... англичанина... видеть его надо...

— Тут не то что англичанина, а и грузина не найдешь!..

Девчонка не уходит. Поток людской нарастает постепенно. Для нее все чужие. Кого-то она замечает — (лица не видно). Бросается вслед. Румянец вспыхивает на лице. Крик — почти вопль:

— Вамех!..

Незнакомец оборачивается. «Нет! Не Вамех...»

Девушка понуряет голову, смущается. Незнакомец останавливается. Смотрит на нее.

— Кто ты?

Она поднимает голову. Только сейчас незнакомец видит ее глаза.

— Мне надо найти англичанина... Его зовут Арчиба...

— Так что же?

— Он здесь... Мне сказали в гостинице...

Незнакомца покоряют глаза.

— Пойдем... Может статься, найдем его...

Девушка идет за ним: покрасневшая, взволнованная. Прохожие пялятся на нее, меряют взглядами. Девушка, точно чужестранная птица, настороженно озирается по сторонам — (ястребу завязывают глаза, чтобы потом, когда снимут повязку, глаза его обрели еще

большую зоркость: взор деревенской девушки (ястребиный взор).

Незнакомец ведет ее за кулисы.

— Подождите здесь...

Она садится в уголке, оробевшая.

Украдкой оглядывает мужчин: «Может, он здесь!.. Может, среди них...» Сердце девушки — не чуда ли ждет?..

За кулисами шум. Поэты и артисты спорят:

— Пантомима готова... но...

— Что значит «но»?!

(Вопрошающий — тот, кто ставит пантомиму).

— Тамар мы нашли. И Медэю. И царицу Кетэван...

— А Святую Нино?!

— Нино не нашли!..

— Что же, в Грузии уже и женщины перевелись?!

— Нет, не перевелись, конечно, но...

— Что «но»?!

— Такой, какую ты хочешь, нет... не нашли.

Приходит кто-то. Приводит женщин.

— Вот, выбирайте из них...

Постановщик разглядывает их.

— Прошу прощения... Эти не подойдут...

(«Прошу прощения» обращено к женщинам).

Женщины уходят.

— Объясни, Бога ради: чего ты хочешь?

— У Нино должны быть высокие бедра... глаза гишеровые... но гишер — который отсвечивает синью... грудь тугая и высокая...

— Что же, разве в Грузии нельзя найти такую?..

— Да не знаю... скольких привели, а ни одна ведь не годилась...

— Неужто красивых не было?

— Их красота — красота византийской Божьей Матери... все они сухие... нет плоти... нет страсти...

— Ну, если ты такую хочешь, ищи среди русских...

— Нет: она обязательно должна быть грузинка!

— Да кто там разберет?!

— Кто разберет?! О нет! Раса исподволь проявляет себя! Сегодня — праздник расы...

Деревенская девушка в уголке — замершая, словно горлица. Прислушивается к разговору. Ничего не понимает — (неужели это ей снится?!).

საქართველოს
ლიტერატურის
ინსტიტუტი

— Тогда не надо Нино...

Говорит один.

— Без Нино я пантомиму не поставлю!

— Послушай, да кто там будет разглядывать синие отблески в гишере!

— Говорю тебе: раса — в невидимых чертах...

Упрямится постановщик.

К поэтам и артистам приближается некто (тот, который привел девушку). Лицо его смеется.

— Неужели столько времени вы не можете найти Нино?!

— Нашли... но ему ни одна не нравится!

— Может, эта деревенская понравится...

Говорит со смехом пришедший.

Все оборачиваются на сидящую в углу: она краснеет. Подходят к ней: она смущена. Ее рассматривают: она горит.

— А ну-ка встань!

Она встает. Лицо: суровое и надменное. Страха теперь незаметно. Только пылание.

Взоры обшаривающие.

— Ладная фигура...

Деревенская девушка прокликает себя: — зачем она очутилась здесь!

— Снимите с нее косынку! И шаль уберите!

Девушке кажется: ее раздевают. Все тело — как горящие уголья... Но — ни одной слезинки в глазах. Она закрывает глаза рукой.

— Не стесняйся... Опусть руку...

Она опускает руку. Опускает голову. Смотрит исподлобья.

— Это она!.. Настоящая Нино! Уведите ее...

Говорит постановщик.

— А вдруг она не сможет выучить?!

— Что там выучивать?! Ей достаточно лишь появиться!

Деревенскую девушку уводят.

... ..

В зрительном зале сидит Арчибальд Мекеш. Зал полон народу.

На сцене идет мимодрама — (местами вкраплена и речь) — «Цотнэ Дадзани». Шаншэ. Эгарслан. Варам

Гагели. Кваркварэ. Купро Шотай. Саргис Тмогвели. Эретцы. Кахетинцы. Гамрекели из Торэ. Месхи. Таойцы. Заговорщики — перед шатрами нойонов. Ожидают казни. Идут исполнители приказа нойонов. Заговорщиков уводят. Их должны раздеть догола. Затем вывести на солнцепек. В это время входит некто высокий и сбрасывает с себя одежды. «Кто это?» — «Даднани Цотнэ»; — «Чего он хочет?» — «Чтоб и его казнили». — «За что?» — «Он тоже был с заговорщиками». Нойоны удивляются — (монголы любят правду). Отменяют казнь. Заговорщики радуются. Обнимают Цотнэ.

Зал — взволнованное сердце. Глаза скрывают слезы.

Среди сердец и сердце Арчибальда.

Среди других глаз и глаза Арчибальда. Всколыхнулся хребет рода. Издалека светят лица Ирубакидзе. Правда Солнца — рыцарственность сабли: поднимаются в сердце. Глаза уже не могут сдержать слез. Арчибальд Мекеш более не принадлежит самому себе: его увлекает нахлынувший поток. Волна теряется (теряется?!) в океане.

За мимодрамой следуют другие сцены: обломки расы.

Стремительность гурийцев и их звонкая песня (подобной не знает мир). Изящество движений и вкрадчивый взор мегрелов (несущий в себе ароматы морских берегов). Узловатые мускулы сванов и гимн «Лиле» (который — солнце, пораженное мечом). Буйволиное упорство и откровенность картлийцев (которая — знак силы или стойкости). Пляска кахетинцев и сабля (которые — сам праздник), поэтические состязания пшавов (явившие Важа). Фехтование хевсуров (которое испытывает бесстрашного борца). Изысканность и степенность расы имеров (спорящие со всеми расами).

Арчибальд Мекеш не принадлежит себе. Он принадлежит всем: всем здесь находящимся. Все — братья его. Собрание братьев влечет его к далеким корням. Мекеш в тумане. Он забывает обо всем. Он помнит об одном: камень цвета ящерицы, найденный в Хамадане. О-оо! Вот когда понимает он загадочные слова, на нем высеченные:

**...Брата моего небывшего
как любить мне**

больше солнца
и больше меча —
ибо был он
двойник мой.

... ..

Праздник переносится в концертный зал.

В артистической уборной сидит деревенская девушка, одетая Нино.

Ждет она — Арчибальда. Неужто не нашли его за столько времени?

— Не нашли?!

Опечаленная, спрашивает она того, кто привел ее сюда.

— Мне сказали: он здесь... не бойся... найдем...

— А если не найдете?

— Как не найдем?!. А какое дело у тебя к нему?

— Я хочу расспросить его о моем брате...

— А кто такой твой брат? Он в Англии был, что ли?..

Деревенская девушка понуряет голову. Вопросившего кто-то зовет. Он уходит. Девушка успокаивается.

Поэты и артисты собираются в кабаре.

Зал полон столиков. За одним столиком, близко к эстраде, сидит Арчибальд Мекеш. Он в одиночестве.

Яства, питье — в изобилии, как водится за грузинским столом. «Стол — тоже признак расы, — говорит один поэт. Струнный оркестр. Застолье. Грузинский пир (и это тоже — признак расы?).

На эстраде: то поэт — то артист.

Имена возвещает киноэкран.

Конферансье — высокий, крепкий поэт: в глазах которого — душа его раскрыта. Поэт позабыл, что в мире говорят языком прозы. Он бросает рифмы, как игрок в нарды — кости — («ду шаш»¹ выпадает постоянно).

Арчибальд Мекеш пьянеет: то ли от вина, то ли от атмосферы. Больше — от последнего. Рядом с ним — столик. За столиком сидит красивая женщина — (белокурая, русская). С женщиной — грузин, подтянутый молодецкато. Арчибальд Мекеш время от времени взгля-

¹ Ду шаш (или ду шеш) — максимальное количество очков при игре в нарды.

дывает на женщину. Ей нравится его открытое лицо. Но «молодцеватому» не нравится. Арчибальд не замечает этого. Разве понять «молодцеватому» его вольный дух?

Арчибальд Мекеш временами бледнеет: точно странную тень замечает. «Вамех»... Где он нынче?! Как украсил бы он этот праздник! Что если... Нет! Невозможно!.. Мекеш прикусывает... укус мысли. Лицо его белеет. «Молодцеватый» истолковывает это иначе: как гнев соперника. Откуда знать «молодцеватому» причину его бледности!..

На эстраде — парение, и сама она воспаряет.

Артист сменяет артиста. Поэт — поэта.

Выходит один поэт. «Смерть Иррубакидзе», — произносит он тихим голосом.

(Иррубакидзе?! «Некто» привстал с кресла).

Поэт останавливается. Окидывает взглядом публику: точно факир. Бледнеет. Закусывает уголок губы. Висок как молнией ожигает.

(Висок сам — молния).

Поэт начинает. Стих — как Буцефал. Поэт — как Александр, который укрощает дикого жеребца.

«Некто» самозабвенно внемлет поэту. Кажется, у мускулов появились уши. В мускулы вливаются слова. Слова — слитки металла. «Падение сабли и раскалывание ее надвое»... «выход на балкон»... «лошадь, оборвавшая привязь, понеслась»... «красавица-наложница скачет вслед и заарканивает лошадь»... «вскочила на лошадь и помчалась ветром»... «сине-зеленое поле кукурузное и потоки пурпура»... и многое, многое другое... «Некто» замер: все тело его — оркестр: кто дирижирует этим оркестром? Он не знает. Ничего он не знает... знает одно лишь: нет! — вспоминает: завещанный отцом пергамент. Но откуда поэт про это знает?! «Некто» воспаряет ввысь. Внемлет поэту — (или самому себе?). Поэт продолжает. Внезапно слово — точно удар сабли и преломление ее пополам: «Умирает Иррубакидзе»...

— Он не умрет!

Кричит, вскакивая с места, «некто».

Кто это? Умалишенный какой-то!.. Поэт умолкает. Оглядывает зал.

— Иррубакидзе — это я!

Воскликает молодой человек. Он смотрит в пространство — будто впрямь умалишенный.

Приглушенный ропот. Поэт, не закончив чтения, убегает.

«Молодцеватый» — друг поэта. Он воспринимает это как оскорбление, что ли? Он вскакивает и замахивается на Мекеша. Мекеш молниеносным движением отражает удар. Затем обеими руками схватывает его и поднимает в воздух. Еще немного — и «молодцеватый» будет брошен наземь. Но внезапно Мекеш смягчается. Опускает «молодцеватого». Закладывает руки за спину и, опустив голову, стоит, как бы ожидая удара.

«Молодцеватый» отступает, пораженный.

Шум переходит в молчание.

Прибегает поэт — (конференсье). Два слова говорит Мекешу, три — «молодцеватому». Пяти слов достаточно, чтобы инцидент был исчерпан.

Мекеш — сейчас пристыженный — рассматривает поэта. На кого он похож, интересно? Знакомая непосредственность, знакомая легкость...

Поэта умоляют: чтобы он прочел стихотворение снова. Поэт непреклонен. «Ни за что!» — говорит он.

Мекеш рассматривает конференсье. В его глазах он будто увидал кого-то — и опирается на стол, понурившись. Потом выпрямляется и застывает в неподвижности. Поэта уже не видно.

Арчибальду Мекешу вновь вспоминается слово, высеченное на камне цвета ящерицы: слово — о «брате». Сейчас «брат» ударяет его (ведь замахнулся?!). Боль корней. Но — не обида: ни капли!

Мекеш, замерев, прислушивается к боли.

... ..

Над эстрадой — на киноэкране — возникают имена:

Нино — Кетэван — Тамар — Медэя: пантомима.

— Да что ж это, сударь, все Нино да Тамар!..

Шепчет кто-то.

— Или других женщин нет, перевелись все?!

Поддерживает второй.

Одна группа улыбается. Но на эстраду уже вышла женщина. На экране возникают буквы: Кетэван. Улыбки гаснут. Лицо женщины: словно готово принять муку. Зал замер — и что-то пронзительное пробегает по рядам.

Выходит вторая. На полотне экрана: Медэя.

04135340

20200110133

— А это кто?!

Спрашивает один.

— Не все ли равно: кто?!

Женщина — красота и гнев Колхиды. Амазонка — плящущая на острие меча. Если разъярится — каленым железом выжжет себе грудь. Если будет мстить — задушит собственного ребенка.

— Очень уж красива!..

Говорит один.

— Сердитая чего-то...

Отзывается другой.

— Такой только попадись в руки...

— Тогда — держись!..

Шепот стихает. Выходит третья.

Здесь уже ни к чему буквы на полотне. Зал встает и кричит: Тамааар!

Такие ресницы только у Тамар.

Зал садится. Выходит четвертая. Экран объявляет: Нино.

Зал взрывается аплодисментами. Перед зрителями стоит языческая дева, чья раса — драгоценный камень, омытый прозрачными струями источника. Кровь чистая и несмешанная. Таковы были, вероятно, дочери картлийских племен, впервые выбежавшие на берег Черного моря. Зал гремит, рушится от рукоплесканий.

«Нино» смущается: она не знает, что ей делать.

Арчибальд не в силах оторвать глаз. Не «она» ли?! Нет. Как она могла попасть сюда?! Грузинские женщины похожи друг на друга. Но перед глазами все-таки «она». Ведь и он назвал ее «Нино»? — там, в Саирме. На закате желтое пламя стихает. Горы Саирме в тот час одеваются в лиловые одежды. Из лиловых одежд проглядывает синий глаз — камень драгоценный, в зрачке которого остается осколок солнца.

«Нино» горит. Она дика. Она не знает пантомимы. Она повторяет движения других, как сомнамбула. Порой бросает взгляд в зал, но ничего не видит. Вдруг глаз схватывает столик: который возле эстрады. Но отчего у сидящего за тем столиком лишь половина очков? Она в жизни не видела подобного! Незнакомец отнимает от глаза монокль и опять смотрит на нее. «Нино» идет за другими женщинами. Проходит по краю рампы. Еще

раз взглядывает в зал — и внезапно спрыгивает с эстрады.

— Арчиба... Арчиба!

— Матаси! Матаси!..

Матаси падает на колени и обнимает его колени.

Арчибальд поднимает ее.

Шум. Ропот. Изумление.

— Где Вамех?! Где находится Вамех?!

Арчибальд видит глаза Матаси. Как он может обмануть эти глаза?! Арчибальд теряется. Матаси его молчание сводит с ума.

— Где он?! Скажите мне!.. Вы знаете это!

Арчибальд знает. Но он знает и другую правду: более высокую. Этим глазам ничего больше сказать он не может:

— Вамех в Персии...

— В Персии?! Так значит, он не в России... его не расстреляли!..

— Нет. Успокойтесь.

— Вамех... Вамех... Вамех...

И, будто нашла Вамеха, обнимает Арчибальда.

Лицо Матаси орошено слезами.

Арчибальд сдерживает слезы.

Оба покидают зал.

... ..

Праздник полнится, как азарпешни.

Кто осушит их?

... ..

— Как мама-Нино?

— Спасибо... хорошо...

— А дедушка Саридан?

— И он тоже...

Арчибальд провожает Матаси. Улица пуста.

— Вы ведь приедете к нам?

— Куда?

— В деревню...

— Приеду...

— Приезжайте вместе с Вамехом...

— Приеду.

Матаси радуется. Арчибальд скрывает боль.

Они идут по Верийскому мосту. Но кто это?!

— Сэр Арчибальд?!

— Табай хан!..

Персиянин — то ли индус — то ли египтянин пристально смотрит на Матаси.

— Познакомьтесь: сестра Вамеха...

— О-о, Вамеха?! Где он сейчас?

— Я расскажу вам позже...

Арчибальд уже не в силах скрывать боль. Хорошо, что сейчас ночь.

Еще лучше, что Матаси не знает английского.

При упоминании имени Вамеха Матаси встрепенулась.

Подозрительно глядит на незнакомца.

Провожают Матаси.

— Так значит, непременно приедете?

— Непременно...

— Вместе с Вамехом?

— Вместе с ним.

Прощаются. Она протягивает им руку...

...Матаси уже не видать.

В правой руке Арчибальда осталось что-то жаркое и сухое: трепет руки Матаси — как трепет запутавшегося в сети ястреба.

ВАМЕХ

«Братское утешение» ярко освещено. Оркестр сотрясает воздух. Кого только тут нет?! Грузин. Армянин. Татарин. Осетин. Еврей. Поляк. Эстонец. Литовец. Русский офицер. Полковники. «Земгусары». Хаки. Шинели. Погоны различнейшие. И — целый рой сестер милосердия и свора офицерских жен. Содержанки-демимонд. Папиросный дым. Кофе и коньяк. «Кахетинское». Шум. Гам. Кутеж. Веселье. Новый романс. Какой-то тенор: «земгусар». Какой-то баритон: тоже «земгусар». Женщины возбужденные и мужчины воспламененные. Тут и там в глазах — мерцанье сифилиса. Истерия и вакханалия. У стойки — стареющие дамы, которые вспоминают былую свою красоту. Вокруг столиков роятся юные девицы: «первый выход» испытывается здесь...

В углу сидит незнакомец. Всегда сидит он за этим столиком. Здесь это знают, и столик всегда считается занятым. Незнакомец не обращается к девицам с заказом. Они знают и это. Подают ему: крепкий черный кофе и коньяк. Вчера было так... Сегодня тоже так. И завтра будет так. Незнакомец ни на кого не смотрит: взгляд — ни на что. Не шелохнется. Лишь изредка закурит сигару. Вокруг шепчутся:

— Кто он?

— Быть может, англичанин...

— Похож и на испанца...

— Вроде облик грузина...

— Может, он и понимает по-грузински...

— Да что ты?

Незнакомец будто бы не слышит ничего.

Оркестр уже не играет. На эстраде сменяют друг друга поэты. Читают стихи: так, словно сражаются с врагом. Несомненно они потомки воинов. О чем только не читают: о луне. Об иверийской деве. О соловье. О Дионисе. Еще о чем?! Состязаются друг с другом рифмами. Ассонансами — на дуэль вызывают. Возбуждают всё. А их самих возбуждают аплодисменты: как ласка — амазонок.

Кто-то просовывает голову в дверь. Голова трясется и дергается. Волосы еще не знали ножниц. В глазах — глаза, что две осы — светится фосфор: пьянства ли, безумия ли — или и того, и другого вместе... Голова орет:

В магазинах трехэтажных
продаются трикотажные...

Столики хихикают:

— Вот это поэт что надо!..

— Таких ассонансов и на нашей эстраде мало!

Просунутая в дверь голова смелеет:

Сегодня авиатор
Похитил Травиату...

Столики в восторге:

— Вот это поэт!

— Пустите его на эстраду!

Голова продолжает орать:
— Орааанг — утаанг...
— Вот это созвучие для стиха!..

Голова вкатывается.

Протягивают еду. Питье. Вино.

Ему ничего не нужно. Нужна только водка. Один стакан водки. Подносят. Руки начинают дрожать. Он смотрит на полный стакан. Такой мути не было, наверное, и в глазах Пьяницы Артура Рэмбо. Рука дрожит. Губы — еще сильнее. Радость?! Если бы он знал, что это такое — он был бы счастлив. Но он будет счастлив! — он знает. Опрокидывает стакан. Осушает единым духом. Будто весь мир узрел — разом. Стакан водки — мир. Он выходит. Незнакомец в его выпученных глазах уловил взор висельника — там, в Месопотамии увиденного...

Снова оркестр...

— Пречиистая спасиии...

Эти, верно, с берегов Волги. Мужчина и женщина. Глаза у обоих высохшие. Голос женщины: визгливый. Голос мужчины: голос швейцара с большого вокзала. Они идут. Откуда и куда?! Знают ли сами?..

— Спаасиии!..

— Их только нам не хватало...

— Подожди, еще не то будет...

(Столики обладают даром предвидения).

— Новый романс!.. Новый!

— Обязательно! Разве нужно просить?

«Земгусар» на эстраде поправляет воротничок.

Гордая прелесть осанки,

Страстная нега очей...

А на улице:

— Экстра! Экстра!..

— Брестский мир!

— Большевики отдали...

— Карс... Ардаган... Батоми¹...

— Закавказское правительство готовится...

— Экстра!.. Экстра!..

Столики зашевелились.

— Какое они имеют право заключать мир!..

— Мы им покажем мир!..

¹ Старогрузинская огласовка, ныне — Батуми.

- Вот ужo приберем их к рукам...
 - Романс!.. Романс!..
 - Э-э, всего лучше — романс!..
- «Земгусар» продолжает:

Все это есть у испанки,
Дочери южных ночей...

Девицы тают --- те, которые мельтешат вокруг столиков.

Незнакомец сидит неподвижно.

Часто бывает: идешь лесом. Ночь безлунная. Вверху—звезды, и внизу — лесная чаща. Тишина: которая переносит человека вдаль. Слух обостряется. Слышится звон цикад. Словно мгновения вечности текут. Прислушивание к безмолвию.

Незнакомец тоже словно бы в лесу. Шум кафе — как стрекот цикад. Мыслями он унесся далеко-далеко. Вокруг — будто океан, и в океане одна, лишь мысль молчаливой струей: «Возможно!». Крики вездесущих мальчишек-газетчиков отрезвляют его. Он покупает газету. Читает. О «тех» событиях — ни слова. Но что зачеркнет «те» события?! Расстрел на вокзале. Среди фамилий расстрелянных — знакомая фамилия. Неужели это «он»?! Неужели с «ним» была и «она»?! Нет! Невозможно! Мысли становятся злее. А если мир переворачивается?! «Пусть его, переворачивается, только...»

Вот это «только»! Таинственнейшее слово из всех.

Муравей ползет. Буйвол наступает копытом и раздавливает муравья. Буйвол не видит, что раздавил его. Земля сотрясается и рушит гору. Земля не видит, что она разрушила гору. Планета сталкивается с планетой и раздавливает Землю. Планеты не замечают, что погубили Землю. Но где тот, что разрушит все и сам останется целым? Нет его?! Значит, все подвержено разрушению: ничего не остается! Но ведь сердце говорит другое, сердце не смиряется с «ничем». Сердце живо только тем, что «что-то есть». Пусть это «что-то» будет крошечным муравьем: для сердца муравей — целый мир. Раздавится муравей — сердце изойдет кровью.

— Экстра! Экстра! Экстра!..

Опять эти мальчишки, газетчики!

— Революция побеждает!

— Большевики разбили!..

— Большевики расстреляли!..

Мозг незнакомца — прожигается каленым железом.

Пусть ее, побеждает: но кто «его» спасет?..

Что возвратит утраченное?!

... ..

— Экстра! Экстра! Экстра!

— Уши прожужжали эти мальчишки, ей-Богу!..

Дверь открывается. Входят: мужчина и женщина. Столики вспыхивают. Некоторые из сидящих вскакивают с мест.

— Вамех! Вамех! Вамех!

Бросаются к нему, каждый стремится обнять: но разве Аллан кого-нибудь подпустит! Дог сам обнимает молодого человека. Потом бросается к женщине: и ее обнимает. Арчибальд встает.

Столики кричат наперебой:

— Вамех, ты спасся?!

— Мы думали, тебя расстреляли!..

— В тех депешах упоминалась и твоя фамилия...

— Расстреляли моего однофамильца...

— Поздравляем тебя со спасением!

У всех в кафе одно слово на устах — «Вамех». Такая встреча — словно все это время лишь одна забота мучала всех. Веселье на лицах — правда веселье. На сияющих лицах — радость. Особенно радуется высокий поэт: который не дает двинуться Вамеху. Вамех видит Арчибальда. Ольга уже сидит с ним рядом. Вамех подходит к ним.

— Арчи!

— Вамех!

Братское объятие — переплетенье шей.

Ольга сбрасывает кожаный френч. Кладет на стул шоферскую фуражку. Столики теперь уставились на нее. Ее рыжие волосы встрепаны. На лице: ветер и пыль. Но один взгляд в сторону — и столики поворачиваются к женщине перпендикулярно. Грудь?! С такой силой дышит, пожалуй, только зверь.

— Оркестр! Оркестр!

Арчибальд будто выходит из пещеры, где было одиночество мрачное и — скорпионы. Видит расстилающийся простор: будто из-под сени больших орехов. На зелень травы проливается золото солнца. В золоте лучей — пылающее тело женщины...

Сердце Арчибальда колотится: спаслось от удушья!

— Ольга!..

Изумрудные листья влажнеют, поблескивая

Юноша вдыхает пьянящие ароматы вольных просторов, что реют в глазах женщины.

Рядом опять крики:

— Оркестр! Оркестр!..

Но еще не родился оркестр: который выразит эту радость.

(Это думает Арчибальд).

Веселье нарастает.

— Вамех!.. Здесь была Матаси...

Внезапно говорит он другу с улыбкой.

— Матаси?! Здесь?.. Чего она хотела?

Вамех сейчас — сабля, из ножен выхваченная.

Арчибальд рассказывает ему о Матаси.

Вамех вскакивает. Убегает.

— Я сейчас... надо отправить депешу...

Только Аллан удивляется его побегу.

СКИФСКАЯ МЕНАДА

Сердце, бьющееся сильно...

Гомер

Что происходит с Ольгой?

Арчибальду вспоминается вчерашняя сцена.

— Арчи!.. Как прекрасна Юдифь, когда она отсекает голову Олоферну: верно, насытилась его кровью...

— С чего ты вспомнила?

— Арчи!.. Если бы у Юдифи был жених... единственный...

— Ну и что же?

— Как бы он принял ее обратно?

— Как принесшую себя в жертву Израилю, освободившую свой народ от тирана...

— Но если тиран познал ее?..

— Об этом жених должен был забыть...

— «Должен был»? Ты так думаешь?

— Я так думаю...

საქართველოს
რეპუბლიკის
საქართველოს

— А если бы Юдифь не убила Олоферна?! Не смогла бы?..

— И в том случае тоже... но...

— Но в том случае забыть было бы трудно, да?..

— Да, я тоже так думаю...

— А если бы Юдифь понесла от Олоферна?

— ?! ?! ?!

— И не смогла бы извергнуть его семя?

— ?! ?! ?!

Арчибальду вспоминается блуждающий взор Ольги и то, как замер он сам, точно объятый страхом.

Арчибальду и другое вспоминается.

Как раненая пантера, срывается женщина с места и бросается к букету цветов. Вдыхает их аромат — как зверь, что припадает к источнику. Потом — руки ее обезумели, что ли?! — мнет и терзает цветы.

— Ольга! Что с тобой?! Ведь эти цветы подарил тебе Вамех? Ольга! Ольга!

Она падает. Потом собирает цветы, целует их. Потом бросается к Арчибальду. Обвивает его шею руками. Это пальцы ее так горестно плачут...

— Арчи! Арчи!.. Арчи!..

— Ольга! Что с тобой происходит?!

Что происходит с Ольгой?!

Россия взбунтовалась... Может, это и есть причина ее смятения? Тысяча несчастий, тысяча горестей... Но Олоферн?! С чего она вспомнила библейскую историю? Нет, здесь что-то кроется... какая-то тайна... Ольга откроет ему эту тайну... Ольга ничего не утаит от Арчибальда... Но эти цветы — измятые, искромсанные?! Подаренные Вамехом... А потом — как она целовала эти цветы... И после — слезы, слезы... Что все это значит?! Тоненькая иголочка кольнула мозг и тотчас исчезла. Вамех?! Поверить ли?! Нет!.. Нет! Пусть лучше сгинет весь мир!

Арчибальд прокликает подозрение.

.. ...

Что происходит с Ольгой?!

Арчибальд не знает.

Когда приближался Дионис, — женский хор наполнялся его близостью, как пересохшее лоно ручья. А когда он уже приходил?! Тогда ручей разливался, пе-

реполняясь. Женщины, хмелея от близости божества, самозабвенно предавались восторгу и упоению. Но упоение пронзало что-то обжигающее и сладостное. И толпа женщин неслась к Дионису с криками: Эвоэ! Эвоэ!

Ольга тоже обезумевшая менада? И она встречается с Дионисом? Или ждет его — «освободителя»?! Но где он?! Кто «освободит» женщину? Глаза Ольги расширяются: зрачков не видать: исчезают в затуманенной сини... Глаза видят что-то, расширенные...

Ольга видит:

Равнины. Равнины. Равнины. Затерянная станция среди равнин. Никто не знает, кто владеет сейчас станцией: красные или белые... Или зеленые. Выжженная окрестность, дикие просторы.

Поезд останавливают.

Ольга и Вамех спрыгивают.

Их ведут. Какой-то тип жадно смотрит на бедра Ольги и глотает слюни. Вамех замечает это.

— Ольга! Обезобразьте свою фигуру! Вы ведь знаете: она возбуждает всех... Видите того человека?

— Вижу... Но как еще мне обезобразиться?..

На голове ее: выцветшая шоферская фуражка, напыленная по самые глаза. Стан скрывает вымаранный сажей, грязный желтый френч и под ним — черное латаное платье. На ногах: грубые мужские сапоги.

Вамех улыбается:

— Все же...

Кто-то приближается. «Тот» самый, который нагло пялился.

Обращается к женщине:

— Вы должны здесь остаться...

— То есть как это?..

— И ваш спутник тоже...

— Зачем?!

— Надо выяснить ваши личности...

Поезд уходит.

Выжженная окрестность еще более выжжена. Меланхолия пространства становится острее. Бродят солдаты в драных шинелях и лузгают семечки. Ольга смотрит на идущего издали Вамеха. Солдаты оживляются. Смешки. Хихиканье. Вамех суровее. Куча солдат приближается к станции. Вдруг раздается:

— Ух ты, грузо голопятый!

Вамех не дает им договорить.
Швыряет наземь одного. Другого. Третьего. Четвер-
того. Но что сделаешь с ружьями?! Появляется начальник
ник.

— Стой! Отставить!

Ружья опускаются дулами вниз. «Некто» уводит Ва-
меха.

Вечером к Ольге приходит «некто».

— Ваш спутник кажется мне подозрительным...

— Как?

— Да и кроме того: он оскорбил солдат своими
действиями. Солдаты требуют его расстрела.

— Что вы говорите?!

— Я не могу препятствовать их требованию.

— Бога ради!

Молчание на миг. Глаза.

— Ну разве что ради вас...

— Что вы?!

— Условие — одна ночь...

— Вы что, сошли с ума?!

— А потом я помогу вам бежать... обоим....

— Вы сошли с ума!!

— Другого выбора нет.

Женщина бросается ему в ноги. Обнимает его коле-
ни с рыданиями:

— Все что угодно... все... кроме этого...

— Только «это» и ничего другого.

— Умоляю вас!!!

— Даю три часа сроку... подумайте...

— Умо...ляю... все, все... кроме...

«Его» уже не видно.

Почему мир обезумел?! Куда несется пространст-
во? Женщина валяется ничком на полу... Расстрелять
Вамеха?! Нет!.. Нет... Но Арчи?! Нет! Нет! Нет!.. Жерт-
ва величайшая?! Да, пусть так — если это спасет его...
Чей-то шепот: «одна ночь» — как сон... Сердце разры-
вается, испепеляется... Где же время?!

Дверь отворяется.

— Вы готовы?

Женщина безмолвно следует за ним.

(Ольга вскакивает... точно стремится прогнать ви-
дения. Но тени преследуют ее неотступно).

Проклятая ночь: выпавшая из Времени ночь. При-

косновение: как прикосновение тысяченожки. Поцелуй: как жабья слизь. О-о! больше невмочь!

Ольга резко вскакивает... Расширенные глаза словно смотрят на призрак. Призрак — из угла:

— Одна ночь — это сон... Смоется... Вода нахлынет и вымоет из памяти... Ничего не останется... Плод? Для этого существует врач... Извлекут и выбросят... Оскверненная женственность?! Но ведь это было насилие!.. Если женская грудь не раскрылась навстречу мужчине, как цветы — навстречу солнцу, мужчина не достигнет женщины... Твоя женственность осталась нетронутой... Арчибальд?! Арчибальд не похож ни на кого!.. Он другой!.. Он все поймет... И не вспомнит?.. Он убьет воспоминание... безусловно... А ведь он вздрогнул при упоминании Олоферна... Естественно. Но он мужчина: он убьет память...

«Но ведь я-то не смогу убить...»

Ольга опять вскакивает. Призрак исчез.

Из окна виднеется Кашветская церковь. Тоже дева.

Ольга выбегает из гостиницы.

Входит в церковь. Становится перед ликом Богоматери... Сейчас вся она — сплошное сердце... Слова рождаются и исчезают... Нет: Ты — женщина... Ты — поймешь... Что для мужчины плод?! Ничто... Случайное «освобождение»... Для женщины?.. Для женщины — кровь... и плоть. Но плод насильника?! И его плод — кровь... Но гнойная... И тоже плоть. Но — тронутая гнилью... Выбросить его? Но ведь плод прирос к лону... И если выбросить его, лоно уязвится?! Значит, грязь?.. Пусть остается?! О, Мать Божия!! Оскверненное лоно!.. Оскверненное. Слова рождаются и задыхаются произнесенными... Она озирается по сторонам... Люди кругом... О, хотя бы не было здесь людей!.. Она бы бросилась на пол... Кричала бы криком, голосила... И Великая Мать призрела бы на нее... А теперь?.. Теперь слышны лишь слова, приглушенные: оскверненное чрево... оскверненное лоно...

Выбегает из церкви. Мысли — каленое железо.

Нет! Значит, это моя участь... Хотя бы Арчибальд был плохим, дурным!.. Хоть немножко!.. Тогда бы мне легче было это переварить... Нет... пусть будет таким какой есть... хорошим... Сердце не умрет... Все подвержено смерти... сердце не умирает... Оно перестанет бить-

ся—но обратится незримой сетью... в сети будет второе сердце: оставшееся... А если и оно разорвется?! Запутается в сети... Все равно, так будет лучше... Смерть?! Это просто страх... и ничего больше... Тот, кто не боится поднятия занавеса — тот бессмертен... У кого дрогнет рука, поднимающая занавес, — тот лишь взглянет на Ничто и исчезнет сам.

Она входит в комнату. Что-то готовит... Сейчас она почти спокойна. Пишет... Смотрит на деву Кашвети... или сжалиться ее просит?.. Кашвети сжалится... Решение: жестокое и непреклонное...

... ..

Одно лишь имя на устах осталось:
«Арчи... бальд»...

... ..

Что происходит с Ольгой?!

Арчибальд не знает. Да и кто знает?!

Аллан поеживается, потягивается: словно бы дурной сон ему видится... Вскакивает вдруг... лает... Да что это с ним?! Он открывает дверь Аллану... Аллан прыжками бежит к комнате Ольги... Лает... Никто не открывает... Арчибальд подходит к дверям... Стучится... Ответа нет...

Он ломает дверь...

... ..

На тахте расprostерта женщина. На глазах — два лепестка фиалки. Волосы разметались по подушке застывшими солнечными потоками. На лице: спокойствие последнее. Ни обиды. Ни смятения. Ни спешки. Ни желаний — ни стремления. Одна лишь маленькая просьба: простить этот поступок. На груди осталась лежать фотография молодого человека. Правая рука бессильно свесилась. Свесилась, выронив письмо.

Остановилось сердце: «бьющееся сильно». Никогда не встрепенется. Никогда?! Сердце всегда живет в другом сердце. С умершим сердцем сейчас другое сердце: проникло в него. Но ведь и это сердце выпало из своего гнезда.

Случается, в океане моряки вытащат на борт акулу. Вырежут сердце и акулу без сердца

бросают обратно в океан. Сердце продолжает биться. Его кидают на палубу. Сердце бьется о поручни. Его выбрасывают в океан. Сердце плывет обезумевшей рыбой: ищет гнездо, из которого его вырвали. Но выпотрошенную акулу уже сожрали другие рыбы. Тогда еще раз вскинется выброшенное сердце: но кто отзовется на его зов?! Сердце взбухнет напоследок: чтобы разом опасть навсегда.

Это сердце — сердце Арчибальда.

И его сердце — вырванное из гнезда.

Аллаң скулит.

В записке — отрывистые слова: как озябшие пичужки в морозную ночь. «Кто смирится с плодом насильника?!» «Каленым железом выжжено лоно...» «Кто преодолевает непреодолимое: кто предаст забвению клеймскверны?» «Какому мужчине не отравит оно память?» «Кто вытравит тень третьего, вставшего между двумя?!» «Никто из смертных»... «Ни одна женщина...» «Лучше смерть»...

Я преодолел бы непреодолимое!

Это крик оставшегося сердца. Но его крик не догонит уже то, первое сердце.

Рыдание приглушенное.

Саул! Саул! Лира Давидова не утешит сегодня тебя!!

... ..

Сейчас их двое: Арчибальд и Вамех. И Аллан с ними. Нет: их четверо: остановившееся сердце тоже с ними.

— Читай!

Шепотом велит один.

Второй берет записку.

Губы деревенеют... «Как могла я отдать им Вамеха?! Я предпочла принести в жертву свою «одну ночь»...

— Отчего не расстреляли меня, несчастного!..

Молодой человек, рыдая, бросается на пол перед тахтой.

Теперь — глухие стенания двоих.

Нет! И Аллан скулит.

Саул! Саул! Кто утешит тебя!..

... ..

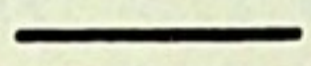
Ночью несут закрытый гроб. За гробом идут: Арчибальд и Вамех. И Таба Табай с ними. И Аллан. Несут — не душу: материю. Так они идут: опустив головы. В полном безмолвии. Боятся взглянуть друг на друга.

Порой кто-то один пошатнется. Рука другого тотчас поддержит.

Идут. Несут.

Так на расстрел идут.

Шаги их надрывают душу земле.

ОТЕЦ

ЗМЕЯ МЕНЯЕТ КОЖУ

Дедушка Саридан греется на солнце. Горячо весеннее солнце на склонах Персати. Кости стынют у дедушки Саридана. Сколько весен видел старик? Вспоминает и не может сосчитать. Память перескакивает с одного на другое. Весна во все возрасты одинакова — (так думается старику).

Трава поднимается — растет на глазах. Почки точно пополам разделяются: сердцевину хотят вывернуть свою что ли. Стебель наливаются силой, колышась тихо. Побег зреет, и ворсинки зеленые играют с солнечными зернами. Ветка соперничает с веткой — стремится стать деревом. Лист уплотняется, толстеет и по листу ползет червячок, извиваясь лениво — (и он, верно, толстеет). Долина налилась вешнею силой и сыто потягивается. Само солнце нежится, лениво потягиваясь.

И дедушка Саридан нежится. Та же весна — думает он (что была прошлым годом — позапрошлым — позапозапрошлым—и еще поза-... поза-... поза-...). Та же — но!.. Мысль старика что-то укалывает-кусает. Смотрит в сторону: поодаль Вамех укрощает необъезженного жеребца. Жеребец привязан к дереву. Вамех щеткой вычесывает зимнюю шерсть. Жеребец ржет, играет: то на дыбы встанет, то лягнет копытом. Но Вамех и дикого коня укротит: ловок он и силен — (думает про себя

Дедушка Саридан). Что-то укалывает-кусают его мысли: та же весна — но... Будь проклята старость: разве может Саридан укротить жеребца — теперь?! Старик подходит поближе к Вамеху: нравится ему внук

— Вамех! А Матаси где?

— По воду пошла... Вон, возвращается она!..

Саридан ладонью заслоняет глаза от солнца и смотрит в противоположную сторону. Матаси несет на плечах кувшин, полный ключевой воды. И сама она полна (чем? весной?). Платье понизу вымокло и липнет к бедрам. Высокие бедра чуть-чуть раздалились — (и здесь — весна?!).

— Матаси!

— Да, дедушка!

— Напой меня, деточка!

— Пей, дедушка!

Матаси подает старику кувшин. Он отпивает — («а-ах, какая холодная!»). Матаси принимает кувшин. Старик смотрит в сторону виноградника.

— Кто это такие, деточка?

— Гости...

Арчибальд и Таба Табай спускаются по тропе к винограднику.

— Гости...

Повторяет про себя старик. Глаза его не видят?! Будь проклята старость! Саридан смотрит вслед удаляющейся Матаси. И Арчибальд смотрит ей вслед. Его взгляд Матаси чувствует. Оправляет платье. Но платье опять липнет. Бедра заметно налитые. Арчибальд не может отвести взгляд (на что он смотрит?!). Где-то в глубине что-то заиграло: как исток родника в пересохшем лоне забил. Матаси прикрывает лицо головным платком (зарделось ли румянцем лицо?). Идет смущенная. Несет полный кувшин. И сама полна... Чем?! Того не знает Матаси. Скорее Арчибальд это знает. Старик вспоминает вдруг покойную жену — Мзэху. И она была такая: стройная, как тетива натянутая. Матаси — (нет: Мзэха!) — несет кувшин с водой. «То же самое — но...». Проклятая старость... Нет: весна не бывает одна и та же — (заключает кто-то вместо старика).

Взор Арчибальда уносит с собой тело Матаси.

От глаз цвета серы этот взор не скроется.

— Какая красивая девушка Матаси!..

Он рад, что слова эти говорит Таба Табай.
И, еле ворочая языком, подтверждает:
— Красивая...

Он не заканчивает фразы: им стремительно перебе-
гает дорогу большая ящерица. Арчибальд вздрагивает.
В сердце вспыхивают глаза цвета ящерицы — (Ольга!..).
Это тоже не укрылось от глаз цвета серы. Персиянин —
то ли индус — то ли египтянин стремится утишить боль:

— Все меняется... Жизнь — вереница перемен...

— Но разве ничего не остается от ушедшего?

— Остается. Но коснуться этого почти невозмож-
но...

— Сладость жизни именно в этом касании.

(Арчибальда обжигает тень Ольги).

— И без касания ощутишь сладость... если прочув-
ствуешь...

— Именно это «если» и суть главное...

— Ты видишь эту почку? Она распустится... расцве-
тет... Даст плод... плод созреет... упадет... увянет...
и исчезнет...

— Значит, все исчезает...

— Ничего не исчезает. Одно переходит в другое...

— Но ведь это «другое» не будет тем «первым»?

— Будет в нем и то, «первое»... Вот в чем смысл!

— Трудно осознать...

— Разве выделишь волну из океана?.. Зачерпнешь
горстью, — волна, та, которую видишь... выльешь об-
ратно — и нет ее... соединилась, слилась с океаном. Но
разве волна исчезла?

Арчибальд молчит. Ольга... Исчезла она?! Подобно
волне в океане? Не исчезла? Но ведь ее никогда не
коснуться рукой! Никогда не увидеть! Никогда!..

Таба оборачивается и смотрит в сторону.

Арчибальд останавливается и тоже смотрит туда
же.

— Змея пожирает другую, что ли?..

Говорит испуганный Арчибальд.

Таба прищуривает глаза цвета серы.

— Нет... Змея кожу меняет... сбрасывает...

Глаза цвета серы магнетизируют змею. Змея взви-
вается вверх, но не двигается с места. Может, рубашка
ее держит. Пестрая рубашка сброшена наполовину. Ру-
башка, точно вторая змея, держит змею. Солнце про-

шло зенит: жжет, палит. Змея: потягивание — дрема — зевота. От чего?! От солнца? — весеннего солнца? В потягивании — в дремоте — в зевоте змея забывается — что-то оставляет позади — меняет кожу. «Не прошлое ли оставляет — прошлую жизнь?..»

Глаза цвета серы магнетизируют змею.

Змея кажется рассерженной: будто бы на то, что нарушили ее уединение. Она отрезвляется. В глазах пробегают злые огоньки. Высовывается раздвоенный язык. Шипение и свист. Ее движения стали энергичней. Но рубашка препятствует, не отпускает. Змея взвивается кверху (наполовину) и снова опускается на землю. Будто пеной брызжет ядовитой.

Взор глаз цвета серы, обрета страшную силу, как бы ударяет змею.

Она стремительно встает на хвосте (почувствовала, что ли, удар: но чей? — солнца или глаз человека?) Извивается, извивается... Рубашка спадает еще на два вершка.

Таба молчит. Веки неподвижны и взор. Змея вертит головой. Раскачивается в разные стороны. Глаза Таба Табай сверлят, сверлят ее. И наконец: внезапным рывком высвобождается змея, сбрасывает старую рубашку и, сверкая новой кожей, уползает прочь.

Таба Табай поднимает с земли змеиную выползину. Рассматривает.

— Нет на свете ничего более замечательного, чем это!..

Произносит он как бы про себя. Персиянин — то ли индус — то ли египтянин... Он любит пестрой змеиной рубашкой: будто не выползина это, а прекрасный воротник Астарты.

— Эта вот змеиная рубашка... замечательная?

Спрашивает изумленный Арчибальд.

Глаза цвета серы рассыпают радостные искорки.

— Видите?! Змея рассталась с самой собой: сбросила старую кожу и покинула ее. В этом — великая мудрость.

Изумление Арчибальда не уменьшается.

— Мудрость?..

— Так вот следует смотреть на свое прошлое: как змея — на прошлогоднюю рубашку: сброшенную и покинутую... как говорили древние.

Арчибальд ждет дальнейших пояснений.

Таба Табай не медлит:

— Вынести жизнь можно только таким путем.

Арчибальд опускает голову: словно перед ним — какая-то тяжесть.

Персиянин — то ли индус — то ли египтянин внезапно изрекает непонятные слова — (не заклинания ли?). Глаз не сводит с выползины. Любы ему пестрые узоры эластичной кожи — (и в его глазах пробегают порой краски этих узоров). Наконец он умолкает. Оглядывается на Арчибальда, который стоит с опущенной головой. И вдруг — накидывает ему на шею змеиную кожу.

Арчибальд всегда питал страх перед змеями. И — отвращение. Но в эти мгновенья нет ни страха, ни отвращения. Он стоит в оцепенении и смотрит на друга. Часто лунатик не чувствует своего тела — (оно делается как бы чужим). Арчибальд похож на такого лунатика.

Таба Табай снимает с его шеи змеиную рубашку.

Бормочет про себя:

— Вынести жизнь можно только этим путем...

Арчибальд молчит. Кажется, молча соглашается. Таба Табай улыбается. В улыбке тайный смысл. Арчибальд берет у него змеиную рубашку. Рассматривает разноцветные чешуйки:

— Красивая?

Спрашивает его друг.

— Красивая... красивая...

ИСТОК РОДНИКА

Неужели же змеинная рубашка околдовала его?!

Арчибальд сидит под ореховым деревом. Листва ореха распускается — (как и Матаси?). На молодые листочки льется поток солнечных лучей — (как улыбка Матаси?!). Арчибальд смотрит на молодую ярко-зеленую траву. На траве солнечные пятна-блики играют. Порой меж ними женский лик возникает. Возникнет — исчезнет. И здесь Матаси?!

Нет: его и вправду околдовала змеинная рубашка!

Здесь же, поблизости, и дедушка Саридан сидит. Рассказывает Таба Табай сказку о каменном юноше.

Вамех переводит. Временами Таба Табай пару-другую слов грузинских произнесет — (полиглот он: язык осваивает быстро). Дедушка Саридан скоро сказку заканчивает. Таба Табай слушает с неослабным интересом. Саридан раскуривает чубук, сплевывает по обыкновению и заключает «Вот оно как...»

— Бесконечная красота...

Говорит Таба Табай.

— Дедушка! Про лесную царицу расскажи!

Просит Вамех.

Саридан, раскурив как следует трубку, тихим голосом заводит сказ. Сперва про то, как лесная царица заманила в свои сети охотника. Она послала ему навстречу прелестную лань — (на лбу у лани полумесяц): Охотник не может выстрелить в лань — (последняя посвящена богине). Лань увлекает охотника в лес. Охотник теряет дорогу, лань исчезает. На месте, где лань стояла, появляется сама царица лесная. Дедушка Саридан подробно ее описывает. Он не жалеет красок на описание ее красоты. Глаза — бездны изумрудные. Волосы: золотой поток солнечный. Грудь: белая, как камни речные. И так далее, и тому подобное. Дедушка Саридан входит в роль. Даже о чубуке забывает: увлекся рассказом. А царица лесная околдовала охотника. И зарок с него берет: чтобы никогда не польстился он на смертную женщину. И так далее, и так далее — все новые и новые волшебства и чудеса плотоядной страсти.

Наконец дедушка заканчивает сказку сказывать.

Отплевывает и приговаривает «так-то, брат...»

Таба Табай одобрительно кивает:

— Красота неисчерпаема...

Арчибальд смотрит в сторону: будто никого не слушает. Он видит въявь лесную царицу — («глаза цветаящерицы...» мерцают вдали). Ольга?! Да... возможно... Но отчего утраченная царица — лишь слабая печаль?! В крови Арчибальда — иной огонь: речная женщина из сказки о каменном юноше. Произнести ли сверкающее имя «Матаси»?!

— Дедушка Саридан, а ты не видал лесную царицу?

Спрашивает с лукавой улыбкой Вамех.

— Как же, видал... Дважды с ней встретился...

— Ну и как потом? Нарушил зарок? Отомстила она тебе?

— После того не было у меня удачи на охоте... Только это вот, а другим ничем мне не повредила...

— И больше ничего?

— Раз волка встретил... по-моему, она подослала...

— Отчего же так думаешь?

— Я прицелился, нажал курок, а ружье не выстрелило...

— И что же потом было?

— Задушил я его вот этими руками... так-то...

Дедушке Саридану видится где-то вдалеке юноша-богатырь — (не себя ли видит старик?..).

Таба Табай произносит раздумчиво:

— В вас земля еще не просохла...

Саридан слышит, но не понимает смысла иноязычных слов.

— Что говорит твой гость, сынок?

— Говорит, что земля в вас еще не высохла.

— Что землю высушит, сынок...

Саридан берет за трубку. Она погасла.

— Покличь-ка Матаси, сынок, пускай огня мне принесет.

Вамех оборачивается к кухонному домику. Там мама-Нино готовит обед — (слышно похлопывание ладоней по лепешке мчади). Матаси тоже там — помогает матери стряпать.

— Матаси! Принеси огонька дедушке!

Матаси выходит из кухни. В деревянных шипцах уголек несет. «Не мое ли сердце несет» — (думает Арчибальд, пылая сам).

Матаси застенчиво подходит, подносит деду огонек.

— Расти счастливая, деточка.

Матаси поворачивается уходить. У Вамеха возникла какая-то идея.

— Матаси! Развлеки немножко моего друга... чего-то грустный он сегодня... А я и Табай-хан прогуляемся верхами...

— Великолепная мысль! —

одобряет Таба Табай.

— Хорошо... —

еще более застенчиво отзывается Матаси.

— Вамех, сыночек, помоги мне подняться...

Вамех помогает. Саридан уходит по направлению к дому.

— Ну-ка, Матаси! Прогуляйся с Арчибальдом к источнику...

— Хорошо...

Чуть слышно отвечает Матаси.

Арчибальд молча следует за ней. Он смущен еще больше.

Налево: большой лес синий Саирме. Направо: просторная долина Рионская — пойменные рощи Квирилы — ущелье Ханисцкали. И всюду — солнце: медленное и раскаленное.

На Матаси белое ситцевое платье. На голове — желтый платок шелковый. Среди огненных пятен солнечных Матаси — солнечное пятно сверкающее.

— Здесь спуск... Если вам угодно, мы можем в обход пойти... —

почтительно говорит Матаси.

— Нет... лучше по этой дороге...

Матаси сбегает по склону, точно серна. Арчибальд идет вольным шагом. Вдруг он спотыкается. Матаси улыбается:

— Дайте мне руку...

Арчибальд подает руку навстречу протянутой руке — (огонь, оказывается, горит и в этой руке: думает он). Сам он тоже в огне. Такого огня он не помнит. Неужели солнце Саирме в том повинно? Но ведь здешнее солнце такое медленное!..

Они спустились к роднику.

В подножье скалы родник — точно огромный глаз диковинного быка. Глубина — около двух алаби. Русло голышами устлано. Камни поросли темно-зеленым мхом. Вода от него темная, с синим отливом. Но прозрачная — камни хоть поодиночке считай. Родник — огромный глаз — (бычий глаз), который ждет другого глаза, чтобы в нем отразиться. На дне, в уголке, ключ бурлит, из земли пробиваясь, величиной с человеческий глаз.

Арчибальд заглядывает в источник. Будто камешки считает. Разглядывает ключ — (чего не доводилось ему видеть).

— Как это называется? —

он указывает пальцем.

— Ключ, глаз родника.

— Глаз родника... —

повторяет про себя Арчибальд. Теперь взор его устремлен на Матаси. Он в упор смотрит ей в глаза. И вдруг:

— Вы и есть глаз родника.

Матаси опускает голову: скрывает краску, залившую лицо.

Арчибальд чувствует, что преодолел некий рубеж.

Неловкость развеивает пастух. Он ведет черного, без единого пятнышка, быка. Бык с эпическим спокойствием направляется к роднику. Пьет. Бока раздуваются. Бык поднимает голову, озирается по сторонам. Затем снова припадает к воде.

Наконец пастух уводит быка.

Матаси заглядывает в ручей.

— Полродника выхлебал!

— Вы хотите пить?! —

спрашивает Арчибальд.

Матаси становится на колени, чтобы зачерпнуть воду горстью. Но рука ее едва достигает поверхности. Вода прибывает.

— Я вам помогу! —

говорит Арчибальд — (рубеж-то преодолел).

Матаси бросает на него смятенный взор.

Арчибальд берет Матаси за руку.

— Дайте мне другую руку!

Матаси непроизвольно протягивает ему и другую руку.

— Нагнитесь и пейте!

Воля ее исчезла — (она вся — трепет дикого ястреба). Арчибальд держит ее руки, протянутые назад. Матаси нагибается. Голова ее приближается к воде. В глазах вдруг помутилось: она не видит ни камней на дне, ни истока родника. Пьет. Пьет захлеб. Лицо мокро от брызг. Кровь стучит в висках. Голова кружится. Грудь наливаются неведомым дотоле огнем. И будто задыхаясь, она прерывисто говорит:

— Поднимите меня...

Жажда мучит Арчибальда сильнее, чем того быка — черного, без отметины. Он хватает Матаси, поднимает на руки и рывком прижимает к груди: целует

мокрые губы — пьет из родника (Матаси и родник сейчас — одно и то же). «Задыхаюсь!» — кричит кто-то (не Матаси ли этот голос?!). Арчибальд опускает ее на землю. Матаси уходит вперед — пылающая. Закрывает лицо косынкой. Потупив голову, идет вверх по подъему. Арчибальд смотрит ей вслед, смотрит на ее бедра — они тоже пылают. Потом он оборачивается и смотрит на родник — точно, как тот бык черный. «Нет, я до времени исчерпал родник — сейчас лишь исток его бьет из земли...» (кто говорит это устами Арчибальда?).

Он взглядывает на тропинку — Матаси не видать: ушла.

Только сейчас он опомнился. «Что я натворил?! Боже!..» Пестрая змея жалит мозг. Но далеко — на дне пола — что-то колышется обнадеживающее: «Ведь она и сама не противилась» (кто не противился? Матаси?!).

Арчибальд поднимается на пригорок.

Вдали показались деревенские ребята — идут и поют.

Арчибальд слышит знакомую с детства мелодию: «Одэлиа ра кунни». Какая сладостная песня! Но что это за слова?!

Девушка из рода Лашхи,

Как я жажду твоей ласки...

Лашхи? Да это Матаси... Как они смеют?! — загорается гневом Арчибальд. Но гнев тут же улетучивается: песня хорошая, поют ее беззаботные деревенские ребята от чистого сердца.

Арчибальд направляется к дому. Теперь другие мысли домогают его: как встретиться с Матаси?! Как посмотреть в глаза Вамеху? Он смотрит вдаль: на синие склоны Саирме солнце льет гранатовый свет, расцветивает драгоценными камнями. Нет, это волшебный камень! Кровь Арчибальда сейчас — бушующий огонь — (Иррубакидзе?).

... ..

Ва обедом Матаси не видно.

— Где Матаси? —

спрашивает Вамех маму-Нино.

— Неможется ей что-то...

— Неможется?.. — (удивляется дедушка Саридан).

— Должно быть, оттуда за ней это пошло... от родника, сегодня ж ходила туда...

«За ней это пошло...»? (Арчибальду непонятны эти слова).

— То место заклятое...

Добавляет старик.

«Заклятое?» (Арчибальду и это непонятно).

Таба Табай наблюдает за лицом Арчибальда, слегка зардевшись. В его улыбку вкралось лукавство.

«Где Матаси?» — спрашивает свое сердце Арчибальд.

Матаси лежит в своей комнате неподвижно. Все тело — точно камень, который порой на зерна раскалывается. Но это на миг. Матаси напряжена, как ястребок, которого коснулась крылом какая-то неведомая птица. Только сердце работает бешено: словно хочет растормошить камень. И груди — как камень. Только порой (и это тоже на мгновение) — их что-то пронизывает — словно наполняются они странными зернами — (так наполняются бутоны роз, когда стебли насыщаются семенами солнца).

Матаси объята одним чувством — (тело ее — одно чувство): кто-то замутил прозрачный исток родника. Но исток и сладость вкусил неведомую. Последней мысли она сторонится — (тело ее сторонится).

— Что с тобой, моя девочка?

— Ничего... голова чего-то болит...

— Ты сегодня купаться хотела... вода уже готова...

Матаси следует за матерью. Уже свечерело.

В кухне горит огонь. На цепях висит большой котел. Рядом трехногий табурет в большом тазу. Тут же и посудина с теплой водой. Матаси сбрасывает платье, раздевается. Садится на трехногий табурет. Она будто скрыть хочет свое тело — (от кого хоронится? От матери?! Но ведь до этого не стеснялась, не хоронилась матери?). Мать сперва моет ей голову особой землей для мытья волос (земля разведена уксусом). Затем — тело. Матаси не разрешает матери коснуться груди. Бедра сгорают со стыда. «Уже женщина...» — думает мать.

Матаси перед огнем — осушает тело. Языки пламени вскидываются на высоту полтора алаби. Тело —

первоцвет вешний. В свете пламени оно, кажется, и само пылает — (цветом раскаленных угольев) — Мама! Закрой дверь!

(Мать, как всегда в черном, выходит).

Но оттуда, из дома, уже кто-то углядел Матаси. Это — Арчибальд. Матаси не чувствует его взгляда. Она еще раз тщательно обтирается бязевым полотенцем и отбрасывает его в сторону. Выпрямляется, поднимает кверху голову. Согнув в локте правую руку, подносит ее к лицу и голову склоняет к руке — (поцеловать ли ее хочет?). Томно потягивается, вздрагивает всем телом — точно необъезженная кобылица, из реки на солнце выведенная. И выпрыгивает из таза на деревянную доску, специально положенную на земляной пол.

Дверь кухни прикрыта. Но мужской взор уже выхватил из полутьмы огненное видение. Взор играет этим видением, точно змея — волшебным камнем, который подбрасывает, ловит, снова подбрасывает...¹

Как медленно солнце Саирме! Оно зайдет — и багряный глаз его остановится на вершине Саирме. Саирме синий, и багрянец, льющийся с небес, камнем застывает на нем. Этот глаз (лиловый свет) — соколиный. Соколиный глаз глядит со склонов Персати: на Рионскую долину — пойменные рощи Квирилы — ущелье Ханисцкали. Может, весь край этот — соколиный глаз и есть? Нет! Это Матаси — Матаси Лашхи — сестра Вамеха...

Безлунная ночь окутывает Персати.

С тяжелой тишиной ночи сравнится, быть может, лишь сон дедушки Саридана.

Не спит Арчибальд. Нет: он спит, спит с открытыми глазами. Во сне он видит женщину, юную, едва расцветшую. Женщина то — лесная царица, то — дева вод, али. Скорее — али.

В смежной комнате рядом с матерью спит Матаси. Спит ли?...

— Матаси! Усни наконец! Что с тобой?..

Говорит мама-Нино. Матаси затихает.

¹ По народным поверьям, если ухитриться схватить этот волшебный камень, которым владеет змея, все желания будут исполнены.

Близ заброшенной усадьбы Макашвили — маленькая лавчонка. Внутри по стенам висят лампы; тут же продаются и фитили. Соль — керосин — папиросы — ситец — спички — мыло — сахар и какие-то сласти. На склоны Персатских гор карабкается Европа. И лавочник Гиго — «европеец». Он, Гиго, читает газеты и сведущ во всем, что творится в мире. Возле лавчонки собираются сельчане, чтобы узнать новости. Здесь и «салакбо» — площадь для бесед и разговоров. По лавке скачет сорока и, слушая чужие разговоры, заучивает отдельные слова. Временами заводят граммофон. Сорока слушает в легком изумлении. Сельчане уже привыкли к этой «чертовой выдумке» и часто просят играть «песни».

Алексиа Кнопка — (так прозвали его сельчане) — ест кислый огурец, громко чмокая губами. Это тот самый злоречивый человек, который встретился Вамеху и Арчибальду в макашвилевской усадьбе и рассказал о судьбе последнего князя Макашвили. Алексиа Кнопка ест кислый огурец и огрызки кидает сороке. «Угощайся, Мартиа» (Мартиа — так зовут сороку): и Мартиа охотно клюет огрызки. «Мартиа, скажи что-нибудь!» — и Мартиа выкрикивает навязавшееся слово.

Сельчане поддевают Кнопку:

— Ты все жуешь и жуешь, Кнопка, никак не нажуешься?

Кнопка на них не обращает внимания. Его куда больше интересует Мартиа — (может, они родственны друг другу).

Среди сельчан сидит, скрестив ноги, Сико и покуривает чубук. Ахалухи его нараспашку и видны широкие бязевые подштанники, которые на животе выбились наружу. Ему лет пятьдесят.

— Интересно, кто этот человек, а? — раздумчиво произносит он.

Мимо лавки проходит старик. У него длинные волосы и борода. И волосы, и борода — совершенно белые. Одет по-европейски. Одежда поизношенная, но сидит на нем ловко. Он подносит правую руку ко лбу. Рука сухощавая. Пальцы — длинные, прямые, тонкие.

Он слегка сутуловат в плечах, но в общем кажется крепким. Профиль чистый, благородный.

— Да кто же этот человек?! —

повторяет Сико.

Незнакомец, верно, слышит вопрос и оглядывается на собравшихся. Рассеянный взгляд вдруг напрягается, зажегшись — (такой взгляд бывает у быка, нечаянно забредшего в чужое стадо).

— Сам он говорит, что он баск, — отзывается Наниа.

— Ба-аск?! —

удивленно вопрошают собравшиеся.

— А что это такое — баск?

Наниа поясняет:

— Народ такой есть. Живут где-то там, за тридцать земель...

— А ты почему знаешь?

— Он сам мне сказал...

— Кто сказал?!

— Чужеземец...

— Когда он тебе сказал?!

— Когда я из Самтредиа в поезде ехал...

— А он куда ехал?

— В Тбилиси...

— А тут чего ему надобно?

— А я откуда знаю!..

Пауза. Взоры обращаются на старика. Старик остановился неподалеку, стоит, смотрит на горы. Сельчане делают вид, будто не обращают на него внимания. Беседа продолжается:

— Что ему здесь надо, интересно?

Наниа рассказывает:

— Как к станции Риони подъезжать стали, он в окно высунулся и давай плакать...

— А потом?

— Ну, потом... поезд еще и не остановился, а он уже с поезда спрыгнул и бегом сюда... Мы вместе дошли...

— Ты с ним разговаривал?

— А как же!

— Что же, он и по-грузински знает?!

— Знает, а то... немножко подзабыл...

— То есть как подзабыл?! Разве он грузин?

— Да уж не знаю... а только разговаривает...

Старик, вероятно, слышит беседу. Все так же, с выражением быка, забредшего в чужое стадо, поворачивает голову, смотрит на лавку. Потом снова продолжает созерцать окрестность.

Сельчане теперь разговаривают тихо: не хотят, чтобы он слышал — («знает по-грузински»).

Сико дымит чубуком, почесывает левое колено:

— Этот человек мне вроде бы знаком...

— Да брось ты, ради Бога!

— Скажешь тоже! Вечно ты что-нибудь такое болтаешь!..

— Говорю, знаком он мне!

Сельчане смеются.

— Чего ему надо было в Тбилиси? —

спрашивают снова Наниа.

— Говорит, сын там у меня должен находиться...

— Сы-ын?!

— Да, сын... на войне, оказывается, был... сын-то... с англичанами...

— Чудно все это, ей-Богу!..

— С англичанами, в Месип...

Сико никак не может выговорить «Месопотамия». Наконец выговаривает неестественно громким голосом:

— Из Месипитами приехал...

Незнакомец оглядывается, услышав это слово. И словно кольнуло, куснуло его что-то — резко поворачивается и идет вверх, к княжеской усадьбе.

— Уж вы как хотите... хоть убейте меня, но...

— Что «но», Сико?

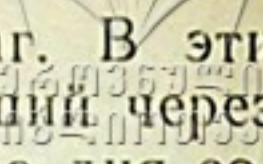
— А то, что этого человека я где-то видел!

— Ох, да брось ты, заладил тоже!..

Сельчане провожают глазами удаляющуюся фигуру.

Тамунчо — (таково баскское имя Тамаза) — идет к усадьбе. Он вправду бык: раненный в схватке — с обломанным рогом — с помутившимся взором — обесилевший. Мысли — мысли — мысли: тяжкие и запутанные... «Время ухудшилось...» (думает он, верно). У быка влажнеют глаза — (слезы?).

Тамунчо входит в полуразрушенный дом — (побежденный бык понуро возвращается в хлев). Первое, что он чувствует: это разрыв времен. Нет: возвращение веков. Словно восстал могучий предок и из глубины ты-

сячелетий взирает на свой разрушенный очаг. В эти минуты Тамунчо — весь род, хребтом пролегший через века. Тамунчо замер, как птица в сумерки. Два дня созерцает он свой очаг. Часовня — дворец — двор — деревья — камни: все это его родное. Но его самого нет ни для часовни, ни для дворца, ни для двора, ни для деревьев, ни для камней. В голове множество мыслей — как тихо тлеющие уголья. Мысли тяжело движутся, сталкиваются друг с другом, словно перелитые в тело огромного дуба. Тамунчо в эти минуты и вправду как могучий дуб, пустивший глубокие корни.

Внезапно позвоночник — (род Тамунчо) — шевельнулся: содрогнулся — будто прострелом схваченный. Мысли замирают, сжимаются в одно бревно, и из бревна кричит кто-то: «Смерть идет, Смерть!». Тамунчо сейчас — сплошное сердце. Он выходит из тумана тысячелетий... вспоминает сына: Арчила (Арчибальда). Хочет позвать его издалека. Но колени подгибаются и, как подкошенный, он падает на могильный камень. Здесь похоронен Макашвили: он влечет потомка. Тамунчо снова погружается в туман. В тумане рдеет уголек. Тамунчо вспоминается:

Люксембургский сад в Париже. Ранняя весна. Группа студентов — они читают газеты. Звучат грузинские слова. Незнакомец подходит к студентам. Просит у них газету. Вертит ее туда, сюда. Забыл, что ли, шрифт? Наконец, поворачивает как нужно. Глухим голосом прочитывает несколько слов. Умолкает, сильно взволнованный, растроганный. Порывисто обнимает студентов и убегает, плача. Студенты провожают его удивленными взорами. Кто этот странный человек? Тамунчо (Тамаз Макашвили). Сердце Тамунчо кричит: «Где ты, сын мой?!» Незнакомец хочет перелететь в Англию. Он идет к кассе. Но внезапно он останавливается — (не кто-то другой ли его останавливает?). Нет: «время еще не пришло». Тамунчо возвращается в Басконию.

У горячечного больного порой спирает дыхание. Не хватает воздуха. Сердце, кажется, выскочит из груди. Он хочет выбежать наружу. Но — едва поднявшись, снова падает на постель. Может быть, и Тамунчо болен

— не обычной горячкой. Может быть, сама жизнь для него — горячка. Не зря же он бежит из одной страны в другую — (не от смерти ли бежит? Не сам он бежит: некто — сильнее него). Тамунчо шевельнулся. Вскakiвает с камня. Ему не хватает воздуха?! Нет: его рука коснулась смерти. Он жадно вдыхает воздух Саирме. И — вновь погружается в марево тумана. В тумане уголек воспоминания, притаившийся в золе, приоткрывает глаза.

Баски. Народ удивительный. Сердце нежное и гордое. В характере — рыцарственность сдержанная. В теле — огонь затаившийся. Дон Хосе из бессмертной «Кармен» был баск. Народ молчаливый, любящий пору захода солнца — (в эту пору глаза их полнятся неведомой меланхолией: не древнюю ли родину — прародину — вспоминают?.. Среди басков — чужеземец, тоже вспоминающий родину. Вспоминающий сына — которого, кажется, вырвал из рук неумолимого рока. Пятнадцать лет не видал он сына. Пока еще не время — рано: думает он. Но внезапно разражается война. Перед Тамунчо разверзаются пропасти. Он бросается в другие края. Ищет сына. Не находит. Он мечется, сходит с ума. И вдруг — известие: сын — в Месопотамии. Едет по его следам. По дороге узнает: сын уехал в Персию. Оттуда — в Тбилиси. Тамунчо добирается до Стамбула. Знакомится там с лазами¹. Они помогают ему переправиться в Трапезунд. Затем — в Батом. Оттуда поездом едет в Тбилиси. Поезд прибывает на станцию Риони. Тамунчо видит окрестности Саирме и — ...

Тамунчо не выдерживает более — воспоминания душишат его.

Он резко поднимается. Прижимает руку к сердцу: не вырвалось ли?

Идет к часовенке. Прислушивается к чему-то: в

¹ Одно из западногрузинских племен, с древности занимавшееся мореходством.

немотном Времени вдали реют тени минувшего. Он подходит к дереву. Обнимает ствол. Сердце прижимается к сердцу дерева. Одна из веток склонилась низко. Тамунчо целует листок. Ступни его как бы прилипают к земле — к родимой земле. Постепенно утихает волнение. Он идет ко дворцу. Завтра ввечеру он покинет эти места. Но эту ночь он проведет под дедовским кровом. Возможно — в последний раз. Тамунчо ложится. В его теле сосредоточен весь род. И мысль — сын.

Саирме окрашивается в темно-лиловый цвет. Еще немного — и лиловый переходит в черноту желчи. Ночь распахивает плотный плащ. Все затихает. Трава склоняет голову: будто на руку. Куры затихают в курятниках. В хлеву, пережевывая жвачку, дремлет скотина. Звери прислушиваются к ночи и время от времени взглядывают на звезды.

Тишина опускается на землю. Только лягушачий оркестр звучит в ночи, но безмолвие от этого лишь более углубляется.

Спит Тамунчо в своем родовом гнезде.

На сомкнутых ресницах застыли две крупные слезы. Точно раздавленные виноградины незрелые — исрими — грузинской лозы.

БРАТЬЯ

— Уехал ваш друг?

— Уехал... не остался...

— Ты-то останешься хоть ненадолго?

— Останусь... на два дня... Потом и я должен ехать...

— В Тбилиси?

— В Тбилиси... мы с моим другом встретимся и отправимся в путь.

— Куда лежит ваш путь?

— В Персию... Там теперь наши... англичане...

— Англичане?... Или агличаны?

— Ну да, агличаны... —

дедушка Саридан так произносит это слово. Арчибальд не исправляет.

— Где, интересно, сейчас наш Тамаз скитается? Он ведь тоже к агличанам тогда подался... —
негромко произносит Саридан.

Это имя — «Тамаз» — внезапно ошарашивает Арчибальда. Два дня, как не вспоминал, не думал он об отце. Что это с ним? Думать об отце он любит в одиночестве. И он уходит, идет бродить по окрестностям. Аллан радостный бежит за ним.

На гумне деревенские мальчишки поймали теленка и выдавливают у него на спине личинки: надавят двумя большими пальцами вокруг бугорка, кожа лопается, и личинка с доброго жука величиной выскакивает. «Вот здесь еще! А ну, надави!» — кричат наперебой ребята. И напевают между делом:

Ай, Матаси-стрекоза,
Ненаглядная краса...

Опять Матаси. Всюду Матаси.
Арчибальд подходит поближе к ребятам. Они поют:

Девушка из рода Лашхи,
Как я жажду твоей ласки...

Сейчас Арчибальда радует эта песня. Но Аллан рычит и бросается на ребят. Арчибальд удерживает его. Бедный теленок с перепугу пускается наутек. Ребята разбегаются кто куда.

На склоне холма появляется Матаси. В руках у нее — большая ветвь цветущего ткемали. Арчибальд спешит ей навстречу. Аллан его опережает: подбегает к Матаси, становится на задние лапы. Матаси ласково гладит его рукой.

— Какие прелестные цветы... —
говорит ей Арчибальд.

— Это ветка ткемали...

Матаси ниже опускает опущенную голову. Но Арчибальд видит: она уже не смущается. Он радуется.

— Она расцвела, как вы...

Матаси поднимает голову. Лицо, освещенное блуждающей улыбкой, вспыхивает пламенем — пламенем добела раскаленных угольев. Она протягивает ему цветущую ветку.

Арчибальд целует ей руку. «Значит, она не сердится на меня», — радостно думает он.

Перед ними яблоня. Две огромные ветви склоняются к земле. Арчибальд бросается к дереву, хватая эти ветки и притягивает их друг к другу почти вплотную.

«Какой он сильный!» — думает Матаси.

Потом он спрашивает:

— А где Вамех?

— Он пошел туда, к макашвилевской усадьбе... — отвечает Матаси.

«Опять отец!» Арчибальд встрепенулся.

— Я тоже пройду туда... не желаете ли пойти со мной?

— Нет... меня мама ждет в конце виноградника...

— В таком случае, я пойду один...

— Вы скоро вернетесь?

— Скоро... мы вместе вернемся...

Матаси уходит. В движении бедер — новое: молодой человек замечает это.

Арчибальд взором пьет удаляющуюся фигуру. Потом поворачивается и вместе с Алланом направляется к развалинам отцовского дома.

... ..

Перед лавкой Гиго шумно. Там и Вамех, выряженный в серую чоху. Деревенские парни рассматривают его саблю. «Вот это сабля!» — восторженно восклицают одни. «Остра, должно быть!» — говорят другие.

— А ну, попробуй ее на ветвях ясеня! —

говорит одному Вамех, а сам входит в лавку.

Парень направляется к невысокому ясеню. Ветки ясеня толщиной в руку. «А ну, руби!» — подзадоривают остальные. Парень наносит удар — не разрубил ветку и до половины. Еще удар — ветка опять-таки крепко держится.

— Дай-ка мне... —

просит другой. Берет у него саблю. Ударяет по другой ветке. Ветка остается на месте. Ударяет еще раз. Ветка слегка надрублена. Ударяет в третий раз — острая боль в руке.

— Откуда вам знать, как рубят саблей! —

кричит тот чужеземец — (Тамунчо?!). Незаметно он оказался здесь.

— А ну, дай мне!

И старик в один миг преображается. Выпрямляется в плечах. Становится стройным и статным. Сабля — точно плоть его: которая не изменит. Он взмахивает ею и наносит удар — ветка летит наземь. Взмахивает второй раз — падает еще одна ветка. Третий — четвертый — пятый — шестой — седьмой. Тамунчо пьянеет. Разве помнит он сейчас о том, как мерз минувшей ночью на холодном балконе? В глазах темнеет — (ведь порой овладевает им безумие). Сабля теперь — точно продление его руки.

— Ого! Смотри-ка на этого старика!

Смеются ребята. Смеются — и удивляются.

При слове «старик» Тамунчо и вовсе осатаневает. Кажется, все ветви ясеня обрубит. В это время из лавки выходит Вамех. Он поражается силе старика. И вспоминает он самого себя в Персии — как этой же саблей рубил ветки огромного дерева...

Старик останавливается. Смотрит на саблю.

Ребята не унимаются, хихикают:

— Эге-ге-ге! Смотрите на старика!

«Старик» — это слово он слышит в тот миг, когда читает на сабле «Ирубакидзе». Он впадает в ярость. В мозгу — один лишь огонь. Глаза безумные. По лбу пробегает пламя безумия. Мнится: враг перед ним. С саблей наголо бросается на молодых ребят. Крики, вопли, переполох. Из лавки высыпает народ: кто с дубинкой, кто с лопатой, кто с мотыгой. Тамунчо только того и надо. Он становится спиной к дубовому дереву и с непостижимой быстротой отражает направленные на него удары дубинок, лопат, мотыг.

— Оставьте его!.. Сумасшедший какой-то, будь он неладен! —

кричат женщины и старики.

Но проклятое слово «сумасшедший» только разжигает ярость Тамунчо. Кто может его ударить?! Кто сумеет?! И кто сможет остановить?! Тамунчо переходит в атаку. Кого-то он поразил саблей — и парень падает как подкошенный.

— Свяжите его! Он безумен!!.

— Убил?! Убил его?..

— Ранил слегка...

— Уведите его! Перевяжите рану!

Раздаются отрывочные слова в общем шуме и гвалте.

Вамех! Хоть ты помоги ребятам!..

Вамех стоит неподвижно — (нравится ему сабля Ирубакидзе в руках старика?).

Внезапно он срывается с места и, безоружный, бросается к старику. Круг размыкается — толпа расступается — только Тамунчо и Вамех стоят друг против друга. Сабля наготове у Тамунчо: миг и... но он взглядывает на Вамеха — и рука, сжимающая саблю, бессильно опускается. Что он такое узрел?! Что увидел?! Вамех ошеломлен. Вокруг — молчание и изумление. Тамунчо видит себя в молодости. Не привиделось ли ему? Нет: это он, он, молодой Тамаз Макашвили! Может, это двойник его?! Во взбудораженном мозгу Тамунчо тлеет некий уголек... Он снова хочет взмахнуть саблей, однако... (В сновиденьях бывает часто: человек сражается с врагом, но вдруг видит в противнике самого себя...) Вамех опережает его действия: стремительное движение корпуса — и он оказывается под мышкой противника. Сабля пролетела на вершок от его волос. Тамунчо напрягает все силы — чтобы не поддаться — Вамех обеими руками, как обручем, сковывает старика, пытаясь повалить на землю. Но старик все еще крепок, он кричит: «Кто может одолеть Ирубакидзе!»

В тот самый миг, когда старик вот-вот окажется на земле, на него с лаем набрасывается Аллан (напрасно тщится удержать его Арчибальд). Старик падает в глубокую рытвину и увлекает за собой Вамеха. Падая, старик не выпускает из рук саблю, и оба падают на обнаженное острие. Оба легко ранены: и Вамех, и старик.

В общем шуме — пронзительные крики женщин.

Из рытвины выводят бледного как полотно Вамеха.

Старик валяется внизу. К нему бросается Арчибальд. Странные слова обжигают слух: «О, горе, Ирубакидзе побежден!» Аллан бежит прыжками, лает. Его никто не может удержать. Арчибальд поднимает старика на ноги. Старик направляется к макашвилевской усадьбе. Арчибальд следует за ним.

— Вамех! Заберите Аллана!.. Я скоро вернусь...

Видя участие Арчибальда, сельчане совершенно теряются.

Вамех уводит Аллана. Арчибальд — старика.

Старик вспоминает сейчас: у его противника ^{возле} уха — родинка, на том же месте, что и у него самого. Постепенно он приходит в себя. Но лицо молодого человека неотступно стоит перед ним. Арчибальд укладывает его на широкую доску. Щупает пульс: пульс ускоренный. Слушает сердце: оно вот-вот выскочит. У старика жар. Он не понимает, что Арчибальд, проверяя пульс, пальцами целует его запястье и, слушая удары сердца, правой щекой, прижатой к груди, целует его грудь.

Тамунчо бредит. В его бреду — осколки тех историй, которые известны как истории рода Ирубакидзе.

Жар немного спадает. Теперь старик сможет выдержать внезапное: Арчибальд снимает с шеи медальон и открывает его перед Тамунчо. Тот вскрикивает:

— Сын мой!.. Сын!.. Арчи... Арчибальд!..

(За этой сценой наблюдает из-за окна Вамех, притаившийся у стены).

Старик не помнит уже ни о жаре, ни о сегодняшнем злоключении. Он вскакивает и обнимает Арчибальда. Целует лоб — целует глаза — плечи — грудь. Целует устами — пальцами — щекой — грудью. Из глаз его льются крупные слезы. Плачет и Арчибальд.

(Слезы льет и тот — у стены притаившийся).

У старика иссякли слезы. Слышно лишь: «Сыночек... сын мой... Арчи... Арчибальд...»

Арчибальд сдерживается: если он даст себе волю — сердце (другое) разорвется. Он плачет беззвучно, рыдания душат его. Обрывистыми фразами повествует свою историю.

(Вамех — весь — один лишь слух. Он не понимает многого: отец и сын говорят преимущественно по-английски. Лишь порой мелькают грузинские слова. И тогда Вамех не упускает ни единого звука).

Старик постепенно овладевает собой. И снова маячит перед ним тот юноша. Он спрашивает Арчибальда.

(Вамех в эти минуты — сплошная дрожь. Теперь они говорят по-грузински).

— Он твой друг? Где ты с ним познакомился?

- В Персии...
- Его имя?
- Вамех.
- Фамилия?
- Лашхи...
- Как зовут отца?!
- Не знаю.
- А мать?
- Нино.

Старик вскидывается всем телом и кричит:

- Сын мой!.. Сын! Сын!..

(Вамех замирает. Но не знает он: это «сын» относится к нему или к Арчибальду?).

- Сын... сын мой... —

продолжает старик.

— Арчил! Приведи его ко мне! Сию минуту приведи, сейчас же! Сын... мой...

(У Вамеха темнеет в глазах, он убегает).

- Сейчас... —

отвечает Арчибальд и открывает дверь.

Выглядывает в ночь и видит: кто-то удаляется быстрым шагом. Вамех?.. Но что ему здесь надо?.. Неужели он слышал?! Позвать его? Вамеха уже не видать. Арчибальд стоит окаменев. Внезапно он слышит ужасающий вопль старика: «Арчил! Арчибальд!..»

Он входит в комнату.

Отец простирает к нему руки.

— Приведи его завтра... Я задыхаюсь один... ни минуты не могу быть в одиночестве!.. Не оставляй меня!

- Я с тобой, отец!

Отец успокаивается. Радуетя. Спрашивает — (даже с улыбкой):

- Ты знаешь теперь, кто ты такой?

- Ирубакидзе... —

с гордостью отвечает сын.

Старик вспыхивает радостью. Обнимает сына. Целует в лоб — целует его плечи — грудь. Целует устами — пальцами — щеками — грудью. Крупные слезы льются из глаз. Плачет и Арчибальд.

- Продолжай свой рассказ... —

говорит ему отец.

Арчибальд рассказывает о путешествии из Месопотамии в Хамадан и из Хамадана — далее...

— Мне холодно, сын мой... —
произносит старик.

— Холодно мне! Разденься и приляг со мной... со- /
грей...

Арчибальд ложится рядом с отцом, обнимает его.

— Продолжай, сын мой!..

Арчибальд рассказывает про Иран, Иран с его
знанием и видениями.

Но отцу холодно. Стынет его тело.

Арчибальд рассказывает про переход с караваном.

Отец приникает к нему. Стонет тихо.

Арчибальд продолжает повествование... Он вдохнов-
лен... Рассказывает про смерть Бехана. Бехан... Видит
Арчибальд и того малорослого перса... «Бехан! Бехан!»
— плачет перс, но Бехан лежит перед ним, уже недви-
жим.

Внезапно Арчибальд ощутил рядом что-то холод-
ное.

— Отец! —

кричит он.

— Отец! Отец!!

Отец недвижим.

... ..

На третий день сельчане опять собрались перед
лавкой Гиго. Среди них и Сико. Сидит, скрестив ноги,
курит свой чубук.

— Говорил ведь я вам: знаком мне этот человек!

— Кто, какой человек, Сико?

— Да этот... чужеземец...

— Тамаз Макашвили?!

— Ага... меня глаз не обманывает...

В беседу вступает и третий.

— А кто же тот, который увел отсюда Тамаза?

— Сын его, сын...

— Сын?! Которого наша Саломэ грудью кормила?

— Ну да... тот самый...

Вступает и четвертый:

— Где теперь Саломэ, бедняжка? Вернулась ли?

— Как?! Разве ты на похоронах ее не видал?

— Я не присутствовал на похоронах, уезжал ведь...

— То-то... Была она на похоронах, Саломэ...

Вступает еще кто-то:

- Где похоронили-то князя?
- В его же усадьбе... в часовне...
- И что, правда это, что сын вырыл могилу?
- Да... сам вырыл, бедняга...

Э. П. С. С. С.
Э. П. С. С. С.

МАТАСИ НА ЛОШАДИ

У Арчибальда уже нету слез. Он — как пересохший ручей. Солнце будто утихомирилось. Окрестность объята тишиной. Изредка пролетит муха с громким жужжанием — только и всего. Жужжание приносит странную печаль — (о былом или о небывшем).

Где, интересно, Вамех?

С того страшного дня Вамех покинул свой дом. Матаси говорит: он гостит у родственников. Столько времени?!

Тело Арчибальда — как лоно пересохшего ручья, в котором бродят мысли умершего человека.

Где Вамех?! Может, устыдился, что увидели его подслушивающим под окном? Возможно... Но из-за этого?.. Нет... Переживает, что боролся со стариком (отцом)?! И это возможно... но... то, главное?! Ах, вот что: он увидел, узнал отца — другого отца... Как взглянуть теперь на мать? Да, да, вероятно, в этом корень... Вамех нежной души человек, он — словно девственница... Он не знает, что такое трещина... Именно трещина терзает его сейчас... Но Арчибальд?! Ведь он любит его? Любит... И все же... А сам отец... Настоящий, подлинный отец... Разве не должен был содрогнуться Вамех от встречи с ним? Да, и содрогнулся, содрогнулся — с любовью... И все-таки... и опять же — мать!.. Как посмотреть ей в глаза? Нет, Арчибальд чувствует трещину, мучающую Вамеха... Трудно ему встретиться с братом... Они встретятся потом... после... а теперь...

Теперь лучше уйти. Арчибальд решает уйти.

Он идет к часовне. Останавливается у порога. Входит. Смотрит на могилу. Замирает. «Я твой сын...» — шепчут его губы. «И ты — во мне, отец...» Падает на могилу. Обнимает ее. Слышны приглушенные рыдания. Потом он встает и уходит. Обходит кругом часовню. Обходит весь двор. Перечитывает надписи на могильных плитах. Идет к деревьям. Обнимает каждое дере-

во. Входит в полуразрушенный дворец. Смотрит на доску, на которой той ночью лежал умирающий отец. Слезы душат. Он выходит наружу и направляется к ореху его детства. Пролезает под изогнутым корнем. Поднимает ком земли, смотрит на него долго-долго и прячет за пазуху.

Пересохшее лоно наполняется. Арчибальд наполняется: воспоминаниями — дыханием земли — отцом — предками — родом — отчизной. Слез больше нет. Он идет к дому: к дому потомков дедушки Саридана. Идет, как лунатик. Входит во двор.

Рядом с налиа — горы кукурузной листвы.

На одну из них забралась Матаси и сверху кидает вязки листьев детишкам Нико — (дяди). У ограды устроены ясли. Там привязаны быки. Дети тащат к яслям вязки листьев. Быки вкусно жуют свежие кукурузные листья.

Арчибальд смотрит на Матаси.

Голова ее повязана желтой косынкой. Грудь открыта. Ноги босы — виднеются голени, тронутые золотом солнца. Тело ее как бы сливается с листьями, словно и оно — плод кукурузного поля — зрелый початок: крупный и крепкий, початок грузинских полей. Солнце льет потоки лучей — золотые ручки. Матаси кидает вязки листьев.

Арчибальд смотрит на Матаси. Глаз Матаси не видит. А если он встретит ее взор — не сможет уехать из Саирме. Воля Арчибальда — как кремень: он должен уехать, так будет лучше. Арчибальд не смотрит уже на Матаси.

Поднимается на балкон. На балконе, облокотившись о перила, стоит дедушка Саридан.

— Бедный Тамаз... Хотя бы я повидал его...

Арчибальд безмолвен.

— Как ясно помню его... словно сейчас вижу...

Арчибальд не может ответить.

— Какой мужественный и отважный он был!..

Слезы подступают к глазам Арчибальда.

— Отчего ты не сказал, что ты его сын?

Вместо ответа Арчибальд обнимает Саридана.

— Не плачь, сынок... Все мы — дети смерти...

Арчибальд входит в комнату.

Теперь другая мысль жжет его: отныне не увидит

уже он дедушку Саридана — высокого Саридана — спокойного Саридана — светлого Саридана. Не услышит от него легенду о каменном юноше. И ни о лесной царице. Не услышит более его голоса — ~~утишающего~~ ^{утишающего}.

Сердце щемит.

Вбегает Аллан. Ластится к нему. Скулит. Глаза дога влажные — (не плачет ли?). Арчибальд гладит его рукой. Дог лает — (утешает ли?). Арчибальд ласкает дога и говорит ему:

— Аллан! Ты останешься с Матаси...

Аллан смотрит на хозяина удивленно.

Арчибальд пишет Вамеху письмо. За девять месяцев он научился грузинскому. Пишет... Сдерживает рыдание. Будто кто-то тянет его назад. Но решение Арчибальда непреклонно.

... ..

Рано поутру просыпается обычно Матаси.

И нынче рано встала она. Идет к комнате Арчибальда. Ни малейшего шума. Никаких звуков. Арчибальд тоже обычно поднимается спозаранок. Неужели спит? Даже шороха не слышно. Она стучится в дверь. Никакого ответа. Сердце встревожено: что случилось? Она открывает дверь. Арчибальда в комнате нет. На столе — письмо на имя Вамеха. Неужели Арчибальд уехал?! Уехал втихомолку?! Но ведь Аллан во дворе?! Бросил любимого дога?! Она смотрит на письмо...

И внезапно раздражается рыданиями.

— Что с тобой, Матаси?

Это голос Вамеха. Он входит.

Матаси протягивает ему письмо. Вамех читает. Арчибальд любит Вамеха... Вамех — его брат... Любит дедушку Саридана... Любит их всех... Любит Саирме... Любит родную землю... которая навеки приняла его отца... (Вамех — глухим голосом: «Неужели он умер?!») Любит Матаси... Любит ее иной любовью... и все же уезжает... Когда-нибудь потом он встретится с Вамехом... Аллана он оставляет Матаси — на память... Он уходит. Он знает обиду — или боль — Вамеха... и предпочитает уйти...

Вамех не заканчивает чтения.

— Матаси! Догони его верхом!.. Сейчас же! Ты до-
гонишь!

Матаси обнимает брата за шею и — глядя ^{сверху} ~~снизу~~
вверх, в его глаза:

— Что мне ему сказать?!

— Ничего не говори... Просто догони...

— И больше ничего?!

— Ничего... он сам знает...

Матаси бежит к конюшне. Выводит вороного коня. Вскакивает на неоседланного коня, как юная амазонка. Пускает вскачь. За ними с лаем несется Аллан.

Спустя час Матаси видит на повороте мужскую фигуру. Определенно он: думает она. Догоняет. Увы: Матаси хмурится — не он. Снова скачет. Аллан — следом, громко лая. Вдруг он вырывается вперед. Взбегает по склону холма. Матаси — за Алланом. Его не видно. Слышен только заливистый лай. Вдруг лай смолкает. Матаси уже на вершине холма. И — о, радость! Аллан, стоя на задних лапах, передними обнимает за шею Арчибальда.

«Не остался!» — думает о доге Арчибальд.

— Ты изменил Матаси? Ах, ты...

И он легонько ударяет дога по голове.

Но в тот же миг обрывается топот копыт, и перед Арчибальдом уже стоит Матаси.

— Матаси!..

Матаси бросается к нему. Обнимает его.

Воля Арчибальда — уже не кремень. Он тоже обнимает Матаси. Его пьянят ароматы Саирме — (Матаси — серна с гор Саирме). Его пьянит аромат свежесжатой грозди виноградной — (Матаси сама — гроздь виноградная). Пьянит аромат зрелого початка — (Матаси сама — початок). Глаза Матаси расширяются — точно свежие побеги дубового дерева, на которые льются сверкающие солнечные лучи. Арчибальд глядит на ее высокие бедра — и вот она, грузинская земля: с ее пашнями — с ее грудью — с ее нивами. Дыхание земли необоримо. И голова у Арчибальда кружится. Он смягчается.

— Вамех не приходил?

— Пришел... Утром, сейчас вот...

— Что-нибудь говорил?

— Сказал, догони...

— Больше ничего?

— Ничего...

Дрожь охватывает Матаси. Она опускает голову. Арчибальд смотрит на нее жадно. Каменная воля ломается. Вернее — воли просто нет. Арчибальд поворачивает к Саирме. Без слов — без раздумий — без мыслей — следует за Матаси. Извлекает что-то из-за пазухи. То — зменная рубашка, выползина. Арчибальд видит как сейчас: на приречном песке змея меняет кожу. Сбрасывает ее, с иронией смотрит на нее — на саму себя, брошенную, и, скользнув, стремительно устремляется прочь, в новой и чистой коже.

Арчибальд рассматривает змеиную рубашку. Не себя ли самого видит: того, который был — которого нет уже — который покинут?! Иронии не видно.

Матаси идет медленным шагом. Ступнями целует землю.

Арчибальд безмолвно следует за ней.

У калитки стоит Вамех — точно сабля, в крови омытая и унявшаяся. Ждет Матаси... Ждет кого-то еще...

Несчастный Тамаз! Если бы он мог увидеть встречу братьев! Их крепкое объятие!

ЭПИЛОГ

Дедушка Саридан сидит под орехом.

С ним играет маленький карапуз.

Старик тщетно пытается раскурить чубук.

— Тазико! Сбегай-ка, попроси у дяди трут!..

Тазико бежит вприпрыжку.

Под грушей—чичквой Вамех и Арчил (Арчибальд теперь — Арчил) укрощают необъезженного коня. Конь злой и непокорный. Но руки мужчин сильны. Конь поглядывает то на одного, то на другого: хочет понять, который сильнее. Постепенно конь остывает.

— Что тебе пишет Таба Табай? —

спрашивает Вамех, хватая в то же время коня за заднюю ногу. Конь отскакивает в сторону. Арчил с той стороны удерживает его.

— Он, оказывается, побывал в Калькутте... Собирается к нам...

Тазико приближается.

— Не подходи к лошади! Стой там!

Это отец велит.

— Дедушка сказал, чтобы ты дал трут... —

кричит Тазико Вамеху. Вамех подает ему трут. Тазико убегает.

Дедушка Саридан вытаскивает из кармана кремень. Огниво. Кладет трут. Ударяет. Рука его дрожит и он промахивается. Ударяет во второй раз. И на этот раз не высек искры. «Черт бы побрал старость!» (думает он про себя). Ударяет еще раз. Наконец трут загорается. Саридан раскуривает чубук и треплет Тазико по головке.

— Как тебя зовут, Тазико?

— Тамаси...

— Не «Тамаси», а Тамази...

— Та... ма... си...

Тазико старается, но безуспешно.

Старик улыбается.

— А как твоя фамилия, Тазико?

— Илубакидзе...

— Ирубакидзе... Повтори: И-ру-ба-кидзе.

Старик и сам плохо произносит фамилию.

Тазико повторяет. Старается:

— И...ллу...ба...ки...дзе...

Не совсем получается.

Старик смеется.

Тазико играет с дедушкой Сариданом. То забирается к нему на колени, то дергает за бороду. То хватается за чубук. То ладошкой шлепает Саридана по щеке. То дергает за волосы, торчащие из ушей, и спрашивает: «Что это?» Старик улыбается:

— Полно тебе, малыш!..

Издали на Тазико глядит Матаси. Она беременна и идет это к ней. Матаси смотрит на Тазико и радуется.

А Тазико не дает покоя старику.

Старик смотрит на западный край неба. Пылающая чаша солнца опускается. Сколько еще раз увидит он эту чашу? — (думает старик?!). Он поворачивает голову и созерцает окрестность, где живут его потомки. Взгляд его как бы останавливается.

— Дедушка!

Зовет Тазико.

Внезапно старик крепко сжимает зубами чубук:

точно хочет перекусить. Тазико ручонкой стучает по чубуку — он падает наземь. Голова старика наклоняется книзу — вбок.

— Дедушка!

Не отстаёт Тазико. Бросается на его руку. Рука бессильно падает — точно оторванная. Тазико забегает с другой стороны и хватает его за другую руку. Старик падает наземь, точно деревянный. Головой задевает за ствол дерева. Сбивает кусочек старой древесной коры. В тишине замирает и этот звук.

— Дедушка!

Тазико теребит старика и удивленно заглядывает в его глаза. «Как он быстро уснул!» — (думает мальчик).

— Что это ты, Тазико, покоя не даешь дедушке?

Подходит Вамех и Арчил с ним.

— Посмотри... как он спит!.. —

лепечет малыш.

Вамех и Арчил склоняются над стариком.

Дедушка Саридан уже не дышит. Он и вправду уснул... навеки.

Вамех и Арчибальд укладывают тело на длинный камень.

Пылающая чаша солнца больше не видна: не она ли унесла с собой взор дедушки Саридана.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Перевод романа осуществлен с тбилисского издания 1925 года. Сохранена пунктуация, по возможности — графический рисунок текста, а также орфография топонимов оригинала. Орфография грузинских имен собственных максимально приближена к грузинской орфоэпии.

К. К.

Ханс Бьёркегрен — шведский писатель и переводчик, давний друг Грузии, впервые посетивший ее еще в 1961 году.

Познакомив шведского читателя с произведениями всемирно известных русских поэтов и прозаиков — А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама, И. Бродского, И. Бунина, Ф. Достоевского, А. Солженицына, Х. Бьёркегрен перевел роман Ч. Амирэджиби «Дата Туташхиа», который был издан в Стокгольме (1978). Недавно он снова побывал в Грузии в связи со своими творческими планами.

Представляем несколько стихотворений Ханса Бьёркегрена в переводах ИЛЬИ КУТИКА.

...ЭТИ ПОЭТЫ

Посвящается Лассе Седербергу

Уж эти поэты!.. Из света их башни свиты,
и ласточка ластится к их этажам спросонья.
В конюшнях до блеска — крепкие, словно скрипки, —
скребками небесными вычищены их кони.
И каждое утро они побеждают — юны —
деревья и море, и — будто бы руны в камне —
в каменных лодках с веслами-камышами
подняты солнцем — над вёками и века́ми.

2

Уж эти поэты!.. Из света их башни свиты,
но ласточки ластик стирает его под вечер.
От грубых столов, зарывшихся в алфавиты,
их тянет в горы, где роши листоает ветер.
О, память погоды! — зеленых деревьев знамя,
шифры ночные и ветра крыла вороньи —
все копится где-то, чтоб в райском истаять хламе,
и души стынут на синем речном перроне.

А ласточка реет над ранами и зеркалами.

Разговор с миром

УДК 82.01
ББК 84.001.01

Океан меня не колышет!..
Я беру у луны камни.
Они купаются в своей пене,
могут светить, как малина и солнце...

Мохнатая сторона листа
ста-
новится — псом.
Фас! Франт под биноклями зависти
идет с красным псом
под красной малиной и солнцем.

Океан меня — не колышет.
Небо есть древо,
дуб мировой, где в обезьяне
спит человечье семя.

* * *

Буки в листьях — как в буквах.
Бог
стоит с протянутою рукой —
нищий создатель.
Он наклоняется над рекой.
Зелеными кронами кроны плавают в ней,
облетая...

Ветки прорвали белый ветхий пакет,
вытекший в воду...

Апокалипсис

В ту же ночь я видел красавца-оленя.
Нервные золотые копытца — как финики в бронзе...
Было жарко и парило... Он же — парил...
Глаза глубочайшего голубого цвета,
пожирившие излученья... Спору
нет — он парил, но его паренье

было нервным, как будто бы паралич...
Парнокопытный, парящий в бронзе...
Всю испарину мира, всю боль и ужас,
все смертельные спазмы его вместивший
в красный дергающийся сигнал...
В ту же ночь за спиной золотого взрыва
видел я набухающую звезду...
В той же таре стеклянной... в соседстве тесном
со стихами и мертвенным опереньем
как ужиться может огромно-дымный
и парящий гриб?.. В ту же ночь я видел,
как красивое облако — окаменело...
И коробки Объединенных Наций
расслоились, как белый картон под паром...
В ту же ночь я видел, как мир — испарялся...

Гурам БАРНОВ

Повстречались мы с кипчаком...

Давно уже замечено, что читатель как-то охладел к художественному слову. Если тут виновата эпоха, то свою долю вины в этом «эпохальном» деле несут современная литературная критика, советское литературоведение.

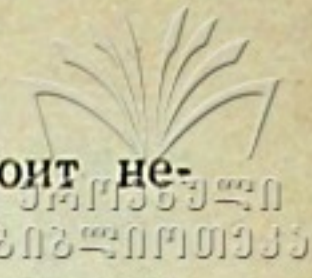
В одном из стихотворений, написанных в 20-е годы, есть такие строки:

Зал разделен надвое —
Наш Эгнатэ, их Илья...*

В этих строках четко проступает отношение новой власти к литературе. Чей это — «наш» Эгнатэ? «Наш», т. е. трудового, честного, бедного народа. А «их Илья»? «Их», т. е. бывших господ, богачей, интеллигенции.

Стихотворение написано в то время, когда Илью Чавчавадзе убивали во второй раз. Второе убийство было не менее омерзительным, чем Цицамурская трагедия, поскольку на этот раз в заговор против Ильи пытались втянуть всю Грузию — имела место тотальная и, к сожалению, небезуспешная попытка объявить писателя одиозной фигурой. В обществе,

* Имеются в виду грузинские писатели Эгнатэ Ниношвили и Илья Чавчавадзе.

способном фетишизировать недостойного, ничего не стоит не-
заслуженно унижить достойного.

С 30-х годов содержание слова «наш» меняется: оно уже говорит не о социальном происхождении и социальной позиции писателя, а о его принадлежности «всему народу». Литература, как и земля, лес, фабрики и заводы, другие средства производства, также стала «общенародным достоянием». Таким образом, «наш» противопоставлялось уже не «их», а «моему»; в литературе, как и везде, слово «мой» становится анахронизмом, и ему на смену приходит слово «наш». Не только современные писатели, но и «наши» мастера художественного слова прошедших веков должны были находиться в полной гармонии с духом советской эпохи.

Легко представить, какой простор открывался для конъюнктуры!

Из литературного наследия советское литературоведение предлагало читателю лишь то, что находило «нужным» и «полезным». Поэтому непосредственное знакомство с произведением считалось даже нецелесообразным, ибо все значительное и необходимое для нас, читателей (в том числе и содержание произведения), излагалось в т. н. книгах разбора. Так преподавали литературу в школах, вузах и, что главное, требовали от учащихся только таких знаний. Тем же духом были пронизаны учебники, исследования, критические статьи (исключения тогда не делали погоды, хотя, к счастью, были литературоведы, слово «советский» употреблявшие лишь для определения временного отрезка). Нет ничего удивительного в том, что преподносимая таким образом литература вызвала у целых поколений апатию к художественному слову вообще.

Ставшая «общенародным достоянием» литература «требовала» выработки коллективного вкуса — художественное произведение должно было осмысляться и оцениваться всеми одинаково. Так узурпировался вкус читателя. (Подобная тенденция вызывала и обратную реакцию; вспомним хотя бы известное эссе Марины Цветаевой «Мой Пушкин», который отличался от «нашего Пушкина» тем, что не был ни атеистом, ни неусыпным врагом царизма, ни революционером. Впрочем, не следует забывать, что «Мой Пушкин» писался в эмиграции).

Хотя художественное произведение порой дает более ясную и реальную картину истории страны, ее политической ситуации, социальной жизни, чем, скажем, исследование социологического или исторического характера, это вовсе не го-

ворит о том, что основное назначение литературы — отражение общественных явлений.

Верные последователи основоположников исторического материализма и теории пролетарской революции охотно забывали, что самое древнее и самое значительное открытие, которое сделало человечество на всем протяжении своей истории, есть открытие человеческой души. Они забыли, что история человечества — не просто история смены общественных формаций, но и история еще большего очеловечения человека, что вместе с религией именно художественное слово несло на себе тяжкий груз познания человеческой души, именно художественное слово было призвано выразить внутренний мир человека, величайшие человеческие страсти.

В недрах же «классово-материалистической религии» не нашлось места для человека как индивида. Для нее человек — в основном лишь общественный феномен, и поскольку «все человеческое ей чуждо», понятно, почему «новая религия» не отличалась доброжелательностью к литературе, которая по сути своей есть не что иное как человековедение, личностноведение.

Послушное «большой политике» литературоведение привело к разрушению литературных памятников (как же иначе назвать то, что суть произведения не может быть постигнута читателем?), и сегодня они требуют заботы о восстановлении так же, как и памятники материальной культуры — охраны и реставрации.

К счастью, началась переоценка художественных ценностей, на переднем плане в литературе оказалась проблема человека, впрочем, мы пока еще не освободились от старых стереотипов и в оценке произведений превалирует в основном идеологический подход.

Хочу привести пример такой переоценки из фольклорного материала.

В последнее время в прессе появились публикации, в которых высказывается сомнение в целесообразности изучения в школе «Стиха об Арсене». Чему он учит подростка? Ведь это народное произведение — апология грабительства («...отнимает у богатого, отдает бедному!»). Как показала история, грабежи и насилие ничего хорошего обществу не приносят, — раздаются голоса оппонентов, — и поскольку включение «Стиха об Арсене» в школьную программу было своего рода данью «классово-материалистической религии», желательно сейчас обойтись без него.

Но прежде чем изымать «Стих...» из школьной программы, надо подумать, почему он пользовался популярностью за-долго до включения в нее, (т. е. до революции). Неужели его герой нравился народу только потому, что грабил богатых и одаривал бедных (хотя бы частью награбленного)? По-видимому, существует и народная критика, и она иначе воспринимает внутренний мир этого не проливающего крови благородного героя. «Стих об Арсене» — редчайшее исключение в фольклоре, когда анонимному автору виртуозно удалось постичь духовный мир своего персонажа, показать всю глубину его душевной трагедии, градацию душевного состояния — Арсен в финале поэмы совершенно другой человек. Как известно, возмущенный несправедливостью помещика Арсен бежит в лес. Он вынужден грабить, чтобы прокормиться. Но идут годы... Уже пятнадцать лет он скрывается в лесу. Арсен же, в первую очередь, крестьянин, человек, который по весне не может не думать о пахоте и севе, не тосковать о запахе вспаханной земли. Трудяге по натуре, ему очень трудно скитаться по лесу, находиться вдали от близких и родных. Поэтому в конце поэмы мы видим Арсена как бы выпавшим из колеи, мечущимся в поисках своего места: то он — в Казахе, то — в Сомхити, то едет в Кизики мстить Парсадану, своему крестному отцу, предавшему его (которого, впрочем, потом пожалует); затем мы видим его в Марткопи, оттуда он едет в Тианети. И всюду выпивает. Совершенно очевидно, что нервы у Арсена сдают.

Снилось нынче мне, что кровью
бороду я омываю.

Чувствую: подходит гибель
от кого — не все ль едино...

Иль татары мне изменят,

Иль убьют меня грузины.

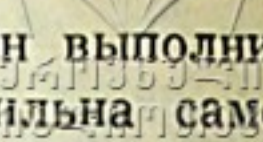
Больше мне яиц пасхальных

Не держать своей рукою.

(Перевод В. Державина).

Затем следует совершенно неожиданная, на первый взгляд, строка, открывающая завесу как над финальным эпизодом, так и над душевной трагедией героя, как бы подводящая черту под всей этой историей.

Если я убит не буду,
Сам покончу я с собой!

Здесь фактически кончается жизнь Арсена. Он выполнил свое слово — встреча с Кучатнели была равносильна самоубийству...

Неизвестный поэт с поразительной психологической глубиной и, что главное, художественной правдивостью воссоздает внутренний мир Арсена, его духовный портрет. Как видно, народ по достоинству оценил то, что героя не ожесточили ни клевета, ни предательство, ни несправедливость. Любовь к людям не угасла в его сердце. Он до конца остается благородной личностью. Для человека, кровью и плотью впитавшего народную нравственность и этику, насильственный отрыв от общества, выпадение из нормального течения жизни страшнее смерти. Арсену уже не мила жизнь. Ему все опостылело, он, как маленький сирота из грузинской народной песни, молит смерть: «Возьми меня с собой, мне грустно здесь...».

Если не забывать, что фольклор — устное литературное творчество (а литература — в первую очередь, человековедение), и стараться донести до юного читателя «Стих об Арсене» именно под этим углом, тогда, быть может, и не возникнет необходимости изымать его из школьной программы.

Неизвестный автор (или авторы) «Стиха об Арсене», можно сказать, имели и «время» и «пространство» для показа внутреннего мира героя, чего никак не скажешь об анонимном поэте, авторе небольшой по объему баллады «Повстречался я с кипчаком...», которому также удалось показать движение души своих персонажей.

Этой балладе посвящено немало исследований, по достоинству оценивших мужество героя, содержащих достойные внимания соображения о предполагаемой дате создания произведения, месте встречи действующих лиц и т. д. Большие споры вызвал финал баллады. Известно, со временем появляются различные варианты того или иного фольклорного произведения. Вариантное различие в данном случае приходится именно на финал.

1. Жену отправил к теще я,
а он (кипчак — Г. Б.) там жрет песок.
2. Тут я умираю, там — он,
жена же ушла к брату.
3. Тут я умираю, там — он,
жена ушла к другому.

(Перевод подстрочный)

Споры возникают относительно того, какой из финалов считать «каноническим». А между тем без внимания осталась основная часть баллады, почти не имеющая вариантных различий, выражающая суть произведения:

Повстречался кипчак мне — проклятье ему!
Близ Мухрани у поля пшеничного.
Хлеба он попросил, дал я хлеба ему,
Выбрал лучшего хлеба, отличного.
Мясо он попросил, дал я мяса ему,
Выбрал лучшего в сумке фазана я,
Он вина попросил — дал вина я ему,
Выбрал сладкое, лучшее самое.
Он жену попросил — как отдам я жену,
Коль везу ее в гости к родителям?

(Перевод Н. Заболоцкого)

Последняя строка, несомненно, полна скрытой иронии, но не в этом главное. Сочинитель баллады виртуозно показал нам внутренний мир обоих героев — грузинского юноши и кипчака, их характеры, мораль, нравственность и, если хотите, мировоззрение.

Кто он, этот кипчак? Один из тех, коих Давид Строитель некогда призвал в Грузию в качестве наемных воинов. Выполнив свою миссию, многие вернулись на родину, иные ассимилировались с грузинами, но были и такие, кого не тянуло на родину, а здесь, в Грузии, их, уже утративших свою функцию, интересовал только кусок хлеба. Кипчак не требует хлеба, он просит его (хлеба он попросил, дал я хлеба ему...), в противном случае грузинский юноша, вероятно, сразу же попытался осадить его. В момент встречи кипчак — заурядный попрошайка. Но, как говорится, аппетит приходит с едой. Насытившись, разгорячившись от вина, он уже требует жены хозяина. Именно требует, а не просит. Как народный творческий гений сумел придать одному и тому же глаголу совершенно иной содержательный нюанс, остается загадкой. Быть может это объясняется тем, что просьба с каждым разом становится все значительнее и под конец переходит границы?! Одно ясно, неизвестный поэт удивительно точно сумел показать метаморфозу, происшедшую с пришельцем, который из заурядного попрошайки превращается в насильника, в чем, безусловно, «виновато» и чрезмерное гостеприимство, и деликатность, испокон веков присущие грузину. Уступи он ему

свою жену, насильник завладел бы и его домом, а потом уже потребовал и его родину. К счастью, грузинский юноша сумел ограничить аппетит вошедшего во вкус пришельца, и до этого дело не дошло. (Иноземцу, которому случилось бы наблюдать эту сцену, вероятно, трудно было бы понять и объяснить поведение грузина — сперва накормил, напоил, обогрел, а потом схватился за меч. И все же, как иноземец, он посочувствовал бы кипчаку).

Пройдет несколько веков, и уже в начале XX столетия вновь столкнутся друг с другом уже не безвестный кипчак и грузинский юноша, а Джако Дживашвили и Теймураз Хевистави, и не на границе Мухрани, а в селе Нашиндари (и не в народной балладе, а в романе Михаила Джавахишвили «Приживалы Джако»)*.

Удивительно схожи перипетии метаморфоз, происшедших с кипчаком и Джако. Джако тоже ищет кусок хлеба и пытается всех разжалобить: «Раньше, когда Джако спрашивали, откуда он, Джако протягивал свой толстый палец в сторону Рокской горы и говорил:

— Оттуда я, бедный Джако, сирота. Никто у меня нету — ни брат, ни отец, ни дядя».

Воровски, обманом, а потом уже и открыто, силой завладевает Джако имуществом Теймураза, его богатством и, подобно нашему знакомцу кипчаку, наглеет на глазах. Он уже не стесняется Теймураза и Марго, которые в собственном доме находятся в роли приживалов.

«Теймураз узнал свои ковры и мебель, покрывала и принадлежности для умывания — все то, что, по утверждению Джако, реквизировали тамошние власти несколько лет назад.

Узнал и удивился.

— Ладно уж, молчи! — шикнула на него Марго, — не вздумай говорить об этом, стыдно, как никак гости мы.

Не запрети ему Марго говорить, Теймураз все равно культурно промолчал бы».

Теймураз на все закрывает и без того близорукие глаза, и Джако отнимает у него даже жену. Симптоматично, что

* В романе рассказывается история грузинского интеллигента князя Теймураза Хевистави и его жены Марго, которые после революции оказались в безвыходном экономическом положении и, гонимые новой властью, были вынуждены искать приюта у своего бывшего слуги, осетина по происхождению Джако Дживашвили, прибравшего к рукам все их имущество.

найдя приют в бывшем своем доме, Теймураз чувствует себя гостем.

(Советское литературоведение дало довольно тенденциозную и одностороннюю оценку художественного образа Теймураза Хевистави. Не буду сейчас останавливаться на причинах этого, скажу только, что Хевистави со своей высокой нравственностью, моралью, интеллектом был продуктом тогдашней цивилизации и не мог себе представить, что когда-нибудь, хотя бы на время, в его стране вновь восторжествуют темная сила и животный инстинкт).

Позднее, когда дело дошло до земли, у Джако в Рокских горах оказались и братья, и дядья.

«...С гор неожиданно нагрянули пятеро Дживашвили, вооруженные до зубов. Нагрянули и поддержали Джако:

— Да, да! Все наше, наше! Мы вам покажем кузькину мать!

— Да здравствует правительство Жордания! Бедным людям земля дает Жордания! — то и дело кричал Джако».

А время шло. С арены истории в Грузии ушли одни марксисты (меньшевики) и пришли другие марксисты (большевики). С изменением обстоятельств «изменился» и Джако.

«— Долой Жордания! Джако не хочешь буржуйное правительство, нет! Да хранит бог наше правительство и ревальцию, что дала беднякам, вроде Джако, земля и дом!»

И что главное:

«Джако сбросил оружие, засучил рукава и так накинулся вместе со всем родством на эту землю, сады и виноградники, как накидываются на кровного врага: от зари до сумерек они пахали, сеяли, разрыхляли землю, обрезали лозу и... собирали жатву».

Как тут не вспомнить слова Ильи Чавчавадзе из его статьи «Что сказать вам, чем порадовать?».

«Вооруженный мечом враг не смог одолеть нас и отнять нашу землю. Враг же, пришедший со знаниями и умением, трудолюбивый и работающий, раздавит нас, и нашей прекрасной страной, как бесхозной церковью, завладеют другие...»

Если мы прислушаемся к этим словам, они никогда не станут для нас пророческими.

Существует несколько аспектов литературно-фольклорных связей. Литература заимствует у фольклора отдельные выражения, образы, сюжеты. Было бы неверно полагать, что между балладой «Повстречался я с кипчаком...» и романом «Приживалы Джако» существует именно такая непосредственная

связь. В данном случае она выходит за рамки обычных фольклорно-литературных взаимоотношений, здесь скорее может идти речь о «генетической» связи — у народной баллады и романа Михаила Джавахишвили один и тот же источник: грузинский характер, грузинское мироощущение.

Грузинский народ характеризует ярко выраженная общечеловеческая черта — ему особенно дороги те, на кого он потрудился, кого обогрел, приютил. И ему трудно понять неблагодарность, когда человек, стольким обязанный тебе, может быть твоим потенциальным врагом.

Похоже «встреча с кипчаком» стала хронической проблемой для Грузии. «Кипчак», разумеется, здесь понятие условное, ибо из всех пришельцев наиболее мирно мы расстались именно с кипчаками. Погибший у границы Мухрани кипчак был, верно, последним.

Упаси нас, Боже, быть менее милосердными, менее терпимыми, менее добрыми, чем другие народы, но, как говорится, «кесарю-кесарево» — не меньше, но и не больше. И когда пришелец ведет себя в нашем доме слишком вольно, нарушая все нормы этики, мы независимо от его национальной принадлежности традиционно воспринимаем его как кипчака. Начиная с прошлого века, к нам устремились «кипчаки» разных мастей. Именно это имел в виду Григол Орбелиани, когда писал: «Пришедший издалека в мое имение попрекает меня тем, что я здесь живу».

И может быть исторический опыт грузинского народа подсказал Георгию Леонидзе строки в его лирическом шедевре, навеянном балладой о кипчаке:

Но и сам погибнет тот,
кто кипчаком рожден...

С Л О В О О П О Э Т Е

Говорят, когда победивший Гарибальди ехал по ликующему Риму, женщины кричали: «Не бросайте в него цветы, его раны еще не зажили!..»

Подобные формы излияния чувств, казалось, давно и безвозвратно изъяты из современного обихода. И все-таки что-то именно такое двигало мной, когда я собирался в Нальчик и Чегем на чествование дорогого человека, — такими именно словами хотелось обратиться к сердцу поэта, ранимее которого нет...

По нелепому стечению обстоятельств долгожданная встреча на родной его земле не состоялась...

Кайсына Кулиева-поэта я в первый раз узнал, взяв с книжной полки в доме Симона Чиковани его знаменитую (только что вышедшую тогда) книгу «Раненый камень». Живого же автора, живого Кулиева, впервые увидел в Мтацминдском пантеоне, когда он говорил прощальное слово своему грузинскому собрату.

Никогда не забуду этот голос и его гулкое эхо в скалах Святой Горы. Случилось так, что рядом со мной тогда стоял самый близкий мой друг — хевсур по происхождению, — тоже никогда не видевший Кулиева. И нас, двух горцев — хевсура и лечхумца, — пробирал один и тот же трепет. Потому что и слова, и этот голос, и интонация, и построение речи, и просвечивающий в них душевный склад говорящего были необычайно близки нам и достигали самых глубин сердца.

Потому что это были слова и голос кавказца. И мы острее, чем когда-либо раньше, чувствовали, что этот склад, это строение, этот характер в самом деле существует, непреходяще реален и что именно он дает возможность этому человеку делать на наших глазах чудо: претворять горечь утраты в оплот для веры, высекать из скорби надежду и гордость.

Облик Кайсына Кулиева стал для меня с тех пор ярчай-

шим воплощением того, что до встречи с ним представлялось лишь идеей, абстракцией, плодом воображения.

Кавказ — не только горы и облака, не только стремнины и обвалы и, конечно же, не только курортная экзотика. И поэзия истинных кавказцев — не только выражение этой экзотики.

Это — поэзия, фиксирующая особое состояние духа, когда поэт чувствует, что он ближе других находится к душе вселенной, и в силу этой, почти осязаемой близости лучше других понимает ее изначальный замысел, когда он с этой высоты по-орлиному зорко обзревает просторы мироздания и, вслушиваясь в сердцебиение родных гор, четче других слышит неумолкший за тысячелетия стон прикованного здесь мятежного духа.

«Кавказский характер» был безжалостно профанирован в псевдолитературе двух последних столетий. Так что мы иногда предпочитаем вообще не говорить о нем, как будто такого вовсе не существует в природе.

И все-таки это не фикция, и если говорить по большому счету, то это — «характер», обозначающий в наше время нечто весьма ценное, некий элемент, который, наряду с другими, совершенно необходим, ибо без него в мировой системе элементов этого ряда образовалась бы досадная, ничем не восполнимая пустота.

Счастлив, по-настоящему счастлив, божественно везуч Кайсын Кулиев, потому что ему одному из немногих удалось выразить и донести до миллионов людей этот не опошленный, не фальсифицированный дух земли, вскормившей его, его удивительный дар и вдохновение. И мы, его закавказские друзья и сородичи, преклоняем перед ним головы прежде всего за эту великую удачу.

Но вот оно, подсказанное поэтом слово! Я слышал от него — он говорит именно так: «Великий Гогла», «Великий Симон».

Мы, грузины, еще не привыкли так величать их. Не знаю, говорят ли такое сами балкарцы о своем поэте, но я хочу верить, что так именно сказали бы сегодня на моем месте и Георгий Леонидзе и Симон Чиковани.

Кайсын кровный сын своего народа, поведавший миру о неистребимости его жизненных сил, доказавший, что Божья искра не угасла в его мужественном сердце, что это — народ, достойный числиться среди тех народов, которые не только

берут, но и возвращают, сторицей воздают за то, чем одарили их земля и небо, — народ, достойный бессмертия.

Вот что мне хотелось сказать о нем в его родной Балкарии.

И еще: Кайсын много пишет в последнее время (хотя и без малейшего содрогания в голосе) о том, что подстерегает каждого смертного в конце пути. Но он всегда был и остается и в поэзии, и в жизни сильнее этой угрозы... Кайсын Кулиев силен своей горячей, чистой, мудрой любовью к людям, юношеской обнаженностью своего сердца, силен тем, что у него есть много настоящих, преданных друзей на этом свете. И я хочу сегодня вернуть ему слова, которые он однажды сказал одному из них:

Ты братство пел, лелеял дружбу ты.

Средь мастеров — как мастер ты в почете.

Твои стихи орлами с высоты,

Твои орлы всегда, мой друг, в полете.

(Перевод М. Дудина)

И еще я непременно хочу обратиться к его птенцам — к поколению Эльдара Кулиева: хранить и умножать то, что берег для них балкарский поэт Кайсын Кулиев! Потому что это самое святое, самое лучезарное из всего, что есть у человека на земле, самый большой его праздник.

1977 год.

Методы изучения и анализа художественного произведения¹

III. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Ценность для науки сравнения как приема, направленного на выявление сходства и несходства рассматриваемых объектов и способствующего постижению их специфики, была известна ученым Индии, Китая, Греции, арабских стран издревле. В IV веке до н. э. Аристотель, широко применяя этот прием, заложил основу сравнительной анатомии животных. С начала XIX века сравнительный метод начинает широко проникать в естественные и гуманитарные науки (морфологию животных и растений, антропологию, языкознание, этнографию, психологию). Вильгельм Гумбольдт ставит перед исследователями задачу «сравнивать на одних и тех же основаниях все языки, какие только удастся обнаружить, [принимая во внимание] весь известный языковой запас, всю умопостигаемую человеческую природу и все исторически засвидетельствованные судьбы различных народов», «чтобы, понимая язык как следствие, создавать и совершенствовать его в соответствии с поведением человека, либо, понимая его как причину, делать выводы о внутреннем мире людей, и все это с философским рассмотрением общей человеческой природы и с историческим рассмотрением судеб различных народов»². Грандиозный замысел немецкого ученого, сделавшего непомерно большую ставку на сравнительный метод, с помощью которого ему представлялось возможным создать «не только новую науку, но и новый тип научных

¹ Продолжаем публикацию серии статей, посвященных методам изучения и анализа литературных произведений. Начало см. в №№ 9, 11 за 1990 г.

² Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985, с. 346—347.

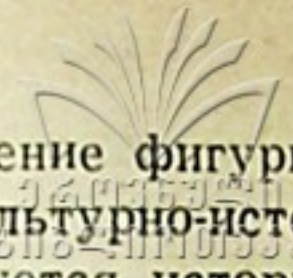
исследования», обернулся утопией³. Исследуя особенности сравнительного метода и отмечая достигнутые им успехи, Гегель в «Науке логики» (1812—1816 гг.) поставил вопрос о границах его применения.

Именно общедоступность сравнения как относительно простого приема и его вспомогательная в научном исследовании роль с особой остротой ставят вопрос о правомочности рассмотрения сравнительных приемов исследования как особого метода в литературоведении. В. М. Жирмунский, посвятивший сравнительному изучению литератур множество работ, полагал, что «сравнение относится к области методики, а не методологии: это методический прием исторического исследования, который может применяться с разными целями и в рамках разных методов, однако является необходимым для любой исследовательской работы в области исторических наук»⁴. Позиция ученого представляется мне логичной — не случайно мэтр сравнительного изучения Александр Веселовский указывал, что сравнительный метод — «метод вовсе не новый, не предлагающий какого-либо особого принципа исследования: он есть только развитие исторического, тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможно полного обобщения»⁵. Если выделение сравнительно-исторического метода, как одного из ответвлений метода культурно-исторического еще имеет смысл, то притязания компаративизма XX века на отдельную отрасль литературоведения (так называемое «сравнительное литературоведение») не представляются научно обоснованными. В 1897 году главой русской культурно-исторической школы А. Н. Пыпиным были сформулированы задачи новейшей истории ли-

³ В 1857 году, когда сравнительным изучением был уже накоплен немалый опыт, Ф. И. Буслаев формирует его задачи более реально, хотя и предложенная им формулировка страдает максимализмом: «Отличить в народности общее от частного и на основании последнего определить ее характер, усвоенный тем или другим племенем, — вот задача сравнительно-исторического изучения языков, мифологии, нравов, обычаев и преданий» (Отечественные записки, 1857, № 6, с. 738—739).

⁴ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979, с. 67. Здесь и далее в тексте слова выделены мной. — В. Ч.

⁵ Веселовский А. Н. Историческая поэтика, Л., 1940, с. 47.

тературы, причем сравнительно-историческое изучение фигурирует у него как третья по значимости задача культурно-исторического характера⁶. В настоящей статье исследуется исторически возникшее ответвление культурно-исторического метода, просуществовавшее до первой мировой войны — его мы будем условно называть сравнительно-историческим или сравнительным методом.

Одна из наиболее удачных попыток дать дефиницию сравнительного метода в литературоведении принадлежит Н. К. Гудзию, который понимал под ним «такой способ исследования, при помощи которого сопоставляются однородные или сходные литературные факты и явления независимо от их генетического родства или влияний, заимствований, взаимосвязей и взаимодействий, возникающих в результате культурно-исторического общения различных народов»⁷. Как подчеркнул сам автор дефиниции, «при таком сопоставлении принимается во внимание не только сходство, но и различие сравниваемых объектов». Можно определить сравнительно-исторический метод и через культурно-исторический — как метод культурно-исторического изучения художественного произведения в его сопоставлении с другим (или другими) произведением, обнаруживающим с ним определенную общность.

В орбиту сравнительно-исторического изучения литературы, которое началось с 30-х годов XIX века параллельно культурно-историческому изучению и под влиянием последнего, было втянуто большое число исследователей (среди которых братья Гримм, Ф. И. Буслаев, Александр и Алексей Веселовские). Любопытно, что значительный вклад в развитие сравнительного метода внесли ученые, для которых этот метод не был основным — еще один аргумент в пользу рассмотрения сравнения как «методического приема исторического исследования». Предпринимались попытки (в частности, Н. И. Конрадом) представить историю сравнительного метода, опираясь на противопоставление старого и нового этапов. Мне представляется более логичным рассмотреть историю метода в теоретическом разрезе. Важнейшими этапами становления сравнительно-исторического метода при таком подходе предстанут: 1) мифологическая теория Я. Гримма (1835); 2) теория заимствования Т. Бенфея (1859); 3) теория самозарождения Гер-

⁶ См.: «Лит. Грузия», 1990. № 11, с. 211.

⁷ Известия АН СССР, ОЛЯ, 1960, т. XIX, вып. 2, с. 117.

винуса-Тайлора (1835—1842, 1869); 4) теория «встречных течений» Александра Веселовского (1863—1889). Компаративизм XX века, с моей точки зрения, не дал сравнительно-историческому изучению литератур ничего принципиально ^{нового} в области теории.

Причины возникновения, а затем и усиления интереса к сравнительному изучению лежат в культурно-исторической плоскости: о них я говорил в статье, посвященной культурно-историческому методу («Лит. Грузия», 1990, № 11), «В наше время, — писал Пыпин в 1875 году, — общечеловеческий идеал или общечеловеческие интересы литературы возрастают особенным образом: по мере того, как усиливалась политическая и экономическая связь наций, увеличились до небывалой прежде степени их непосредственные сношения, возросло общение и единство науки, — основные европейские литературы все больше и больше расширяют свое действие...»⁸. Социально-экономическими предпосылками сближения наций были промышленные перевороты в ряде европейских стран, а также национально-освободительная борьба народов Европы против наполеоновского гнета. Несколько ранее Пыпина Александр Веселовский во вступительной лекции к курсу истории всеобщей литературы «О методе и задачах истории литературы, как науки» объяснял процесс становления сравнительно-исторической методики в первую очередь расширением творческого горизонта европейских поэтов-романтиков — вширь (в географическом пространстве) и вглубь (во времени).

Успехи сравнительного языкознания и сравнительной этнографии не могли не отразиться на смежных областях. Нащупав родство на первый взгляд отдаленных языков, Ф. Бопп, Р. Раск и Я. Гримм заложили в 10—30-х годах XIX века основы индоевропеистики, оказав тем самым неоценимую услугу литературоведению. Но подлинным катализатором сравнительно-исторического изучения стала упавшая на благодатную почву расширившихся международных контактов и информационного обмена идея построения истории «всеобщей мировой литературы», в основе которой лежали представления о единстве мировой культуры. Выраженные в Ветхом Завете и подтвержденные всем последующим ходом исторического развития представления о единстве человеческой цивилизации начинают как бы заново открываться и бурно переживаться ев-

⁸ Пыпин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы. — Вестник Европы, 1875, кн. X, с. 676.

рспейской научной мыслью. Реализация идеи построения истории всеобщей литературы была сопряжена с целым рядом трудностей — так, следовало сначала определить понятие «история литературы» и очертить географические границы охвата материала, далее необходимо было изучить каждую отдельно взятую национальную литературу и лишь затем приступить к изучению всемирного литературного процесса. Именно диалектика общего и частного, заключенная в идее всеобщей литературы, могла при благоприятном направлении исследовательского ума сыграть роль мощного стимулятора сравнительных приемов исследования. На примере Веселовского это хорошо показал И. К. Горский. «В центре внимания Веселовского, — напоминал он, — находились законы поэтического творчества. Как и всякие другие законы, они не могли не обладать свойством всеобщности, и естественно было ожидать, что наиболее полно их действие проявится в истории всеобщей литературы. А эта последняя оказывалась не чем иным, как историей многих частных литератур в их сходных чертах. Так намечался специальный объект исследований и вместе с ним тот метод, с помощью которого он мог быть познан, а значит, намечались и рамки особой, сравнительно-исторической школы изучения литератур»⁹.

Сравнительно-исторический метод относится к методу старой «эстетической критики» как индуктивный метод к дедуктивному. Поворот в гуманитарном мышлении, совершившийся под влиянием естественных наук в первой половине XIX века, был реакцией на априоризм и обветшалость старых методов и приемов исследования. В этой связи Пыпин замечал: «Современная наука, оставив прежние априорные построения, стала искать объяснения человеческого развития в аналитическом изучении, которое должно привести к иного рода обобщениям, более точным и доказательным, потому что в основании их полагаются строго определенные факты»¹⁰. Каузально-генетическая направленность как одна из основных особенностей культурно-исторического метода была рассмотрена мной в предыдущей статье. Сравнительно-исторический метод пошел в этом отношении еще дальше, «до известной степени» являясь «эквивалентом экспериментального метода, открывая новые воз-

⁹ Академические школы в русском литературоведении. М., 1975, с. 226.

¹⁰ Пыпин А. Н. О сравнительно-историческом изучении..., с. 642.

возможности установления причинного соотношения между последующим и предыдущим явлением» (Б. М. Энгельгардт). Аналогично широко применявшегося в сравнительных исследованиях индуктивного метода, в основу которого положен каузальный принцип, блестяще раскрыл Александр Веселовский. «Изучая ряды фактов, — писал он, — мы замечаем их последовательность, отношение между ними последующего и предыдущего; если это отношение повторяется, мы начинаем подозревать в нем известную законность; если оно повторяется часто, мы перестаем говорить о предыдущем и последующем, заменяя их выражением причины и следствия. Мы даже склонны пойти далее и охотно переносим это тесное понятие причинности на ближайшие из смежных фактов: они или вызвали причину, или являются отголоском следствия. Берем на проверку параллельный ряд сходных фактов: здесь отношение данного предыдущего и данного последующего может не повториться, или если представится, то смежные с ними члены будут различны, и наоборот, окажется сходство на более отдаленных степенях рядов. Сообразно с этим мы ограничиваем или расширяем наше понятие о причинности; каждый новый параллельный ряд может принести с собою новое изменение понятия; чем более таких проверочных повторений, тем более вероятно, что полученное обобщение подойдет к точности закона»¹¹.

Не вызывает сомнений тот факт, что «сравнительно-исторический метод близок культурно-историческому, непосредственно из него вырастает, ибо он базируется на идее закономерного исторического развития всех литератур, обусловленного развитием общества»¹². Сравнительно-исторический метод можно считать конкретизацией культурно-исторического метода, выделившимся из него методическим приемом. Александр Веселовский полагал, что культурно-историческое изучение произведения должно предшествовать его сравнительно-историческому изучению, направленному прежде всего на изучение формы произведения (к которой ученый относил, в частности, сюжетные схемы и жанровые компоненты). И все же чрезмерно категорично утверждение, что грань, разделяющая культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, «проходила по линии выдвижения на передний план задачи познания законов изменения художественной формы»

¹¹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика, с. 47.

¹² Академические школы..., с. 168.

(И. К. Горский); речь, как мне кажется, может идти лишь об усилении интереса в сравнительных исследованиях к формально-содержательным компонентам произведения, поскольку форма здесь еще не противопоставляется содержанию. Между сравнительно-историческим и формальным методами нет такого антагонизма, какой существует между методами культурно-историческим и формальным. Более того — не будет преувеличением сказать, что последний был в какой-то мере предвосхищен сравнительно-историческим методом.

Первый опыт широкомасштабного применения сравнительных приемов исследования на литературном материале, имевший теоретическое значение, — капитальный труд немецкого филолога Якоба Гримма (1785—1863) «Немецкая мифология» (1835). Сформулированные здесь воззрения получили в дальнейшем название мифологической теории сравнительно-исторического изучения. Сравнивая фольклорное творчество разных народов, Я. Гримм пришел к выводу о существовании некой доисторической праосновы, «прамифа», к которому оно полностью сводится. Из самого же мифа в процессе эволюции вычлениются сказка, легенда, песня и другие жанры. В основе такого подхода лежала идея родства индоевропейских языков, восходивших к некоему праязыку, а следовательно, и родства индоевропейских народов, имевших некогда единую прародину. Наиболее четко суть мифологической теории изложил в одной из своих работ Ф. И. Буслаев. «...Все существенные основы языка, быта семейного и племенного, мифологических и поэтических преданий, — писал русский мифолог, — составляют нераздельную собственность всей группы народов индоевропейских или арийских, и именно в ту отдаленную эпоху, живая память о которой сохранилась до наших времен в древнейших гимнах и обрядах священных книг древнеиндийского племени, известных под именем Вед»¹³.

Однако простое наложение методологии языкознания¹⁴

¹³ Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии. — Русский вестник, 1872, № 10, с. 653—654.

¹⁴ Сравнительному языкознанию не был известен убийственный аргумент В. Гумбольдта, относящийся к 1801—1802 гг. (рукопись была опубликована лишь в 1907 г.): «Разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее...» (Гумбольдт В. Язык и философия культуры с. 349).

(сам Я. Гримм был, как известно, одним из пионеров сравнительного изучения языков) на фольклор и литературное творчество едва ли эффективно — логика развития образа в этих последних не подчинена жестким закономерностям, царящим в сфере языка, поэтому проследить, скажем, эволюцию поэтической идеи или сюжета, либо реконструировать историю происхождения тех или иных элементов произведения — довольно неблагоприятная задача. Признавая «глубокую связь преемства между первообразами народного творчества в слове и мифе и позднейшими формами сознательной литературы», Веселовский тем не менее считал «гипотезу мифа» слишком «удобной» для науки. Скрупулезное изучение средневековых текстов заставило ученого усомниться в способности мифологической теории правильно объяснить генезис исследуемого явления. Так, тщательно проанализировав итальянское суеверие, Веселовский приходит к выводу, что «за миром романской цивилизации не стоит, непосредственно примыкая к ее средневековой поэзии и живущему народному преданию, такая плотная мифическая среда, которую можно было бы принять за исходную точку развития народных верований; а если и существует нечто подобное, то в неопределенной дали, притом значительно заслоняемой самыми разнообразными этнографическими смешениями, между которыми трудно и почти совершенно невозможно отыскать то, к чему наука могла бы с точностью привязать известную черту народного суеверия»¹⁵.

Несмотря на жестокую критику, мифологическая теория выстояла, — интерес к ней то усиливался, то ослабевал. В 1876 году мэтр культурно-исторической школы Н. С. Тихонов констатировал, что новая историко-литературная школа основана на «сравнительном изучении народности» и подкреплена «надежным руководством сравнительной грамматики и сравнительной мифологии индоевропейских народов». Конечно, слова эти были скорее авансом, чем комплиментом, но они, надо полагать, чего-то стоили. Прямых последователей у Гримма было немало — среди наиболее известных А. Кун и А. Шварц (Германия), М. Мюллер и Дж. Кокс (Англия), А. де Губернатис (Италия), Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер (Россия).

Поскольку я рассматриваю мифологическую теорию как один из этапов становления сравнительного метода, можно ограничиться сказанным выше, тогда как при изучении

¹⁵ Веселовский А. Н. Собр. соч. М.-Л., 1938, т. 16, с. 15.

~~мифологического~~ метода сказанного явно недостаточно — теория Гримма в качестве сравнительной теории предстанет здесь всего лишь одним из элементов метода.

Второй этап связан с теорией заимствования немецкого филолога, специалиста по классической и индийской филологии Теодора Бенфея (1809—1881). Эту теорию называют также миграционной теорией или теорией бродячих (странствующих) сюжетов. В 1859 году Бенфей печатает обширное (объемом в целый том) предисловие к немецкому переводу «Панчататры». И хотя за два года до этого независимо от немецкого ученого проблема влияния была поставлена в диссертационном труде Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (на что обратил внимание В. М. Жирмунский), именно Бенфеем впервые в европейской науке было отчетливо сформулировано положение о заимствовании как универсальном принципе культурно-исторического общения народов. Родиной всех странствующих сюжетов была объявлена Индия. Бенфей признавал лишь однонаправленное влияние: Восток→Запад. Им были выявлены пространственно-временные параметры такого влияния: географические маршруты странствия сюжетов и периоды наиболее интенсивного влияния восточных сюжетов на европейскую литературу. Дальнейшие исследования внесли в эту схему существенные коррективы. Так, согласно одному из правил, сформулированных Веселовским, древние варианты памятника лучше сохраняются не в пространственной близости от очагов первоначального распространения и не вблизи центров новой культуры, а в наиболее подходящих условиях¹⁶.

Теория заимствования оказала заметное влияние на ученых XIX столетия — последователями Бенфея были Г. Парис и Э. Коскен (Франция), А. Клаустон (Англия), Р. Кёлер и М. Ландау (Германия), а косвенное воздействие теории испытали на себе по существу все представители культурно-исторической школы. «Вся история человеческого просвещения, и с ним литературы. — писал Пыпин в 1898 году, — есть история постоянных заимствований и взаимодействий, — с тех древнейших эпох, до которых достигает исследование, и до новейшего времени: передавался от одного народа к другому собранный запас знаний, направлений мысли, литературных форм и идей, и затем развитие шло новыми путями, с новы-

¹⁶ См.: Академические школы..., с. 269.

ми применениями, старый запас умножался новыми приобретениями и новыми оттенками национальных дарований»¹⁷. Естественность теории заимствования объясняется тем, что акт заимствования является непосредственным результатом коммуникации как отдельных индивидов, так и целых народов. При изолированном рассмотрении творчества отдельного автора и тем более целого периода национальной литературы невозможно выявить их своеобразие и значение. Однако в процессе установления факта заимствования мы должны проявлять особую осторожность, ибо, как заметил Веселовский, «то, что на первый взгляд мы склонны принимать за заимствование, часто не более, как иллюзия исторического приурочения...»¹⁸.

Теория заимствования Бенфея не была свободна от недостатков — так, было замечено, что она предпочитала иметь дело с памятниками народно-поэтического творчества или старой книжной литературой, избегая индивидуального творчества. анализ которого был сопряжен с неразрешимыми для нее трудностями. Весьма сомнительной с точки зрения исторической достоверности представлялась осуществляемая в рамках теории заимствования операция реконструкции текста. Предложенная Бенфеем модель пространственно-временных параметров влияния (соседнее влияет на соседнее, ранее на позднее¹⁹) была слишком упрощенной. Уже в 1863 году Веселовским было сформулировано правило о специфике влияния «чужого» на «родное», влияния, которое «всегда обуславливается его внутренним согласием с уровнем той среды, на которую ему приходится действовать» и которое «действует более в ширину, чем в глубину».

Поскольку Бенфей объяснял сходство сюжетов не единой мифологической первоосновой, а внешними причинами — миграцией сюжетов в результате культурно-исторического общения народов, его теорию принято противопоставлять мифологической. Веселовский установил, что эти теории взаимно дополняют друг друга, и предложил весьма плодотворный способ

¹⁷ История русской литературы А. Н. Пыпина. СПб., 1902, т. 1, с. 32.

¹⁸ Веселовский А. Н. Собр. соч., т. 16, с. 40.

¹⁹ Этот последний принцип был возведен в абсолют автором «Западного влияния в новой русской литературе» (1879—1881) Алексеем Веселовским, братом Александра Веселовского.

корреляции указанных теорий. Имея в виду труды Я. Гримма и Т. Бенфея, ученый писал: «Эти книги не исключают друг друга, как не исключают и оба направления; они даже необходимо восполняют друг друга, должны идти рука об руку, только так, что попытка мифологической экзегезы должна начинаться, когда уже кончены все счета с историей»²⁰.

Теория самозарождения (теория самозарождения сюжетов, иначе антропологическая или этнографическая теория) знаменует собой третий этап становления сравнительного метода. Основоположником теории по традиции считается английский этнограф и фольклорист Эдуард Бернетт Тайлор (1832—1917), хотя с полным правом эту честь могут разделить с ним и другие современники-этнографы, представлявшие эволюционную школу (в частности, Дж. Макленнан, Дж. Леббок, А. Бастиан), а также Ал-р Н. Веселовский («Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса», 1868, «Сравнительная мифология и ее метод», 1873) и Ф. И. Буслаев («Сравнительное изучение народного быта и поэзии», 1872—1873, «Странствующие повести и рассказы», 1874). И все же честь первооткрывателя должна, на мой взгляд, принадлежать основоположнику немецкой культурно-исторической школы Георгу Готфриду Гервинусу (1805—1871), который в своей пятитомной «Истории поэтической национальной литературы немцев» (1835—1842) предпринял попытку объяснить явления сходства законом внутреннего развития. По мнению ученого, «даже и в языке слишком мало обращали внимания, что одинаковый дар наблюдения, обращенный на одни и те же предметы, мог самостоятельно найти сходные выражения для внутренних впечатлений и, вероятно, часто находил. Если, при всяком сходстве в истории, отправляться от ...предполагаемого доисторического сродства — то не было бы закона внутреннего развития, и никакой народ, ни один человек не мог бы сделать шагу, не заимствуя»²¹.

Теория самозарождения сформулирована Тайлором в фундаментальном труде «Первобытная культура», оконченом в 1869 году (опубликован в 1871 г.). В течение многих лет ученый собирал этнографический материал (с этой целью он по-

²⁰ Веселовский А. Н. Собр. соч. Пг., 1921, т. VIII, вып. 1, с. 1.

²¹ Цит. по: Веселовский А. Н. Историческая поэтика, с. 394—395.

бывал во многих экспедициях), и насыщенность книги конкретными фактами подчеркивает ее научную ценность. Собранный и систематизированный материал раскрыл значение принципа детерминизма, положенного в основание теории Тайлора. С помощью этого принципа ученым был подтвержден сформулированный представителями эволюционной школы в этнографии закон развития человеческой культуры — «от дикости к цивилизации» («несмотря на отдельные факты деградации»). Ядром теории самозарождения явилось следующее положение Тайлора: «При рассмотрении с более широкой точки зрения характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений... Как однообразие, так и постоянство можно проследить без сомнения, с одной стороны, в общем сходстве природы человека, с другой стороны, в общем сходстве обстоятельств его жизни»²².

В поисках более достоверного истолкования явлений сходства к идее самозарождения без каких-либо влияний извне уже в 1868 году (т. е. за год до окончания Тайлором своего труда) пришел Веселовский. В «Заметках и сомнениях о сравнительном изучении средневекового эпоса» он подмечает, что сходные легенды и мифы «вызваны схожими потребностями быта и готовою основой доисторического предания», «ассоциацией мифических идей, вызванной одинаковою потребностью фантазии и приведшей к одинаковым результатам». В этой же работе Веселовский формулирует положение, устанавливающее соотношение теорий самозарождения и заимствования. «При сравнительной однородности мифического материала и однообразии эпических приемов, — пишет ученый, — народной фантазии легко было, преследуя одни и те же мотивы, прийти к одним и тем же средствам изложения и даже воспроизвести одинаковые подробности. ...Иногда даже сложное сходство двух или нескольких сказаний, проникающее и в частности, не дает права на гипотезу заимствования, если в это сходство не привзойдут какие-нибудь исторически определенные черты». Рациональное зерно теории самозарождения было учтено Веселовским в его докторской диссертации «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872), которая явилась одним из высших достижений сравнительно-историче-

²² Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 3—4.

ского изучения. Указывая на правомочность различных подходов к проблеме сходства, ученый писал, что сходство восточной и западной повестей может быть продуктом «равномерного психического развития, приводящего там и здесь к выражению в одних и тех же формах, одного и того же содержания». В «Сравнительной мифологии и ее методе» Веселовский попытался сформулировать общее правило применения всех трех теорий для объяснения сходства «мифических типов». «Всякое сходство мифических типов, проявляющееся в сказках, поверьях, обрядах, — писал ученый, — объясняется либо историческим перенесением из одной области в другую, либо возведением к одному доисторическому типу, из которого развились элементы, сохранившие в разной степени родственный облик. Но это объяснение возможно и понятно, пока сходство остается в пределах одной расы, одной исторической традиции. ...Сходство народных верований, при отличии рас и отсутствии исторических связей, не может ли быть объяснено из природы психического процесса, совершающегося в человеке?» Веселовским была также вычислена степень эффективности приложения теории самозарождения к сюжету и его единице — мотиву. Будучи пригодной для объяснения повторяемости простых мотивов, эта теория была неспособна объяснить переключку сложной комбинации мотивов, тождество сюжетов.

Недостаточность мифологической теории и теории заимствования в объяснении все более накапливавшихся фактов сходства явлений словесного творчества побуждали искать третий путь и Ф. И. Буслаева. В статьях 1872—1874 гг. ученый выделил целый ряд оснований теории самозарождения — общность «условий жизни», «общие всему человечеству законы логики и психологии», «общие явления в быту семейном и практической жизни», «общие пути в развитии культуры».

Как показала практика, неосторожное применение теории самозарождения и отводимая ей суперроль оборачивались грубыми допущениями и даже вульгаризацией. Так, сторонники В. Ф. Миллера считали русский былевой эпос непосредственным отражением русской истории. Еще дальше в этом отношении пошли приверженцы классового подхода к искусству. Теория самозарождения дала им удобный повод рассуждать об однородности и разнородности «классового генезиса творчества», определявшего «психические устремления». Слишком узко понимал теорию самозарождения в ряде своих поздних

работ В. М. Жирмунский — на них лежит неизгладимый отпечаток 1950—1960-х годов. Теория самозарождения, противоположающая себя и теории заимствования, и мифологической теории, в определенном смысле как теория внутренних причин может быть соотнесена именно с мифологической теорией.

Обрабатывая огромный разноязычный фольклорный и литературный материал, Веселовский обращал внимание на постоянную повторяемость одних и тех же или сходных мотивов и сюжетов, на «ряд неизменных формул, далеко простирающихся в области истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу». Заслуга Веселовского состояла в том, что он не применял догматически какую-либо одну теорию для объяснения сходства явлений, но варьировал все три в зависимости от специфики самого материала. Однако все три теории страдали одним существенным недостатком — удостоверяя «отцовство» того или иного явления, они совершенно не интересовались предрасположенностью «материнской» литературы к «браку», условиями, при которых «брак» становился возможным, не говоря уже о влиянии «матери» на «отцовское» влияние («матери» приписывалась одна лишь пассивная роль). Так в 1887—1889 годах Веселовский приходит к теории «встречных течений», которая была призвана синтезировать ранее созданные теории сравнительного метода. Первый шаг к этой теории был сделан ученым еще в 1863 году, когда он отмечал, что «внося новый материал в нравственную и умственную жизнь народа, они (заимствования. — В. Ч.) сами изменялись под совокупным влиянием той и другой»²³. В статье «Лорренские сказки» (1887) Веселовский отмечал, что «усвоение пришлого сказочного материала невозможно без известного предрасположения к нему в воспринимающей среде. Сходное притягивается сходным, хотя бы сходство было и неабсолютное... Заносная сказка шла навстречу местным образам и обрывкам фабул, она их организовала, но и воспринималась благодаря их существованию»²⁴. Через два

²³ См.: Журнал Министерства народного просвещения, 1863. № 12, отд. II, с. 557—558.

²⁴ Ср. также: «Заимствование предполагает встречную среду с мотивами или сюжетами, сходными с теми, которые приносились со стороны» (Веселовский А. Н. Историческая поэтика, с. 506).

года в «Разысканиях в области русского духовного стиха» теория «встречных течений» предстала уже в полностью оформленном виде. «Объясняя сходство мифов, сказок, эпических сюжетов у разных народов, — пишет ученый, — исследователи расходятся обыкновенно по двум противоположным направлениям: сходство либо объясняется из общих основ, к которым предположительно возводятся сходные сказания (мифологическая теория и теория самозарождения — В. Ч.), либо гипотезой, что одно из них заимствовало свое содержание из другого (теория заимствования. — В. Ч.). В сущности ни одна из этих теорий в отдельности не приложима, да они и мыслимы лишь совместно, ибо заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии. Теория «заимствования» вызывает, таким образом, теорию «основ», и обратно; анализ каждого факта из области Folklor-a должен одинаково обращаться на ту и другую сторону вопроса в виду возможности, что взаимное передвижение мифа, сказки, песни могло повторяться не однажды и всякий раз при новых условиях как усвояющей среды, так и усваиваемого материала». Нетрудно обнаружить, что сформулированное в 1960 году В. М. Жирмунским правило, гласящее, что всякое литературное влияние «закономерно и социально обусловлено», непосредственно вытекает из теории «встречных течений» Веселовского.

Теория «встречных течений» как своего рода метатеория венчает теоретическую историю сравнительно-исторического метода изучения художественного творчества.

Сравнительно-исторический метод унаследовал от культурно-исторического и присущие последнему недостатки, в первую очередь эстетическую глухоту. Пристально вглядываясь в древние периоды культурной истории человечества и реконструируя на основе немногочисленных дошедших до нас памятников старины, косвенных источников и позднейших версий один за другим культурные слои, сравнительно-исторический метод так и не смог объяснить процесс перехода внеэстетических явлений в эстетические, как не сумел по достоинству оценить неповторимый эстетический аромат произведения, поскольку помимо всего прочего оставил без внимания законы психологии творчества, личность художника. (Частично этот пробел пытался восполнить поздний Веселовский). Справедливость требует отметить, что в отличие от культурно-историче-

ского метода сравнительный метод проявлял интерес к форме произведения, которая в силу своей константности являлась весьма удобным объектом для сравнительного анализа.

Еще в 10-х годах XIX века, т. е. за два десятилетия до проникновения методики сравнительных исследований в литературоведение, Гегель высказывал серьезные сомнения относительно возможности применения сравнительного метода «с одинаковым успехом во всех областях познания», особо подчеркивая, «что одно лишь сравнивание не может дать полного удовлетворения научной потребности и что достигнутые этим методом результаты должны рассматриваться как только подготовительные, хотя и необходимые, работы для подлинно постигающего познания»²⁵. И хотя вклад сравнительно-исторического метода в науку о литературе неоспорим, нельзя не заметить и ущерб, причиненного огромной армией компаративистов, набрасывающих свои исследовательские сети на все, что ни попадется им под руку. «Всегда следует помнить, — говорил В. Н. Перетц, — что видеть во всем и везде «заимствование» — это для ученого, пользующегося сравнительным методом, — признак «дурного тона», плохой школы или отсутствие всякой школы»²⁶. Весьма актуальным и методологически ценным представляется сформулированное Веселовским еще в 1868 году «положительное требование» к научному методу, «по которому требуется объяснять жизненное явление прежде всего из его времени и из той самой среды, в которой оно проявляется, и лишь тогда раздвигать границы сравнения, когда ближайшие условия не дают исследователю удовлетворительного ответа»²⁷. Одна из конкретных рекомендаций, вытекающих из этого требования, была предложена Веселовским в статье «Сравнительная мифология и ее метод» (1873). «Возьмите сказку в ее цельности, — советовал ученый, — изучите в ней сплав разнообразных мотивов, рассмотрите ее в связи с сказками того же народа, определите особенности ее физиологического строя, ее народную индивидуальность и затем переходите к сравнению с сказкой

²⁵ Гегель. Энциклопедия философских наук, М., 1974, т. 1, с. 274.

²⁶ Перетц В. Н. К вопросу о сравнительном методе в литературоведении. — Тр. отд. др. рус. лит. ИРЛ, 1, 1934, с. 337.

²⁷ Веселовский А. Н. Собр. соч. т. 16, с. 16.

и сказками других народов, которые с своей стороны подлежат такому же предварительному выяснению. ...Так же надобно поступать и с мифом: путь должен идти от особенного к сродному и общему...».

И. К. Горским было подмечено, что сравнительно-исторический метод «результативен лишь в пределах того или иного эволюционного цикла». Очерчивая сферу наиболее эффективного приложения сравнительного метода (этнография и фольклористика, в которых преобладал отрывочный материал), исследователь дает этому факту строго научное обоснование²⁸. Таким отрывочным материалом виртуозно оперировал Веселовский — чего стоит, например, не имеющая аналогов по трудоемкости его работа по реконструкции южнорусской (ранней) версии героического эпоса («Южнорусские былины», т. 1—11, 1881—1884).

В рамках сравнительно-исторической методики может быть успешно решена проблема соотношения традиции и новаторства в индивидуальном творчестве. В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на то обстоятельство, что целый ряд современных теоретических проблем чрезвычайно глубоко и обстоятельно разрабатывался в древности и средние века на Востоке. Так, в частности, в VIII—XI веках глубокую концептуальную разработку в трудах арабских филологов получила теория «поэтических заимствований», позволявшая установить степень «традиционности» автора²⁹. Вообще же проблема корреляции восточных и западноевропейских теорий, несмотря на известные трудности, представляется мне чрезвычайно важной.

Число исследователей, отдавших дань сравнительно-историческому изучению, едва ли поддается исчислению — даже в рамках выделенного нами исторического периода. Диапазон подходов к сравнительному изучению весьма широк — от Алексея Веселовского, полагавшего своей главной задачей выявление «совпадений» в произведениях отдельных авторов (что, впрочем, не помешало ему выстроить любопытную типологию русско-европейских литературных связей), до Александра Веселовского, вооруженного синтетической теорией, сквозь которую он пропускал огромный международный материал.

²⁸ См.: Академические школы..., с. 230.

²⁹ См. об этом: Куделин А. Б. Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII—XI век). М., 1983, с. 100—123.

Высокий научный уровень многочисленных работ Александра Веселовского, выходящих за рамки собственно сравнительного изучения, и грандиозность исследовательских задач делают его центральной фигурой литературоведческого процесса второй половины XIX века. Достижения Веселовского нередко вменяют в заслугу сравнительному методу, как будто ученый служит методу, а не метод — ученому. Творчество Веселовского знаменует собой высшую фазу сравнительно-исторического изучения. Дальше сравнительно-историческая мысль двигалась уже в обратном направлении, утрачивая теоретическую глубину и цельность, присущую трудам ученого. Попытки же некоторых современных исследователей углубить теорию сравнительного изучения оказались не вполне удачными.

Круг исследователей, занимавшихся сравнительно-историческими изысканиями, был столь разнородным по своему составу, что говорить о сравнительно-исторической школе в литературоведении было бы неправильно. Своеобразие этого направления исследовательской мысли состояло в том, что его представители придерживались весьма различных, иногда диаметрально противоположных, воззрений, и тот факт, что противники находились внутри одного лагеря, а не вовне (внешних врагов у сторонников сравнительного изучения практически не было) явно не способствовал выработке единства, столь необходимого для создания и функционирования научной школы. Не следует забывать и о том, что сравнительно-историческое изучение осуществлялось в рамках культурно-исторической методологии, получая от последней необходимый толчок и возвращая ей же конечный продукт. Говорить же о школе Александра Веселовского можно лишь в том смысле, что ни один поборник сравнительного изучения не мог пройти мимо результатов, полученных выдающимся ученым.

Анатолий ФИЛАТОВ

МАСТЕР, НЕСУЩИЙ РАДОСТЬ

«...Я вас сегодня приглашаю к путешествию в страну живописи грузина Ладо ГУДИАШВИЛИ...

Сугубо национальная, с точки зрения показа, его живопись отображает самые обыденные сцены из грузинской жизни... Со своей стороны, Ладо Гудиашвили оживляет эти маленькие сцены дьявольским блеском и той чувствительностью, которая тревожит нас, но ни в коей мере не ослабляет силы таинственного притяжения, которое мы испытываем, сталкиваясь с этим столь чуждым нам социумом. Итак, всмотритесь в эти полотна».

Морис РЕЙНАЛЬ, 1925 год, Париж.

ГОРЕ, ГОРЕ ТЕБЕ, СЕРАФИТА!

Впервые я узнал о нем по репродукциям с его картин. Даже этого оказалось достаточно: мне захотелось самому увидеть воочию произведения, исполненные свежо и современно, удивительно легко и стремительно. Была в его картинах и особенно в рисунках, по-восточному изящных, я бы сказал, «каллиграфичных», сокрыта для меня какая-то тайна.

Моя вторая, и тоже заочная, встреча с художником произошла уже в самом Тбилиси. В специальном сейфе Государственного музея Грузии, где хранятся вещи изумительной кра-

сооты и ценнссти, я долго любовался так называемыми сокровищами Серафиты. Эти ювелирные украшения второго века нашей эры были взяты археологами при вскрытии саркофага. Надгробный обелиск с древнегрузинской надписью гласил следующее: «Я, Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша (то есть правителя. — Ред.) царя Фарсмана, жена Иодмангана-победоносца и много побед одержавшего...» А в конце надписи, царственно-официальной и эпической, — вдруг по-человечески простой, хватающий за душу вопль отчаяния и скорби: «Горе, горе тебе, которая была молодая и столь красивая была, что никто не был ей подобен по красоте, и умерла на 21 году (жизни)». Древний некролог донес в наш XX век трагическую историю красавицы-грузинки, умершей от родов.

Кажется, сама земля долго хранила для нас эту историю, а мудрость людская смогла найти и прочесть ее почти два тысячелетия спустя. И подумалось мне: Серафита! Какой волнующий для художника сюжет в этом имени. Увы, я оказался не оригинален, ибо несколько позднее в обширном Музее искусств Грузии я увидел полотно под названием «Прогулка Серафиты»: блестящая красавица, баловница и любимица близких, в окружении веселящейся свиты. И, представьте, Серафита словно бы ожила — ожила вовсе не потому, что я снова видел знакомый мне блеск знаменитого клада Серафиты.

В углу картины стояла знакомая фамилия — Гудиашвили.

БАТОНИ ЛАДО

Помню, как он сам открыл нам дверь, и мы сразу же очутились в обширном зале. Следует сказать, что весь старинный дом, расположенный в центре города, принадлежал в прошлом столетии грузинским князьям Багратиони-Мухранским. Огромный, в 120 квадратных метров зал второго этажа, где когда-то в мерцающем блеске свечей гремели балы тбилисской знати, был навсегда отдан властью Советов в распоряжение вовсе неродовитого сына обычного железнодорожного служащего, каким являлся Ладо Гудиашвили (его полное имя Владимир Давидович). Пожалуй, за свою долгую историю зал этот нашел, наконец, свое истинное «призвание»: все его стены увешаны в несколько рядов картинами маэстро Ладо.

— Это же целый музей! — невольно вырвалось у меня.

Хозяин наш, человек среднего роста, стройный и от седины белоголовый, приглашает сесть. У него хорошая, почти дет-

ская улыбка. Совсем молодо смеются и сами необычайно живые, острые глаза Гудиашвили, и это впечатление как бы подчеркивают пушистые седые ресницы, придающие глазам выразительную «мохнатость». Невольно вспомнилось выражение Достоевского «хорошо смеется человек, значит хороший человек».

Гудиашвили мог в чем-то не соглашаться с собеседником, но всегда делал это, как гостеприимный и радушный хозяин, неизменно мягко. Моего восторга насчет музея он словно бы и не заметил, но ясно дал понять, что прежде всего этот громадный зал — его мастерская, его рабочее место.

— Знаете, — говорил он, — здесь целый день солнце, иногда обилие его просто мешает, особенно летом, когда холсты сильно высыхают и натягиваются на подрамниках, словно барабаны, а сам я нередко в течение дня вынужден «путешествовать» в поисках лучшего освещения по всему залу с мольбертом вместе...

И нужно было видеть, какой радостью загорались его карие «мохнатые» глаза, когда собеседник, рассказывая о чем-нибудь, приходил к мысли, которой придерживался и сам художник. Тогда он, словно обретая в госте еще и единомышленника, особенно воодушевлялся, стараясь эту мысль дополнить или развить.

РУКОЙ ГРОТЕСКОВОГО МАСТЕРА

Гудиашвили издавна снискал славу певца утонченной женской красоты, я знал об этом скорее теоретически (одной Серафиты, согласитесь, мало), и потому заранее приготовился увидеть во всем многообразии и живописном блеске знаменитых гудиашвилевских красавиц. Однако не с них началось мое практическое знакомство с творчеством грузинского мастера. Далеко не многие знали в ту пору о Гудиашвили — создателе гротесково-фантастической серии листов. Особенно много над ней работал он в годы Великой Отечественной войны, но отдельные листы были созданы очень давно. Так, к 1921 году относится его «Чарли Чаплин в кафе «Ротонда». Двадцатипятилетним художником увидел он в знаменитом парижском кафе, где обычно собирались поэты и артисты, угловатого, печального человечка в котелке и с усиками. За столиком — Чаплин и его импрессарио. У последнего — неподвижное лицо робота. Сцена сродни тем, которые миллионы зрителей видели в

фильмах с участием великого актера: так и кажется, что вот-вот начнутся экстравагантные чаплинские трюки с его неповторимой мимикой, переодеваниями, неожиданными погонями, затрещинами и всенепременными пинками под зад. На чаплинских сеансах хохочут до слез, но после остается чувство глубокой грусти и обиды за маленького человека, бьющегося в паутине жестокого мира, где царят зло и деньги. Ладо Гудиашвили почувствовал и сумел превосходно передать это в своем произведении семь десятилетий назад.

Язык гротеска с его набором ярких метафор, аллегорических иносказаний и гиперболизмом — древнейшее оружие человеческой мысли. У Гудиашвили были гениальные учителя-предшественники — англичанин Свифт, француз Рабле, испанец Гойя, русские Гоголь и Салтыков-Щедрин. Я не знаю, кто из советских художников и писателей в настоящее время работает в жанре фантастического гротеска. После Владимира Маяковского, разрушительно-созидательным взрывом ворвавшегося в мировую поэзию, из литераторов разве что Михаил Булгаков работал в этой области много и плодотворно.

Гудиашвили, видимо, ближе всего Гойя с его прославленной серией офортов «Капричос». Во всяком случае, антифашистские листы Ладо населяют нелюди, подобные гойевским — полузвери, получеловеки с ухватками приматов. В них для Гудиашвили — олицетворение фашизма.

«Кто знает, как это им пригодится» — так он назвал одну из своих работ. Какие-то упыри несут картину Тициана и шедевры древнегреческой скульптуры. Трудно, безусловно, предположить, «как это им пригодится», но как в таких случаях поступали фашисты, весь мир хорошо узнал — минировали и оскверняли все, будь то «Сикстинская Мадонна» Рафаэля или могилы Александра Пушкина и Льва Толстого.

Полна человеческого раздумья и другая картина с длинным названием, которое является одновременно и комментарием автора, — «Благословенный агрессорами путь к благоденствию». Нескончаемой вереницей бредут люди по дороге, ведущей в... никуда. Тернистый их путь идет мимо курящегося, словно костер, вулкана и теряется где-то на шатких мостках, уходящих за линию морского горизонта. И тянут люди с собой разное, кто что успел прихватить: клетку с обезьяной, глобус, грузинский храм, а один человек без головы широко шагает на собственных руках, зажав ногами толстый фолиант. Это ли не Апокалипсис атомного века?

— Белый холст пугает меня, как и пятьдесят лет назад, — мог сказать Гудиашвили. — Но другой профессии у меня нет, и я пишу. Мне уже немало лет, и я часто спрашиваю себя: «Неужели никогда не смогу, хоть самую малую толику, быть достойным великих?» Отсюда всякий раз боязнь чистого холста. Боюсь повторить себя, ведь повторение — это конец творчества. В сущности, мною немало сделано — около трех тысяч произведений: масло, гуашь, акварель, тушь и так далее. Разные области — театр, кино, есть даже церковная роспись. Попробуйте разложить все это на прожитые мною годы. Много получится, но дело, разумеется, не в количестве.

— Человек может считаться художником лишь тогда, когда он себя нашел, сумел выработать свой почерк, свойственный только ему и никому другому.

Где лежат истоки гудиашвилевского своеобразия? Сам художник всегда видел их достаточно четко и, как истинный сын Грузии, никогда не забывал дороги к ним.

Тбилисское художественное училище он закончил еще до революции в 1914 году, но уже в те годы прикоснулся к живительному источнику народного творчества: участвовал в экспедициях по учету, консервации и охране памятников грузинского зодчества, многие из которых относятся к числу старейших на территории Советской страны.

— В росписях древнейших храмов я увидел замечательные достижения грузинских изографов, которые довольно быстро отошли от византийских канонов и пошли своим путем. Я не мог не подпасть под обаяние и власть этих древнегрузинских шедевров. Особенно меня покорило то, что в них чувствуется замечательное свойство истинного искусства — условность.

Попутно я углубленно изучал устное народное творчество с его хорами и песнопениями, таинственными легендами и повосточному цветистыми сказаниями и сказками.

— Можно сказать, — продолжал он, — фрески, фольклор, сама жизнь, природа, безусловно, фантазия и разумное отношение к новейшим достижениям искусства начала века — все это как-то совокупилось в моем сознании и способствовало художническому становлению. Во всяком случае первые рецензии 1914-15 годов отметили национальный характер моих произведений, а это уже, согласитесь, немало для молодого художника.

— Кстати, батано Ладо, у меня давно вертится на языке этот вопрос. Через все Ваше творчество четко проходит, если можно так выразиться, грузинская Венера, идеальный образ прекрасной женщины, и лани, являющейся символом красоты, нежности, ласки. В этом тоже сказывается национальный характер?

— Если хотите, да. Культ женщины — один из древнейших и почитаемых в Грузии. Но вообще без радости и вдохновения не делается ни одно произведение искусства. Иногда душа и сердце поют, потому что какая-то часть твоей жизни стала иной, воплотившись на полотне. Кусок твоей жизни как бы становится частью холста. И все мои лани, все мои красавицы — это часть моей жизни, мое выражение радости. Сюжеты обычно складываются у меня в мозгу, я целиком вижу композицию и колорит. Когда картину начнешь удачно — тоже радость, а в другой раз что-то не получается, и тогда картину нужно оставить, позабыть о ней — она сама позовет.

Невольно вспомнил, как Ладо, показывая мне в Музее искусств Грузии древнейшие сокровища своей родины, в одном из залов нечаянно споткнулся о низенький деревянный бортик, предохраняющий подлинную мозаику пятого века, и сходу отреагировал: «О, сама позвала!» И тут же, как о живом существе, стал рассказывать об изображении лани, которым украшена та воистину драгоценная мозаика из Пицунды.

Своего рода искусом и пробным камнем в творчестве Ладо Гудиашвили стала его почти семилетняя командировка во Францию, куда он был направлен в 1919 году для дальнейшей учебы и основательного знакомства с искусством тогдашней Европы. Однако молодой грузин нашел в себе достаточно сил, чтобы устоять от соблазна механического подражательства моднейшим течениям, которые стекались на Монмартр буквально со всего света.

В Париже он создает замечательную живописную серию — «Старый Тбилиси», где воспевает свою далекую родину. Что же касается «юношеской кори парижского модернизма», по выражению одного зарубежного журналиста, то Гудиашвили пережил ее без труда и мучений. О творческом успехе художника и признании у парижской публики красноречиво говорил тот факт, что на выставке в Салоне, вскоре по приезде, были выставлены и, что самое удивительное, проданы все четыре работы, привезенные им еще из Грузии.

Кстати, там же, во Франции, вышла в 1925 году и пер-

вая монография о творчестве Ладо Гудиашвили, автором которой являлся Морис Рейналь, прогрессивный современный историк искусства, широко известный впоследствии своими работами о Пабло Пикассо. Рейналь первый, кто за рубежом сумел разглядеть и всерьез оценить мощное дарование иностранца. «Повторю, — писал он, — заслугой Гудиашвили является как раз то, что, попав в самую гущу художественных искусств, окружающих его в Париже, он сумел полностью сохранить свое национальное чувство».

В 1926 году Гудиашвили снова на родине. Мастер, искусством которого восхищались на выставках во Франции и Бельгии, Германии, Англии и Америке, не мыслил себе иного места для жизни и творчества, нежели древняя и прекрасная земля его Грузии.

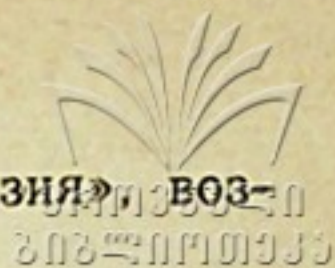
БУДНИ, СТАВШИЕ ПРАЗДНИКОМ

Закрыв глаза и, словно четки, перебирая в памяти долгие часы, которые мне посчастливилось провести в доме Ладо Гудиашвили, я снова и снова буду обращаться к неповторимо-идеальным женщинам этого художника. В картинах «Испанские друзья», «Счастливая семья», «Лейла и Меджнун», «Девушки-колхозницы», конечно же, нет ничего от аскетизма византийских фресок, по которым когда-то учился молодой Ладо. Его женщины скорее чувственны. Зато на примере фресок он постиг замечательное свойство, без которого нет искусства, условность.

Никогда не бывав в Индии, Гудиашвили создал образы женщин, которые невольно хочется сравнить со знаменитыми апсарами на фресках Аджанты. У персидской миниатюры он учился «каллиграфической» чистоте и, я бы сказал, снайперской точности рисунка. И вместе с тем творения грузинского мастера, его рисунок не спутаешь ни с тем, ни с другим, ни с третьим — это искусство Гудиашвили. По меткому выражению писателя Петра Павленко, «линия Гудиашвили — это уже не линия фрески. Она кажется полосой стали, фигурно выгнутой в величайшем риске. Стоит прорваться какому-то невидимому сплетению, и все взлетит, и рисунок, дрожа, выпрямится в прямую линию, как старый клинок».

Глубоко национальное искусство Гудиашвили отличается точное чувство меры. Характерно в этом смысле его высказы-

вание о скульптуре Элгуджи Амашукели «Мать-Грузия», воз-
вышающейся над Тбилиси.

— Где в искусстве проявляется струя сугубо националь-
ная, важно вовремя поставить точку. Амашукели нашел та-
кую вот точку, в которой сошлись лучшие стороны его дарова-
ния, и это прекрасно. А если бы, к примеру, в своей скульпту-
ре он был только грузином или только французом, то потерял
бы свое лицо.

...Ладо Гудиашвили хорошо знал многих замечательных
людей, таких как великий грузинский художник Нико Пиро-
смани, писателей и поэтов, и среди них Владимира Маяков-
ского, Сергея Есенина. Квартиру самого художника посетили
сотни разных людей, и все они вышли отсюда духовно обога-
щенными, с горячим желанием снова вернуться в этот ста-
ринный дом. Разве не об этом говорят многочисленные записи
в книгах, которыми так дорожил художник?

«Неправдоподобно-вдохновенный оазис», — напишут о
мастерской и труде Гудиашвили одни. «Художники — это луч-
шие хозяева. Д. Б. Пристли». Известный композитор и испол-
нитель старинной итальянской музыки Андрей Волконский объ-
яснил в своей любви к Гудиашвили с помощью... нот. Име-
на, имена, записи. Одна из них была особенно чтима самим
Ладо и всем его семейством. Вот эта запись: «Будни, в кото-
рые Вас посещаешь, становятся праздником, часы, проведен-
ные у Вас, кажутся часами иного времени и другого века. На
другой день после посещения Вас просыпаешься с ощущени-
ем, будто все виденное и сказанное у Вас, приснилось... Таково
— единственное, ни с каким сокровищем не сравнимое богатство
сердца — искусство. Борис Пастернак». И за подписью идут
стихи поэта, посвященные художнику. Ими я и закончу рас-
сказ о грузинском мастере, творения которого и сегодня про-
должают нести людям высокую радость большого искусства.

Пронесшейся грозою полон воздух.

Все ожило, все дышит как в раю.

Всем роспуском кистей лиловогроздых

Сирень вбирает свежести струю.

Все живо переменою погоды.

Дождь заливает кровель желоба,

Но все светлее неба переходы

И высь за темной тучей голуба.

Рука художника еще всеильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображенной из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.

Воспоминание о полувеке
Пронесшейся грозой уходит вспять.
Столетье вышло из ее опеки.
Пора дорогу будущему дать.

Не потрясения и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

Официальная хроника

На чрезвычайном заседании первой сессии Верховного Совета Республики Грузия первого созыва, состоявшемся 9 апреля 1991 года, парламентом принят «Акт о восстановлении государст-

венной независимости Грузии».

Постановлением Верховного Совета Республики Грузия введена должность Президента Республики Грузия.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Роваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор К. Котомина

Корректор Е. Сопромадзе

Сдано в набор 25.04.91 г. Подписано к печати 20.06.91 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5.000. Заказ 897. Цена 1 р. 30 к.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства «Самшобло», по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

1 руб. 30 к.

6 97 / 22

ИНДЕКС 76117

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

**ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურნაია ვრუსია“
(რუსულ ენაზე)**

**საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან**

